

The background of the image is a photograph of a grand, ornate theater interior. The ceiling and walls are covered in intricate golden carvings and architectural details. Several large, multi-tiered chandeliers with glowing lights are suspended from the ceiling, casting a warm, golden glow. The overall atmosphere is one of luxury and elegance.

Оксана Мурюканова

*Музыка
сердца*

Оксана Чурюканова

Музыка сердца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35736111

ISBN 9785449314529

Аннотация

Исторический роман погружает читателя в причудливую эпоху барокко, где все построено на законах живописи – контрасте между светом и тенью, любовью и ненавистью, гением и посредственностью, предательством и прощением. Книга рассказывает о сложных отношениях братьев-музыкантов, проживающих одну жизнь на двоих, пока к одному из них не приходит настоящая любовь. Клубком переплетутся счастье и горе, встречи и расставания, неудачи и успех.

Содержание

FORTUNA	5
Встреча	5
Болезнь	24
Felicita	46
Карнавал	81
Ссора	97
Разлука	115
Вместе	130
Дома	164
La liberta	169
Иллюзия счастья	169
Ревность	187
Конец ознакомительного фрагмента.	196

Музыка сердца

Оксана Чурюканова

© Оксана Чурюканова, 2018

ISBN 978-5-4493-1452-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

FORTUNA

Встреча

Хочется творить! Писать! Пачкать пальцы цветными мелками, заполнять чистую бумагу неземными образами, рвущимися из глубин подсознания...

В открытом окне порхали полупрозрачные мотыльки, а на рассыпанные по столу этюды роняли пыльцу вчерашние цветы. Я смахнула на пол папку с рисунками и прочий хлам — хочется свободы! А в голове неотступно, непрерывно, заполняя собой, звучит его голос, мучительно и сладко, как опиум, как наваждение.

Пальцы слабо заскользили по гладкой поверхности бумаги; через минуту стали проявляться очертания пологого берега, домиков у воды и крыльев ветряной мельницы. Воспоминания гнездились где-то на краю измученного этим голосом сознания, и я пыталась сейчас возродить их к жизни. Сколько прошло времени с начала работы, я не ощутила, только отворилась со скрипом деревянная дверь, и в мою комнату, щурясь со света, тихо вошла служанка, аккуратно неся поднос с кофейником, сыром и фруктами.

— Синьорина, прошу вас, съешьте хоть кусочек, — заворковала она, — вот этот сыр принесли вчера из соседней де-

ревни. Там живет мой брат со своей семьей. У них большое хозяйство: и овцы, и куры, и коровы. Не откажите. Кушайте же, прошу вас!

Но обедать мне совсем не хотелось, разве что выпить чашку кофе. Я отпустила служанку и расположилась в плетеном кресле на террасе, обвитой плющом и виноградом. На этот раз мне повезло с жильем: маленький домик, который я снимала, прилепился к обрыву, сверху спускались фиолетовые гроздья глициний, укрывавших крышу сплошным пологом. В доме было несколько комнат, небольших и темных, но вряд ли это можно было считать недостатком в жарком климате здешних мест. Я не соблюдала сиесты, в отличие от хозяйки и моих соседей, а выходила посидеть в послеполуденные часы сюда, на открытую террасу, любоваться морем. Словом, на всем свете не найти было более подходящего уголка для художника.

И лодки в заливе, и зеленые склоны гор, и яркое солнце — все это было самой жизнью, прекрасной, возвышенной, божественной, как... музыка. Несколько черных виноградин упали вниз, я опять почувствовала слабость в руках. Должно быть, всем этим здоровым, упитанным и краснощеким обитателям юга я казалась безнадежной больной: бледная кожа, тонкие, прозрачные руки... Подняв перед собой ладони, я посмотрела, как сквозь них светит солнце. Вся эта яркая жизнь текла отдельно от моего существа. Я чувствовала себя пришельцей из другого мира, отстраненно наблюдающей

за землей. Такой красивой, такой волшебной землей. И мне хотелось прожить здесь до смерти, состариться в этом домишке, наполненном моими картинами и цветами. . .

Но сейчас я понимаю, что все это ничто без твоего голоса. И куда бы ты ни поехал, я буду неотступно следовать за тобой, моим наваждением. Потребность слышать тебя сильнее, чем потребность в пище или воде. Ты — мой воздух. Вот если бы люди придумали такую машину, чтобы можно было сохранить музыку, пение. . . тогда было бы достаточно включить ее, чтобы услышать твой голос в любой точке мира и когда захочешь.

Я — художник. Да-да, это может удивить, но я верю, что пройдет совсем немного времени, всего каких-то пару сотен лет, — и женщина с этюдником станет привычным явлением. А сейчас я ловлю недоверчивые и удивленные взгляды, когда под самым куполом базилики расписываю плафон или нефы ангелами и Страстями Господними. Я много путешествую, перебираюсь с места на место, легко меняя страны, города, домишки. Повсюду со мной следует мой огромный чемодан, набитый папками с оконченными и еще не дописанными этюдами. Пара платьев: выходное для приемов и простое, легкое для работы на воздухе, теплый плащ с капюшоном и туфли. По правде сказать, своей внешностью я не сильно озабочена. Ни к какому сословию не принадлежа, я чувствую себя свободной птицей, лечу, куда хочу! Такая жизнь меня вполне устраивает, да и того, что платят за се-

мейные или парадные портреты сильные мира сего, вполне хватает на холсты, краски, кусок белого хлеба и комнату, а большего мне и не нужно.

Правда, есть еще опера. Ради нее я приехала в Италию, мечтая увидеть на сцене божественного Фаринелли, о котором гудела Англия и даже Париж. Говорят, что он единственный из певцов, кто нравился всем: вельможам и простолюдинам, мужчинам и женщинам, итальянцам и иностранцам, что Фаринелли, которого признавали «величайшим в мире певцом», сосредоточил в себе всю европейскую музыкальную жизнь благодаря множеству привлекательных личных качеств вкупе с волшебной силой голоса и удивительной вокальной техникой. В пятнадцать лет он дебютировал в Неаполе, а спустя некоторое время за ним буквально охотились все театры и королевские дворы. И наконец, после гастролей в Париже и в Лондоне он стал объектом безоговорочного поклонения всей музыкальной Европы. Как можно было не пожелать своими глазами увидеть это чудо!

К вечеру, когда с гор стала спускаться прохлада, я принялась собираться в город. Это был уже мой привычный обряд, который повторялся с периодичностью оперных представлений в театре Сан-Самуэль: шуршащее широкими юбками и кружевами платье на смену пасторальному наряду для работы, перчатки, туфли на каблукках и неизменная полупрозрачная длинная вуаль... Несколько минут — и я готова для волшебства, для оперы.

Когда я добралась до города, на него уже опустилась темной птицей ночь, тесные улочки слабо освещались чадящими лампами, в окнах горели свечи, а с каналов тянуло сыростью и тленом. Отовсюду доносились звуки музыки, кто-то распевал серенады нежным голосом под окнами любимой, пели гондольеры, на площади играли марши, плакала скрипка бродячего музыканта. Театр Сан-Самуэль поражал своей громадой, тяжело нависающей над прямыми рядами палаццо, статуями и фонтанами. Видимо, сам бог направлял мои шаги сюда: мне без труда удалось оставить за собой место в ложе на весь сезон. Мешочек с деньгами и покровительство графа Альбертино дали мне право находиться среди местной аристократии и наслаждаться оперой в полной мере. Простые горожане в театре занимали места только в партере, куда презрительно сплевывала из лож знать.

Весь город твердил о тебе: о том, что сила твоего голоса была столь велика, что лопались стеклянные бокалы и дрожали подвески в люстрах, что при звуке твоего пения люди впадали в странное оцепенение, что не только дамы, но и мужчины не могли сдерживать слез, слыша тебя, лишались чувств, испытывая экстаз. «Лучезарный», «Ангел», «Соловей» — такими прозвищами наградили тебя поклонники.

Театр был уже полон, когда я вошла, чтобы занять свое место в левой ложе, сбоку, прямо у мраморной колонны. Отсюда была хорошо видна сцена и весь зрительный зал, но сама я оставалась в тени. Не снимая вуали, сжав костяшку ве-

ера, я подалась вперед, вся превратившись в зрение и слух. Шум толпы постепенно сходил на нет с усилением звуков оркестра, маячили белые парики музыкантов, мелькали смычки, над всем этим парили руки дирижера, Риккардо Броски — композитора и родного брата Карло Броски Фаринелли.

Рассказать о театральном представлении мне, художнице, не представляется возможным: я не обладаю столь яркими словесными образами, чтобы описать это действие. Театр был настоящим шедевром: семь его ярусов состояли почти из ста восьмидесяти лож, по десять или двенадцать кресел в каждой, и роскошной королевской ложи, украшенной огромной короной, — настоящей гостиной с пятнадцатью креслами. На широкой и глубокой сцене хватало места для самых роскошных декораций. Каждая ложа была снабжена окруженным свечами зеркалом, и тысячи светлых отблесков освещали отраженным мерцанием розовый с позолотой зал.

Я узнала, что в Италии трудились поколения замечательных театральных художников, из которых в Риме особенно значительны были Бернини, в Болонье — семейство Бибиена, в Турине — братья Галлиари. Но всех в Европе превзошла Тишайшая Республика — Венеция, чьи представления отличались несравненным великолепием, особенно в театре Сан-Джованни Кризостомо. Там однажды зрители «Пастуха из Амфризо» увидели, как на сцену спускаются чертоги Аполлона, удивительные сооружения, полностью собранные из разноцветных кристаллов и непрестанно вращавши-

еся, а меж тем помещенные внутрь каждой из них светильники рассыпали повсюду тысячи сверкающих лучей, доводя публику чуть ли не до экстаза. А в «Катоне Утическом» высоко над сценой поднялась огромная сфера, изображающая мир, двинулась по воздуху вперед и раскрылась натрое, и в каждой из трех частей явился один из известных во времена Цезаря континентов. Изнутри эта сфера была украшена золотом, самоцветами и пестрыми декорациями, и вдобавок там играл небольшой оркестр.

Сегодня задник сцены был оформлен, как море: здесь были волны, которые плескались, набегая одна на другую; был нос огромного римского корабля, украшенный сиреной. Для того чтобы все это представить, взяли множество цилиндров, обтянутых черным и синим холстом с серебряными блестками, и нанизали их на длинный железный стержень, а за кулисами этот стержень раскачивал рабочий сцены. Получалось, будто море волнуется. Все это поражало зрителей, погружало в сказочный, нереальный мир. Как художник, я была в полном восторге!

Просторный зрительный зал походил на огромную роскошную гостиную. В ложах были устроены укромные укрытия, где сплетничали и шутили, более того, у некоторых лож были ставни, чтобы обеспечить присутствующим полное уединение, подальше от посторонних глаз и ушей. Для аристократических семейств театральная ложа была своего рода «второй» дом, и там развлекались, как хотели: играли

в карты и в шахматы, во время речитативов или малозначительных арий освежались шербетам и напитками, либо ели, что пожелают. В коридорах можно было без помех перекинуться в карточную игру «фараон», а потом вернуться в свою ложу как раз ко времени, когда *primo uoto* начнет, наконец, свое бравурное соло.

Но что весь этот театр? Лишь фон, ставший совершенно незначительным при появлении на сцене тебя. Высокий и тонкий, как лоза винограда, наполненный, словно вином, такой же тягучей и переливающейся энергией. Да... все они были правы, эти зрители, открывшие сейчас рты, издавшие хором такой громкий вздох, что оркестр потерялся в нем, — на сцене стоял прекрасный ангел, обряженный в театральный костюм с перьями, блестками и кружевами. Бело-снежное лицо в обрамлении темных локонов, спускавшихся на плечи, подведенные черной краской глаза и чувственный яркий рот. Все это манило смотреть, не отрывая взгляда, ловить каждое твое движение, каждый звук, воспроизводимый тобой, как божественным инструментом. О боги! Ты уносил эту тысячу людей в небо, в рай. Ты играл с публикой, как кошка с мышью. Ты дарил наслаждение и сам получал его.

— Ангел принял образ Фаринелло! — кричали люди в партере и в ложах тому, чье исполнение превзошло все, чего можно было ждать от человеческого существа.

Знаток всего изящного, отец семейства, покровительствовавшего мне, граф Альбертино, сидящий рядом, сказал,

не сдерживая слез:

– Голос его — настоящая драгоценность! Совершенный, мощный, звучный и со столь широким диапазоном сразу в верхнем и в нижнем регистрах, что другого подобного никогда не было и не будет!

Граф объяснил мне, что почти все написанные для Фаринелли арии не выходят за пределы диапазона ля² — до⁴, то есть обычного диапазона всякого контральтиста, если он не желает рисковать голосом. Другое дело, что иногда та или иная исключительная ария, например, «Qual guerriero in campo armato» может вынудить его подняться от соль² к до⁵, используя при этом самые разные модуляции, трели и сложные вокализы, а затем вернуться назад снижающимися перелетами (*volees*), похожими на перезвон колоколов.

Среди секретов *musicista* были и *virtuosita spiccata*, то есть искусство разделения нот в трелях, и *gruppetti*, и быстрые *volees* и *passaggi* — настоящий вокальный фейерверк. Одним из важнейших технических элементов оперного певца была *Aggiunta martellata*, состоявшая, как объяснил граф Альбертино, из чередования повышений и понижений, каждое из которых сопровождалось повторением второй ноты в перкуссионной манере. И наконец, любимым номером Фаринелли была *messa di voce*, которая начиналась с *pianissimo* и постепенно наращивала звук до предела, после чего ослабевала, покуда он не стихал совершенно. Граф не мог не признать эту технику волшебной: «Воистину дивной была несравнен-

ная нежность и сладость, когда он сперва плавно тянул звук, а после давал ему иссякнуть». Фаринелли первенствовал в этом, так как умел, не переводя дыхания, продлевать ноту на целую минуту. Сначала он делал глубокий вдох, а затем так экономно расходовал воздух, что мог держать ноту гораздо дольше, чем можно было бы ожидать, и при этом совершенно неподражаемо переходил от громкого звучания к более мягкому. Брат Фаринелли Риккардо сочинил для него арию «*Son qual nave che agitata*», нарочно предназначенную для демонстрации вокального диапазона певца: начиналась она с прекрасной *messa di voce*, продолжавшейся несколькими сериями трелей и отдельных нот, а Фаринелли, если верить моим итальянским друзьям, мог держать ноту впятеро дольше прочих исполнителей.

Щеки мои запылали под вуалью, когда я заметила, что твой взгляд вот уже в который раз задержался на нашей ложе и скользнул по моей закутанной фигуре. Подобно молнии, твои глаза прожигали тонкую ткань вуали так, словно снимали ее с меня. Мне казалось, будто я обнажена под твоим взглядом, но тебе этого было мало: усмехнувшись краешком губ, ты повернулся и, протянув ко мне руку, начал бесконечно длинную и сложную музыкальную фразу: «*Alto Giove, e tua grazia, e tuo vanto il gran dono di vita immortale che il tuo cenno sovrano mi fa*». Звук лился вначале еле слышно, постепенно наращивая мощь и высоту, казалось, беспрестанно долго, и, когда всякий нормальный человек перевел бы

дыхание, ты — великий, божественный Фаринелли — снова скользнул вниз и поднялся на невообразимую высоту, дополнив мелодию целым букетом хрустальных переливов голоса.

Внизу, ахнув, упали без чувств дамы, важные лица аристократов застыли в оцепенении с полуоткрытыми ртами, и то, чему мы все стали свидетелями, было неземным проявлением божественного духа, живущего в тебе. У слушателей во время сегодняшнего представления буквально перехватывало дух, и они впадали в экстаз, который супруга графа Альбертино определила как «предчувствие райского блаженства». Эмоциональная мощь медленных вокализов, долгие протяжные ноты и непринужденность в ариях заставили всех замирать от наслаждения. Голос был гибким, глубоким, нежным, мощным. Тебе ничего не стоило пленить слушателей и довести их до слез. Некая неопишуемая чувственность, доводившая мужчин до дрожи и женщин до обморока, исходила каждым твоим жестом и каждым звуком твоего голоса, даря минуты головокружительного наслаждения. Во время спектакля одна дама воскликнула:

– Один Бог, один Фаринелли!

Чуть наклонившись вперед, к перилам, опершись на них рукой, всем телом я стремилась к тебе, как к магниту. Ты победил сейчас всех, кто был здесь, кто пришел на тебя посмотреть, словно на диковинное существо, и стоял, гордо вскинув голову, свысока обводя взглядом зал, утопая в ова-

циях и криках «браво». Потом на сцену поднялся Риккардо, чтобы разделить твой успех и получить свою долю славы композитора и дирижера. Сцену почти полностью засыпали лепестками цветов, букеты бросали из партера и лож, превращая театр в благоухающий сад. Я не носила тебе цветов, считая, что это по-детски глупо — кричать и бросать букеты на сцену. Мне бы хотелось осыпать тебя лепестками роз, но не здесь, не при всех. Чувство глубокой ревности испытала я в эти минуты, когда сотни людей съедали тебя взглядом, изливая на тебя потоки вожделения.

Медленно опустился занавес, скрыв тебя от толпы, которая еще долго ревела и неистовствовала. Первым опустел партер, затем одна за другой гасли ложи, на площади перед театром, должно быть, царило столпотворение из повозок и карет. Семейство Альбертино поспешило к выходу. Сколько еще времени я пробыла на своем месте, не знаю, ненавижу суету и давку в дверях, к тому же торопиться мне было некуда и не к кому. Наконец в полутьме погасших ламп я поднялась и на выходе почти налетела на какого-то человека, загородившего мне проход.

– Он хочет вас видеть, синьорина.

Кто он, я поняла сразу, хотя это мог быть кто угодно от кардинала до любого из патрициев, портреты которых я писала. И я пошла вслед за незнакомцем, трепеща, как пойманый зверек, но не имея мужества отказаться или уйти прочь.

Следуя за моим поводырем, я очутилась в закулистье театра, где пахло пыльными портьерами. Ступени вели то вверх, то вниз, так что приходилось цепляться за предложенную мне руку провожатого. Среди догоравших свеч мои глаза постепенно привыкали к темноте. Незаметно преодолев лабиринт обратной стороны театра, мы оказались у двухстворчатой двери, и незнакомец почти втолкнул мое безвольное тело внутрь. Никогда не думала раньше, что в театрах есть такие большие залы, с арочными окнами, купольным расписанным потолком, резной мебелью, зеркалами, гобеленами и коврами — всю эту роскошь я успела оценить за пару мгновений. Наверное, мой художнический взгляд спас меня от смущения и позволил отвлечься от гулко-го стука сердца, мыслей о том, что сейчас я увижу тебя, и вернул мне самообладание.

Человек, который сейчас подходил ко мне, был мало похож на того, кто стоял на сцене, но был также невообразимо прекрасен. В нем совместились все, что может восхищать: он был высокий, красивый, а в его на редкость утонченном лице сила сочеталась с изяществом и доброта с благородством. Карло Броски медленно обошел вокруг меня, словно я была неодушевленным предметом. Лицо мое все так же было скрыто вуалью, поэтому я была из нас двоих в более выигрышном положении. С удивлением я прочла изумление в его глазах, во всем выражении его лица читалось необъяснимое чувство растерянности и еще чего-то непонятного, что относилось ко мне. И это поведение, и затянувшееся молчание

превышали все допустимые рамки приличия, что привело меня в недоумение, ведь я была наслышана о неизменной «сдержанности, кротости и пристойности» Фаринелли.

Остановившись прямо передо мной, он, наконец, тихо прошептал, не обращаясь сейчас ни к кому, как будто был один в комнате:

– Мой милый мираж! Здесь!

Глаза его блуждали по моему лицу, скрытому покрывалом, так же, как это было там, в ложе. Его обращение со мною было таким, будто я не девушка из плоти и крови, а создание из другого мира или неодушевленное существо. Это затянувшееся молчание следовало бы уже прервать, но, похоже, этот человек играл по своим правилам, не придерживаясь установленных светом, и продолжал смотреть сквозь меня своим пронзительным взглядом. Вдруг, как бы очнувшись, он тряхнул кудрями и заговорил:

– Синьорина, простите меня! Я хотел... я не имел никакой другой возможности... увидеть вас, и вот вы здесь...

Его голос замер. Как-то нервно вздохнув, Фаринелли продолжил:

– Я видел вас там, в ложе... каждый раз, каждое представление... Ваша фигура в темной вуали почему-то тревожила меня. И всякий раз я искал вас взглядом, а не находя, чувствовал пустоту. Вы приходили ко мне во снах. Я пел для вас. Но... ваша вуаль всегда скрывала выражение ваших глаз. Кто вы, мой мираж, моя дама в темной вуали?! У вас есть имя?

Почему вы скрываете лицо? Вы в трауре? Откуда вы? Где вы живете?

Лавина вопросов рассмешила меня: боже, он вел себя, как дитя!

— Мое имя Роксана, — улыбаясь, сказала я и подняла вуаль.

Ох, с какой жадностью его глаза стали ощупывать мое лицо! Вдруг он опять спохватился и опустил глаза.

— Простите меня, я не должен был все это спрашивать, — он казался действительно смущенным.

— Вам следовало бы стать судьей, но не извиняйтесь, синьор Броски, ваши вопросы меня нисколько не обижают!

— Карло. Зовите меня Карло, — попросил он.

— Итак, Карло, я готова ответить на все ваши вопросы: я художник, я много путешествую. Снимаю домик недалеко от монастыря Сан-Маджоре. Я не ношу траур: вуаль скрывает безнадежно устаревший фасон моего платья. И... я люблю оперу! А теперь могу признаться, что люблю ваш голос, о котором так много слышала в самых разных странах и вот имею счастье стоять рядом с вами.

Я была не в силах скрыть улыбку, и вдруг эти минуты нашей встречи показались мне забавными. Наверное, с таким удивительным человеком и не могло быть иначе. Карло пригласил меня к столу и налил вина в серебряные старинные кубки.

— Позвольте выпить за вас, удивительная синьорина! Я все

еще не могу поверить, что вы здесь, со мной.

Я предложила другой тост:

— А я хочу выпить за ваш голос, который привел меня сюда.

Мне показалось, что он недовольно повел плечом, но тогда я не обратила на это особенного внимания. Мгновенно совладав с собой, Карло уже улыбался, как и прежде. Я пригубила вино, которое оказалось белым и терпким, по вкусу совсем не итальянским, скорее испанским! Этот человек был окружен роскошью: серебряные приборы, запах духов, тонкие кружева на манжетах, перстни на пальцах, но все это совершенно не портило впечатления. Он пользовался всем этим так естественно, как будто вырос дожем. Безупречные манеры, однако, непостижимым образом соседствовали с детской непринужденностью и способностью искренне и открыто выражать свои чувства.

Глядя на этого высокого стройного человека с гордо поднятой головой и небрежно зачесанными черными локонами, похожего на принца, я почувствовала нестерпимое до боли желание ласкать шелковистые пряди его волос. Видя его так близко, я с радостью отметила особое изящество его движений, гордую статью, нежный оттенок загара, великолепный лоб и удлиненные карие глаза, казавшиеся совсем черными, с оттенком грустной задумчивости. С тех пор, как мы встретились, я не раз замечала его очаровательную улыбку, в ней было что-то притягивающее — дружеская, приветливая, она

отражалась особым блеском в его глазах, на эту улыбку нельзя было не ответить.

Часы пробили двенадцать, и я усилием воли поднялась: мне давно пора было вернуться домой, и пребывание в одной комнате с незнакомым мужчиной могло совершенно разрушить мою репутацию, а мое иностранное происхождение — навлечь неприятности на Карло: в Венеции недолюбливали и побаивались чужеземцев. Надеюсь, что об этом визите никто никогда не узнает.

– Мне пора, — я протянула ему руку, — спасибо вам за все, синьор Броски!

Его рука слишком долго удерживала мою руку. Казалось, Карло снова забылся.

– Прошу вас, прикажите проводить меня до выхода, боюсь, сама я ни за что не найду дорогу обратно, — мой голос опустился до шепота, а всему виной были его черные глаза, блуждавшие по мне, как будто я была прозрачна.

– Я сам провожу вас.

Это было сказочное приключение в театре, о котором можно только мечтать. Карло вел меня каким-то своим путем, темными коридорами, почти на ощупь, и внезапно мы очутились на сцене. Центральная люстра была погашена, ложи казались черными провалами в стенах, лишь кое-где светились огоньки догорающих свечей. Покинутый зрителями и усыпанный рваной бумагой и самым разнообразным мусором партер выглядел, как поле брани. У меня перехватило

дыхание:

– Знаете, синьор Броски, а вы герой! Я бы ни за что на свете не смогла стоять вот здесь, освещенная со всех сторон, перед сотнями людей...

Карло засмеялся, ведь для него это было так же естественно, как дышать, в этом была вся его жизнь.

– Зато вы теперь можете говорить, что стояли на одной сцене с Фаринелли!

Он все еще не отпускал мою руку, и между нами чувствовалась такая близость, словно мы были знакомы уже сотню лет. Было легко и... весело. Вот чего мне так не хватало, от чего была эта постоянная боль в душе! Я жила, подобно монахиням, запершись со своими холстами, ища вдохновения в одиночестве, и совсем забыла, что значит искреннее веселье и смех, а ведь я была так молода!

На улице было свежо и сумрачно. Мы вдвоем дошли до канала, заполненного гондолами. Гондольер одной из них тут же усмотрел клиентов и причалил неподалеку от нас. Карло подошел совсем близко и стал говорить слова прощания и сожаления, а я вновь залюбовалась им, легкой гордой постановкой головы, небрежно откинутыми черными волосами, всей его фигурой — стройной, гибкой, юношеской, несмотря на рост и ширину плеч. Когда он вот так подошел, мой взгляд уже не отрывался от его больших черных глаз с длинными ресницами. Он говорил какие-то обыденные слова, но в его глазах, когда он держал мою руку, было

то особенное, чего я бессознательно ждала и на что ответила взглядом. Я почувствовала это и в быстром пожатии его руки, и невольно ответила таким же пожатием. Да, это был момент, когда лишние слова не нужны.

Помогая ступить в гондолу, Карло прижал к губам мою руку.

– Мы еще увидимся? — этот вопрос прозвучал так по-детски, искренне и просто!

– Думаю, да, — шепнула я и с сожалением стала смотреть, как растворяется в темноте ночи его одинокий силуэт.

Болезнь

В эту ночь мне было не уснуть: в ушах навязчиво звучала какофония из нот, меня колотил озноб, и вся я находилась в крайне нервическом состоянии. В такие минуты одно спасение — работа. Примостившись поближе к канделябру, найдя толику света в ночной комнате, я провела рукой по чистому листу бумаги и быстро приколола его к мольберту. Штрих, другой, третий — и вот уже появляются контуры густых волос, больших прищуренных глаз, нежного рта... Этот образ не выходил у меня из головы, хотелось выплеснуть на бумагу все, что я чувствовала, и тем самым освободиться от наваждения. Меня до глубины души потрясла ангельская красота Карло Броски, достойная кисти Гвидо Рени или Караваджо.

Первый луч солнца, пробудивший зарю, скользнул по комнате, пробиваясь сквозь заросли винограда. Я не заметила, как просидела у мольберта остаток ночи, и только теперь почувствовала, что мои пальцы совершенно устали. Сладко потянувшись, я скользнула оценивающим взглядом по своей работе и, оставшись совершенно неудовлетворенной результатом, накрыла мольберт покрывалом.

Утро наступило теплое и нежное. Здесь, в Италии, все совсем не так, как в северных странах, где бессильные лучи прогревают воздух только к обеду. Здесь можно наслаждаться-

ся завтраком прямо на улице, вот и я, только приехав сюда, попросила хозяев вынести круглый стол на террасу, на воздух. Теперь же, сбросив башмаки, я ступала по голым доскам босиком, впитывая их приятное тепло.

Ближе к обеду меня навестила графиня Альбертино и привезла хорошую весть от супруга, предлагавшего устроить сегодня вечером показ семейного портрета, который был уже готов, оставалось только закрепить его лаком, а заодно показать и мои пейзажи с целью их дальнейшей продажи и поиска новых заказов. Мои покровители обещали пригласить ради этого всю знать Венеции и окрестностей. Это превзошло мои самые смелые ожидания! Конечно, я сразу согласилась и обещала прислать портрет немедленно, а остальные работы мы отобрали для выставки вместе с графиней. Здесь оказались виды Италии: виноградники, зеленые поля, горы, Везувий, улицы и руины Рима, все цветное, солнечное, писаное маслом, акварелью и пастелью.

Пастель — моя самая любимая забава. Мягкие мелки, как продолжение пальцев, когда рисуешь ими, чувствуешь всю шероховатость бумаги, словно непосредственно пишешь руками, и, на мой взгляд, это и есть самая настоящая живопись.

Карло Броски, вернувшись в свои апартаменты в палаццо Са д* Оро, где они с братом остановились на время оперного сезона у патриция Марино Контарини, долго не ложился. Побродив по дому со свечой в руке, Риккардо застал бра-

та на балконе. Карло был глубоко погружен в какие-то свои тайные мысли.

— Карло, тебе пора в кровать! Уйди с балкона, не приведи бог, подхватишь простуду, что тогда будем делать, а? Пройдет сезон карнавала — и прощай, Венеция! Поедем домой, в Неаполь, отдохнем, как следует, — Риккардо мечтательно закатил глаза и ласково обнял брата, но тот не отвечал и, казалось, совсем его не слышал. — Эй, братец, тебя как мешком по голове огрели, очнись ты, наконец! — Риккардо шутливо повернул голову Карло к себе: — О чем ты думаешь? Скажи мне!

— Я думаю о той девушке. О художнице... Роксана... Такое странное и красивое имя!

Риккардо издал пошлый свист:

— Ах, малыш Карло, в который раз, в который раз! — и рассмеявшись, добавил: — А она действительно прехорошенькая, но должно быть холодная, бррр! У нее такая бледная кожа и выглядит она такой изможденной!

Карло не дал ему закончить:

— Умолкни, Риккардо! Что ты понимаешь в настоящей красоте? Разве что только в горячих смуглых девках, что приносят еду в тавернах!

Однако перебранка братьев быстро иссякла, и Риккардо отправился в свои покои. Но, даже оказавшись в постели, Карло долго не мог сомкнуть глаз и лежал, натянув одеяло до самого подбородка, вглядываясь в темноту и тщетно пы-

таясь вызвать бестелесный призрак дамы под темной вуалью.

Действительно, думал он, Риккардо был прав: пройдет осень, потом закончится карнавал, придется уехать, а это значит, потерять ее навсегда. Но ведь она обещала, что они еще увидятся, или это была просто вежливость с ее стороны? А быть может, она, как всегда, придет и в другой театр, займет место в ложе, и никто так, как она, не будет ловить каждую ноту, качать в такт своей маленькой головкой, вцепляться в перила пальчиками, затянутыми в перчатку, не знавшими колец и тяжелых перстней. О! Как она разительно отличалась от этих расфуфыренных аристократок, приходивших в оперу лишь для того, чтобы показать себя, продать себя повыгодней или откровенно предлагать себя за портьерами, обнажая почти полностью декольтированные груди, кичась своим высоким происхождением и думая, что все и всех на свете можно купить...

С утра в доме графа Альбертино стоял переполох: освобождали одну из просторных комнат под выставку Роксаны. Раскрывали шторы, впуская как можно больше солнца внутрь, развешивали драпировки на стенах, расставляли мольберты. Посреди зала уже торжественно водрузили семейный портрет, над которым художница работала весь последний месяц: на картине был изображен величественный граф Альбертино, окруженный домочадцами, ближними и дальними, специально приехавшими, чтобы позиро-

вать, и даже зверушками, которых во множестве держали в доме. Здесь были собачки — два толстых мопса, попугай на плече у младшей дочери графа и ручная обезьянка, привязанная поводком к ножке старинного кресла.

Роксана в своем домике тоже готовилась к торжеству: как-никак первая выставка в Венеции! От этой выставки зависела ее будущность, и художница всем сердцем надеялась, что в случае успеха не преминут появиться новые заказы. Стоя перед зеркалом, девушка в первый раз осмотрела себя как бы со стороны и нашла, что платье ее недостаточно красиво, что волосы лежат не по моде, и вообще, она не может в таком виде появиться в высшем свете! Тем более что причиной этого расстройства был даже не сам свет, а тот, кого она надеялась увидеть в доме у графа, тот, чей портрет она так страстно рисовала всю ночь, тот (в этом можно было уже признаться), в кого она была влюблена.

Карло Броски.

Графиня Альбертино была очень умной женщиной, она сумела заранее предугадать, с какими проблемами столкнется ее протеже и, собрав огромный пакет с великолепным платьем, модными туфельками, жемчужными украшениями, она приказала срочно доставить его в деревушку юной художнице. Получив все это богатство, Роксана прослезилась: боже, она была хороша! Да что там хороша, просто стала ослепительной дамой света, одной из тех патрицианок, что не скрывали свои прелести под вуалями, а наслажда-

лись взглядами и восхищением окружающих. Платье ей шло как нельзя лучше, правда, фигура, затянутая в корсет, оказалась совершенно тонкой, а талия узкой, что было не похоже на красавиц итальянок, пышущих здоровьем. Вздохнув, Роксана подхватила папку с работами и отправилась в город. Сегодня ее ждал восхитительный вечер: сначала выставка, а затем она погрузится в сказочный мир оперы и снова увидит его на сцене, услышит его голос...

За сладкими мечтами художница незаметно для себя добралась до дворца Альбертино, где все уже было готово к приему гостей. За пару минут девушка расположила картины в только ей одном ведомом порядке и вся зарделась, когда слуги распахнули двери зала и вошли гости. Местные аристократы, дамы в сопровождении кавалеров и их дети — все разбрелись по выставке, останавливаясь то здесь, то там, восклицали — это Рим, это площадь Сан-Марко, а это, посмотрите, это Большой Канал и наше палаццо! Многие из тех, кто узнал на картинах свои дворцы, захотели купить эти работы. Одна семейная пара поспешила с просьбой о написании их портрета, а баронесса Кавалли, известная любительница всего тайного, хиромантии и гороскопов, заказала расписать ее будуар созвездиями. Роксана была бы счастлива, будь сейчас здесь он, но увы... тот, кого она так жаждала увидеть, не пришел, что можно было однако списать на вечернее представление в театре. Часы показывали уже восемь вечера, а спектакли начинались в семь...

Роксана в ужасе поспешила к графу:

– Синьор Альбертино, позвольте мне покинуть вас!

– Что случилось, дитя мое? — взял ее за руку граф. — Ты вся побледнела, тебя кто-то обидел? — И он обвел присутствующих суровым взором.

– Нет, что вы, просто представление в опере началось уже час назад, я обязательно должна там быть!

Граф усмехнулся и укоризненно покачал головой:

– Ах, дитя мое, как же все вы, женщины, одинаково сошли по нему с ума! Везде только что и разговоров, как о Фаринелло!

Увидев, что из глаз художницы вот-вот брызнут слезы, он громко воскликнул:

– Господа! А теперь все в оперу!

Зал одобрительно загудел, все поспешили к выходу, наполняя дом гомоном и смехом в предвкушении продолжения веселья.

Полчаса прошло, как оркестр начал увертюру, партер уже угомонился, солист вышел на сцену и, привычно обведя зал глазами, остановил взгляд на одной из лож, где было... пусто. Карло продолжал искать вуаль в других местах, быть может, она опоздала и в таком случае могла попасть только в партер. Но и там ее не было.

– Как сегодня божественен Фаринелли, — шептали вокруг. — Такого драматизма в его исполнении еще не было!

Ах, как плачет его голос, как задевает за живое, просто выворачивает душу наизнанку!

В тот вечер публике повезло слышать совершенно удивительную вокальную дуэль Карло с musicо Антонио Бернакки. Начинал Фаринелли, пуская в ход все доступные ему виртуозные приемы и словно атакуя старшего коллегу, а тот защищался, последовательно подхватывая каждый из исполненных молодым певцом орнаментальных элементов и добавляя к нему новые и более поразительные красоты.

Но самое необычное произошло потом. Бернакки играл злобного тирана, державшего в плену несчастного принца, Фаринелли, который был закован в цепи, как раб, и в первой же арии в отчаянии молил жестокого тюремщика о милосердии. Пение Фаринелли оказалось таким захватывающим, а для выражения отчаяния он нашел столь трогательные интонации, что Бернакки не смог скрыть потока слез.

В ложи опоздавших уже не пускали, даже несмотря на значительное положение в свете семейства Альбертино. Поэтому девушке оставалось воспользоваться привилегиями еще более влиятельного человека — сенатора Роджеро, который провел сегодняшний вечер в компании графа и ласково пригласил расстроенную Роксану в свою ложу, располагавшуюся почти прямо по центру, рядом с королевской. Когда они вошли рука об руку — сильный мира сего в белом парике, красном камзоле и плаще и художница в своем великолепном наряде, их появление не могло остаться незамечен-

ным. Голос Фаринелли как будто захлебнулся и оборвался так внезапно, что зал ахнул, и наступила гробовая тишина.

Все повернулись узнать, что же так изумило певца, и уставились в ложу, на сенатора и его юную спутницу. Надо сказать, что для итальянских, особенно венецианских оперных спектаклей было в порядке вещей, когда солист, тем более знаменитый, раскланивался со знакомыми, мог отвернуться от партнера, чуть ли занимался тем, чем ему хотелось. Все еще в полной тишине Фаринелли, совладав с собой, учтиво поклонился в сторону ложи сенатора и еле заметно кивнул дирижеру, чтобы тот продолжал.

— Ах, как сегодня прекрасен Фаринелли! — Прошептала дама из соседней ложи. — Никогда раньше не слышала я от него такого живого и искреннего исполнения. Голос его и плачет, и молит о помощи, и я плачу вместе с ним! — Из глаз ее потекли слезы, которые она даже не скрывала.

Но не будь он знаменитым Фаринелли, если бы не справился с ситуацией. Будучи настоящим профессионалом, он закончил арию, поклонился, но без улыбки, как это обычно бывало, покинул сцену, оставляя вкушать лавры Бернакки и Риккардо. Публика неистовствовала более получаса, но герой на сцене так и не появился.

Если бы Роксана могла знать, что так закончится этот вечер, она бы ни за что не приняла предложение графа и тем более никогда бы не пошла в ложу сенатора, да еще в этом чуждом для нее наряде! Но так случилось, и девушке каза-

лось, что ничто уже нельзя исправить. «Представляю, что он подумал обо мне, меняющей покровителей и их ложи в театре», — думала художница, ломая руки. Краска стыда заливала ее лицо, она готова была отдать все, чтобы повернуть время вспять и сидеть на своем привычном месте в своем скромном платье, скрываясь под вуалью: «Куртизанка, которых здесь почитают за синьор и не видят в их поведении и образе жизни никакого разврата. Вот кем я стала в его глазах!»

Так думала Роксана, пока сенатор, граф и все гости семьи Альбертино усаживались в гондолы, чтобы вернуться и продолжить развлечения. Занятые только собой, они не заметили ее внезапной печали, но художница не могла покинуть компанию графа. Вернувшись во дворец, Роксана увидела, что в роскошном зале накрыты столы, которые, несмотря на столь поздний час, просто ломились от угощений на любой вкус: и щербет, и шоколад, и фрукты. Вельможи наполнили бокалы вином, и граф стал произносить тост. Девушка услышала свое имя — все пили за нее, за талантливую юную художницу, прочили ей славу и желали здоровья. Невольно она оказалась в центре внимания, посреди зала, стоя, как и все вокруг, с хрустальным бокалом в руке. И вдруг в дверях появился Карло. Он был пьян, еле держался на ногах, и вид его был, как у безумца. Остановившись и обведя затуманенным взглядом публику, он заметил графа Альбертино и направился прямо к нему. Граф радушно протянул к нему

руки, пытаясь заключить в объятия, но Карло оттолкнул его, поприветствовав патриция обычным кивком головы, что было неслыханной дерзостью.

– Дорогой мой Фаринелли! Я так рад видеть вас здесь! Присоединяйтесь к нашей веселой компании! Вы доставили нам сегодня просто невыразимое наслаждение! Пожалуйста, подойдите поближе. Я хочу представить вам свою протеже, — и граф указал на Роксану. — Это юное создание — художник! Не верите? Мой друг, в это действительно трудно поверить! Роксана, как жена Александра Македонского — чудное имя! Она расписывает церкви. Только представьте: висит там, на огромной высоте, под куполом, и не боится! Девушка-художник! Что может быть удивительнее? Да еще посмотрите, какая красавица!

Роксана стояла, не поднимая глаз и думая только о том, чтобы не лишиться чувств. Карло скользнул по ее тонкой фигурке взглядом так, будто она была всего лишь предметом интерьера. Он не признал ее. Не удостоил внимания. Ничем не выдал того, что они знакомы.

Тем временем к певцу снова обратился граф:

– Друг мой, Фаринелли! Спойте для нас! Подарите нам неземное наслаждение здесь, в этой гостиной!

И тут произошло то, чего, наверное, никак не ожидали от воспитанного и сдержанного певца. Он ответил:

– Об этом попросите кого-нибудь из своих многочисленных гостей. Я не пою в клетках!

Подобные выходки венецианское общество легко прощало своим знаменитым любимцам, и кроме удивленного вздоха эти слова ничего больше не вызвали. Карло медленно повернулся и скрылся за дверью. Минуту царило молчание, но граф объяснил эту очередную дерзость усталостью певца после представления:

– Мальчик изрядно утомился сегодня. Спектакли с каждым днем становятся все продолжительнее, опера, идущая более пяти часов — это испытание для зрителей, не говоря уже о таких героях, как наш Фаринелли! Но старшему брату следовало бы присматривать за ним повнимательнее и не позволять столько пить.

Все присутствующие оглушительно рассмеялись, а художница спешно попросила разрешения забрать некоторые работы и уехать, на что ей тут же дали любезное согласие. Дома, сорвав с себя роскошные украшения, она бросилась на постель в рыданиях. Проплакала всю ночь, а утром забылась тяжелым сном, в котором бесконечно долго падала с мостков из-под купола церкви, а внизу стояли граф и сенатор в окружении знати и почему-то смеялись.

В ужасе Роксана проснулась: оказывается, ее трясла за плечо служанка:

– Синьорина, вам приснился дурной сон! Все хорошо! Я принесла вам молока и... вот, возьмите, — она протянула что-то мягкое, — это кукла, ее сделала моя дочка, она видела вас вчера в таком красивом наряде! А потом сделала для вас

эту куклу. Маленькая Роберта сходит по вам с ума, просится прийти посмотреть ваши рисунки, все уши прожужжала, какая синьорина красивая, какая у нее белая кожа и удивительные волосы! Просто влюбилась в вас.

Художница вскочила с постели, лихорадочно собрала рассыпанные ею вечером жемчужные украшения и вложила их в добрые натруженные руки женщины:

— Возьмите для дочки! Прошу вас, это ей подарок от меня, и пусть она приходит, я нарисую ее портрет.

«Вот и все. Сказка кончилась, так и не начавшись. И я больше никогда не увижу его рядом с собой, тем более не смогу с ним поговорить, объяснить, что я... Ах, что я могу объяснить, кроме того, что он видел собственными глазами! Я для него ничто, куртизанка. Да и как я могла рассчитывать на большее, глупая, он любимец дожа, всей Венеции, Европы, а я... о чем я только думала, когда шла к нему тогда? На что надеялась? — так думала девушка, не в силах приняться за работу. — Забыть! Уехать, как можно дальше и скорее!» Но побороть искушение попасть на следующее представление все-таки оказалось выше ее сил.

Незаметно прошел еще один день, и вот солнце стало спускаться к горизонту. Достав свою вуаль, художница вновь отправилась в театр, но там ее ждал еще один удар — представление отменили, о чем гласило большое объявление на входе. Разочарованно ахая, публика расходилась, а Роксана продолжала стоять перед дверью, все еще не веря сво-

им глазам. Одинокую поникшую фигурку, замершую в растерянности у дверей, заметил служитель театра и, тихонько тронув ее за руку, сказал:

– Синьорина, оперу отменили, Фаринелло не будет сегодня петь, говорят, заболел.

– Как заболел?! — Роксана почувствовала, что ноги ее стали слабыми и ватными.

– Ну, известно, может, голос потерял, это часто бывает. Поют, поют, а потом — бац! И все.

– Подождите, синьор, где его найти?!

Старик ласково стал объяснять, как попасть к палаццо знаменитого певца. Не медля девушка бросилась к гондолам и, найдя свободную, прыгнула в нее:

– Палаццо Са d'Oro!

– Десять цехинов, — флегматично пробормотал гондольер и оттолкнулся от набережной веслом.

Было уже поздно и совсем темно, даже света в окнах домов не было видно, а двери давно закрыли на ночь. Огромный богатый дворец, стоящий прямо на Большом канале, нависал своей готической громадой над водой. Я попыталась толкнуть дубовые резные двери, но тщетно! Какие-то силы двигали тогда моим существом, ведь в другом месте, в другое время и при других обстоятельствах я бы никогда не осмелилась вот так ломиться в чужой дом. Металлический молоточек на двери я увидела не сразу, но потом нача-

ла колотить им, что было сил. На шум, который я произвела, наверное, на милю вокруг, вышел человек и... впустил меня. Видимо, ночные визиты дам для этого дома не были редкостью.

Я не помню, как преодолела высокую лестницу, пробежала сквозь анфиладу роскошных комнат и... почувствовала себя в тисках сильных рук: кто-то удерживал меня и достаточно больно!

– Стоп, синьорина! Куда это вы?

Как я испугалась! Сердце мое тяжело стучало в груди. В комнате стоял мрак, и единственным источником света служила свеча в руках этого человека. Примерно с меня ростом, черноволосый и смуглый, он смеялся над моим испугом.

Это был Риккардо Броски.

– Синьор Броски, добрый вечер! — я, наконец, совладала с собой. — Извините меня за то, что я пришла в столь поздний час и без предупреждения.

– Роксана. Так, кажется, вас зовут? И вы пришли к Карло, — больше с утверждением, чем с вопросом сказал он. — Но он не сможет вас принять: он болен.

– Подождите, синьор Броски, еще вчера я видела его в доме графа Альбертино. Что же могло случиться? Почему отменили сегодняшнее выступление? Что с ним?!

Риккардо зло посмотрел на меня и медленно процедил:

– И вы еще спрашиваете?! — Он поволок меня за ру-

ку к выходу, я стала отчаянно сопротивляться, совершенно не понимая, что происходит! Похоже было, что он меня обвиняет, но это только придало мне сил:

— Отпустите меня! — Я вырвалась из его цепкой хватки. — Я не понимаю, почему вы так со мной разговариваете!

— Не понимаете? — он шипел, подобно змее. — Из-за вас он совсем обезумел! Увидал вас с сенатором Роджериио и словно взбесился. Перевернул все, что было вокруг. Устроил погром, а потом напился до чертиков! Мотался по каналам в одной рубашке, а утром свалился совсем больной. И вы спрашиваете, что случилось? Мы оба живем его голосом, который ничего не стоит потерять из-за такой вот...

Риккардо читал мне отповедь, а я не знала, смеяться или плакать! И что мне его оскорбления, когда меня ревновали. Да-да, ревновали, причем оба брата сразу: один — к старику, а другой — к брату. Похоже, я попала в нелепую ситуацию. Подойдя вплотную к разгневанному Риккардо, я с вызовом сообщила ему:

— Отойдите от двери, синьор Броски! Я войду сейчас или будем стоять здесь хоть до утра! — может быть, это и выглядело смешно, но я победила — Риккардо посторонился и пропустил меня.

Я шагнула внутрь и остановилась, чтобы глаза привыкли к темноте: шторы на окнах были плотно задернуты, и ни капли света не проникало внутрь комнаты. Риккардо вошел за мной следом, неся подсвечник. На большой кровати, заку-

таннный в одеяло, лежал Карло. Лицо его казалось еще бледнее от того, что на лоб упала мокрая прядь черных волос. Он был в беспамятстве. Сердце мое сжалось от боли и жалости, я на слабых ногах сделала пару шагов, опустилась на колени перед постелью и тихо позвала:

– Карло!

– Бесполезно. Он не услышит вас, синьорина: опиум.

– Господи, вы с ума сошли? Вы дали ему опиум?! — Я готова была ударить Риккардо. — Вы что, в средневековье?

Я протянула дрожащую руку и коснулась щеки больного. На лбу бедного Карло выступили капли пота, его рубашка была насквозь мокрой. И этот человек, называющий себя его братом, стоял, скрестив руки, и был совершенно спокоен!

– Риккардо, у него жар! Он весь горит. Вы послали за врачом? Немедленно вызовите врача, вы слышите меня?!

Не зря меня назвали Роксаной. Нехотя, изобразив недовольство, Броски-старший подчинился и неспешно вышел из комнаты.

Я наклонилась к лицу больного и тихо звала:

– Карло! Карло! Ты слышишь меня?!

Так больно было смотреть на него, и я ничем не могла ему помочь, ничем! Похоже, Карло ничего не слышал и не понимал, хотя открыл глаза, но взгляд его был пустым. Чертов брат с его опиумом — глупой панацеей якобы от всяких недугов — распространенное заблуждение наших дней!

– Врач скоро будет, я послал за ним, — в комнату вошел

Риккардо и встал рядом с кроватью с противоположной стороны.

Наверное, заметив на моем лице слезы, которые я не успела скрыть, он миролюбиво добавил:

– Да не волнуйтесь вы так, синьорина, у него это бывает, с самого детства. Эти приступы неврастения быстро проходят, врач давно еще посоветовал давать несколько капель для успокоения.

– Все равно так нельзя! Неужели вы не понимаете, что травите родного брата?! — шептала я ему в ответ. — Принесите чистую рубашку, он весь мокрый!

После того как мы вдвоем переодели больного и такого беспомощного Карло, я вновь укрыла его одеялом и села рядом, держа его горячую руку. Вскоре пришел врач, оставил какие-то порошки и рассказал, как приготовить лекарство. Риккардо, разжав брату зубы, влил в него микстуру, которая должна была подействовать, по словам доктора, через полчаса.

– Ну вот, синьорина Роксана, теперь вам незачем оставаться здесь. Вы видите, все в порядке, я дам ему еще лекарства, когда придет время, а сейчас пусть он спит.

– Он придет в себя, когда перестанет действовать опиум, который вы ему дали! Я останусь здесь, а вы идите и ложитесь спать, если хотите! Я буду с ним, пока он не очнется, и я не увижу своими глазами, что ему стало лучше, и жар отступил! — Я была непреклонна, и Риккардо не стал спорить.

В комнате было слишком темно, свет догоравшей свечи бросал жутковатые тени на стены и делал еще острее тонкие черты лица больного. Чтобы избавиться от неприятного ощущения мрака, я раскрыла на окнах плотные портьеры. Хоть ночь и была темной, но все же бледный свет луны просочился в комнату сквозь огромное окно и сделал ее светлее.

Обернувшись, я увидела, что Карло смотрит на меня. Не мимо и не сквозь меня: опиум отпускал его. И впервые мне стало неловко, я вела себя, будто одержимая, и вот оказалась ночью в спальне наедине с чужим человеком. Только вот чужим я его не считала и за бесконечные минуты и часы, наполненные мыслями о нем, привыкла воспринимать его как... Мои щеки запылали, а сердце затрепетало.

– Роксана?!... ты здесь? — он приподнялся на постели и протянул ко мне руку, словно звал подойти.

Я тихо подошла и присела на край кровати, моя рука оказалась в его. Казалось, что он не верил в мою реальность.

– Карло, это я! Ты заболел, и я пришла тебя проведать.

С минуту он молча блуждал по мне взглядом, а потом устало опустил голову на подушку:

– Я ничего не помню... что случилось?

– Риккардо сказал, что ты подхватил простуду, он дал тебе лекарство, чтобы ты спал. Не волнуйся, завтра все пройдет.

Его пальцы все еще цеплялись за мои, как будто боялись отпустить. Я потрогала его лоб, он был еще очень горячий. Сколько я просидела возле него, час или три, я не знала, по-

тому что совсем потеряла счет времени. Глаза мои слипались под мерное тиканье часов... Вдруг я услышала слабый шепот:

— Я так ждал, что ты придешь, а тебя все не было... — каждое слово давалось ему с трудом, я еле слышала, что он говорил.

— Карло, молчи! Тебе не нужно разговаривать! Постарайся уснуть, — я шептала слова утешения, словно успокаивая больного ребенка.

Карло был таким беззащитным сейчас, что хотелось укутать его нежностью, и я так переживала, что не смогла сдержать слез. Меня пугал цвет его лица, на котором горел лихорадочный румянец, а когда он открывал глаза, в них отражался свет свечи, но Карло будто не видел его. Он то замолкал, проваливаясь в свою болезнь, то вновь приходил в себя. Мое присутствие, по-видимому, он воспринимал, как болезненный бред. Сама я находилась в странном состоянии, как будто растворившись в этой тишине и мраке комнаты. На всей земле сейчас не было никого, кроме нас двоих и страшной болезни, отнимающей у меня моего Карло. Я стала молиться. Зажав в руке крестик, я обещала Деве Марии, что всю жизнь буду безвозмездно расписывать храмы, что я согласна на все, лишь бы Карло поправился.

— Роксана, — вдруг позвал он.

— Что, Карло?

— Как ты сюда попала?

– Я приехала в театр, а сторож сказал мне, что оперу отменили, что ты заболел, я сразу поспешила к тебе, потому что очень испугалась!

В его черных глазах была заметна внутренняя борьба. Карло хотел в чем-то признаться, но никак не решался мне это сказать. Наконец, сжав мои пальцы, он тихо и смущенно произнес:

– Я увидел тебя в ложе с сенатором, такую красивую... блестящую...

– Граф устроил мне выставку картин, и поэтому я опоздала в театр. Меня не пускали, и сенатор помог мне, а это платье подарила мне графиня, чтобы было в чем прийти на вернисаж. А можно теперь я спрошу? Почему ты так вел себя в салоне у графа Альбертино, нагрубил сенатору? И... ты сделал вид, что не знаешь меня, — вспомнив его равнодушный взгляд, меня охватила грусть... Что я здесь делаю?

Карло с минуту молчал, а потом вдруг произнес:

– Я думал, что ты его любовница.

– Что?! Знаете что, синьор Броски? То, что я сейчас нахожусь здесь, с вами, еще не повод говорить обо мне ужасные вещи! Сначала Риккардо, а теперь и вы... Я пришла к вам не для того, чтобы выслушивать незаслуженные оскорбления. Я не могу быть чьей-либо любовницей, понятно? И вообще, какое вам дело до этого, если вы смотрели на меня, как на пустое место!

Он верил и не верил мне, по его лицу пробегали тени со-

мнений, но все же Карло улыбнулся:

– Против сенатора у меня никаких шансов.

Я повернулась к нему. Его взгляд был таким же теплым, как в тот волшебный вечер в театре, когда мы были с ним вместе. Он забрал обратно мою ладонь, словно она уже была его собственностью, и от этого теплого жеста я потеряла голову и стала ласкать его руку легкими касаниями пальцев.

– Извини меня, я глупец! — помолчав, он добавил: — Это все из-за тебя... Ты тревожишь меня. Я думаю о тебе. Еще неделю назад я не смел представить, что буду разговаривать с тобой, а теперь ты здесь, со мной, — он перевернул мою руку и медленно поцеловал в ладонь.

– С тобой, — эхом отозвалась я. — А теперь спи, мне пора уходить. Спокойной ночи!

Слабость вскоре взяла свое. Он тихо вздохнул, закрыл глаза, и через минуту дыхание его стало спокойным и ровным. Я загасила свечу и, никого не встретив во всем доме, вышла на улицу и вдохнула полной грудью прохладу ночи.

Felicita

Наступило раннее утро, на каналах расчехлили гондолы, солнце согревало своими горячими лучами веселые лица торговцев. Венеция купалась в теплом мареве и звуках музыки.

Риккардо приоткрыл дверь и заглянул в спальню брата: Карло сидел на постели, казалось, от его болезни не осталось и следа.

— Доброе утро, малыш Карло! Вижу, тебе гораздо лучше, — Риккардо растрепал черные кудри младшего брата. — Ну и напугал ты меня вчера! А с этой синьориной, художницей, мы вчера немного подрались.

— Как подрались?

— Она во что бы то ни стало хотела войти к тебе, а я не пускал! Ну она и фурия! Ты не представляешь, я еле удерживал ее, но куда там! Она даже поцарапала меня, вот, смотри! — и он протянул свою руку, показывая тонкие царапины.

— Не лги, Риккардо, или ты думаешь, что я совсем разум потерял, чтобы поверить в такую чушь?

— Может, и лгу. Но то, что она влюбилась в тебя без памяти, это истинная правда, братец.

Щеки Карло покраснели, он смущенно опустил длинные ресницы. Он не мог не признаться себе, что очарование Роксаны, словно волшебные щупальца, уже коснулось его и об-

вивалось вокруг сердца.

Риккардо расхохотался:

— А-а, что я вижу, малыш Карло тоже влюбился! Втрескался по самые уши! — и шутливо схватив его, начал трепать, как щенка, пока оба не повалились, совершенно утомленные и запыхавшиеся смехом и борьбой.

Карло, повернув голову, вдруг прошептал:

— Ты действительно думаешь, что она любит меня?

— Да, не будь я сын своего отца, великий сердцеед Риккардо Броски!

— Я даже не знаю, где она живет, — вздохнул Карло, — я ничего не знаю о ней.

— Но это несложно узнать, можно спросить графа Альбертино, хотя... лучше графиню, — Риккардо заговорщицки подмигнул, — графиня наверняка знает, где живет твоя художница. Хочешь, я спрошу? Я большой мастер по выведыванию тайн у женщин!

И к обеду Риккардо добыл всю информацию о Роксане. Графиня была, конечно, столь любезна, что с удовольствием расписала все достоинства девушки, похвалила ее художнический талант и похвасталась картиной, которую представляли в тот роковой вечер. В свою очередь Риккардо заверил графиню в том, что ему тоже необходимо во что бы то ни стало обзавестись парочкой картин и настолько срочно, что ждать, пока художница приедет и их официально представят друг другу, не было никакой возможности! Так было добыто

название деревушки, где снимала домик Роксана.

Получив эту драгоценную информацию, Карло тут же поспешил к ней.

Дорога в деревню вилась по уступчатым склонам гор, внизу простиралось ослепительно блестящее под солнцем море, зеленые виноградники спускались вниз и чередовались с изумрудной зеленью лугов, на которых белели стада овец и коз. Красота здешних пейзажей завораживала своим величием, и можно было действительно поверить в то, что когда-то именно здесь, на этой земле, обитали боги.

Без труда найдя заветный домик художницы, Карло бесшумно вошел и огляделся. Внутри было тесновато, всего лишь две или три комнаты, наполненные старой мебелью, но здесь было намного уютнее тех богатых покоев, к которым он привык. В одной комнате стояла кровать, застеленная ажурным покрывалом, а в другой, более светлой и просторной, была устроена студия. С первого взгляда могло показаться, что здесь царил хаос, но потом становилось понятно, что все эти треноги, куски картона, свернутые в трубочку холсты, тубики с красками, вазы с цветами, засушенные бабочки, пустые рамки – все это жило своей особенной жизнью, создавая ту обстановку, которую принято называть богемной.

Карло прошел дальше и заметил, что комната продолжалась открытой террасой, отгороженной лишь прозрачной занавеской, сквозь которую было видно, что Роксана сидела

в плетеном кресле, положив босые ноги на маленькую скамеечку. В руках она держала лист бумаги и уверенно водила по нему пальцами, растирая краску. Ее длинные волосы перебирал ветер, а ступни были подобны маленьким рыбкам, которые с видимым удовольствием грелись на солнце.

Роксана была так погружена в свое занятие, что совершенно не заметила, что за ее спиной кто-то есть. Чувствуя некоторую неловкость за свое вторжение в этот уединенный мирок, Карло подошел ближе и поприветствовал ее. Нисколько не испугавшись и, похоже, даже не удивившись, девушка положила рисунок на стол и поднялась, улыбаясь своей теплой улыбкой.

— Карло! — она посмотрела на него снизу вверх, он был на голову выше, — я так рада тебя видеть! Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо... спасибо вам... тебе, — ему так много хотелось ей сказать, но слов не находилось, и он умолк на минуту, потом спохватился и смущенно произнес: — Я так благодарен вам.

— За что? — тоже смутилась девушка, когда он взял ее руку и поцеловал.

— Вы появились вчера, словно ангел, сидели со мной всю ночь.

— Я не могла поступить иначе.

— Вы очень добры ко мне. И еще... я хотел извиниться, я обидел вас.

– Глупости... считайте, что я уже простила вас вчера. Ну что ж, раз вы оказались у меня в гостях, давайте я покажу вам мои картины, — глаза ее улыбались, в них не было и тени обиды, — и я даже буду столь любезна, что подарю вам любую, если вам что-то понравится! — Шутливо сказала она, глядя смеющимися глазами на его растерянное лицо.

Художница отодвинула в сторону прозрачную штору, отгораживающую террасу от мастерской, приглашая Карло внутрь. Он медленно и нерешительно прошелся по комнате, рассматривая разбросанные повсюду этюды и картины, висевшие на стенах. Потом его взгляд остановился на огромной папке, битком набитой работами. Роксана одобрительно кивнула, мол, смотрите, и вышла к хозяйке с просьбой накрыть стол.

Когда она вернулась, Карло заметил:

– У вас так много картин, что хватило бы не на одну выставку!

Роксана засмеялась:

– Никак не могу их распродать! В большинстве своем люди не знакомы с искусством живописи, она доступна лишь богачам, а они не слишком разборчивы: семейные портреты, натюрморты для столовых, изображения дворцов и парков, вот и весь их интерес.

– Мне очень нравятся ваши пейзажи, природа в них кажется живой.

– Да, наверное, это и есть конечная цель живописи, ну

а пейзаж — это самый чистый жанр. Его считают простым и порой недостойным труда художника, чаще он служит только фоном для картины, портрета, например. А я люблю писать пейзажи как самостоятельные произведения, в них можно сохранить воспоминания о месте, в котором когда-то бывал, потом доставать и вспоминать, — Роксана вытащила из увесистой папки, которую Карло держал на коленях, этюд с крыльями ветряных мельниц. — Вот это я писала в Венгрии, там очень красивые маленькие деревушки, а вот это Париж, но самое чудесное место — Богемия!

Она рассказывала страстно, глаза ее как будто видели это и сейчас, лицо ее просветлело. Как же она была удивительна в этот миг!

– Я вижу, вы объездили всю Европу.

– Ну, почти всю, — она отвечала просто, нисколько не задумываясь, и все это было так ново: и этот разговор, и сама возможность сидеть бок о бок на одном топчане, касаясь друг друга. Карло позволили намного больше, чем он мог мечтать, и он не верил, что все это происходит в реальности.

Роксана была непостижима в своей простоте, со своими распущенными волосами, не завитыми по моде, как у всех его знакомых дам, а гладкими, как зеркало. Они водопадом спускались на ее тонкий стан, падавшие на лицо пряди она откидывала, собирая их на одну сторону и открывая нежную шею, и этот жест гипнотизировал, притягивал и путал все мысли.

Пока художница рассказывала о своих картинах, Карло был неотступно занят тем, чтобы разгадать это обаятельное существо, он не слышал и половины того, что она рассказывала. Сначала он подумал, что ее основная черта — естественность, потом решил, что жизнерадостность, и вдруг его осенило — гордость! Гордость была в ее глазах, в посадке головы, в нежно очерченных губах, в маленьких руках с голубыми жилками, которые невозможно было представить с тяжелым мастихином или кистью. Роксана была радостной и непринужденной, женственной и нежной, по-мальчишески готовой на любую шалость, но гордость лежала в основе ее существа. Она была открытой, искренней и честной и ни в коем случае не безвольной игрушкой. Минутами в ней вспыхивали стальные искорки, она производила впечатление силы в ее самой изощренной форме. И Карло связывал образ Роксаны с представлением о серебряной струне или перламутровой раковине, таящей в себе жемчужину.

Карло сам не заметил, как подхватил ее манеру общения и заговорил с ней так же просто и легко:

– А откуда вы сами?

Роксана грустно улыбнулась:

– Я столько путешествую, что сама уже не знаю, откуда я...

– Но у вас есть родные? Где вы родились?

– Я уже давно живу одна. Родилась я в Польше, но родителей своих не знаю, меня воспитывал князь Любецкой, он

дал мне образование и наследство, а с совершеннолетием — и свободу.

— А кто учил вас рисовать?

— Один художник, расписывавший наши храмы. Сначала он учил меня писать иконы и святых, а когда этого оказалось недостаточно, я начала брать уроки живописи у Матейко, он был уже совсем старым. Я училась у природы, у старых мастеров, просто глядя на их работы. У нас тоже было большое собрание картин, мой опекун князь собирал их на протяжении всей жизни... Карло, мне не очень хочется вспоминать это время, — Роксана резко встала и, схватив папку с этюдами, забросила ее в угол. — Пойдем лучше на солнце пить кофе!

Смотря на нее, Карло заметил легчайший перламутровый отблеск на ее длинных темных ресницах, затем невольно перевел взгляд на брови, тоже темные, оказалось, что и в них есть этот перламутровый блеск, а в ее распущенных волосах он поблескивал уже совершенно ясно. Каждый раз, когда милая улыбка оживляла ее лицо, и вспыхивали удивительные двухцветные серо-зеленые глаза, они ослепляли его, рождая необъяснимое волнение.

Настроение Роксаны менялось так же быстро, как горная речка: она была то весела, то грустна, то задумчива, и по лицу ее невозможно было определить, чего ждать от нее в следующую секунду. Карло невольно любовался этими изменчивыми чертами, ловя себя на мысли, что ни оторвать

взгляд, ни ожидать игры чувств в ее глазах он не может. И, наверное, теперь не сможет никогда. Роксане были совсем не свойственны жеманство и манерность, присущие многим аристократкам. Она не лукавила, не смущалась, а смотрела открыто и просто, лишь иногда, заметив его пристальный взгляд, отводила глаза. И ее обращение на ты звучало так естественно из ее уст, так подкупающе искренно, что трудно было утаить от этой чудной девушки свои мысли: с ней хотелось разговаривать бесконечно долго, обо всем на свете.

— И вы живете одна?

— Одна, — Роксана улыбнулась в ответ. — А почему это тебя удивляет?

— Здесь молодым девушкам не позволяют быть одним, до замужества они находятся в монастыре.

— Господи, какой ужас! Но это просто дикость! Или эти девушки столь легкомысленны, что невинность они могут сохранить только сидя под замком? — Роксана рассмеялась. — Карло, а ты тоже считаешь, что невесту надо прятать в монастыре? — Она лукаво посмотрела ему прямо в глаза.

— Я не знаю, я никогда не думал об этом, — ее вопросы сбивали его с толку, — у меня никогда не было невесты и не может быть..., — тень страдания метнулась по его безупречному в своей красоте лицу, но он быстро прогнал ее и вновь стал искать ее взгляда. — Но я не об этом! Вам, наверное, одной тяжело, кто вам помогает, кто вас оберегает, кто сидит с вами, когда вы болеете?

Роксана подняла на него свои большие глаза, в которых заплескалась грусть, уголки ее губ дрогнули:

— Никто, — с видимым усилием она улыбнулась и сказала: — но я сама могу заработать себе на жизнь, и хороших людей на свете гораздо больше, чем дурных.

— И братьев или сестер у вас тоже нет... — Карло почувствовал жалость к этой маленькой и сильной художнице, вынужденной в одиночку справляться со всем в жизни. И ему стало стыдно за себя, за свою слабость и страхи, ведь у него был и брат, и многочисленные покровители, и обожающая его публика, а Роксана была одна на целом свете. Но, похоже, она была столь сильна, что могла справляться со всеми неприятностями, в том числе и с плохим настроением, вот и сейчас, она уже улыбалась, искренне и открыто.

— Ну, в этом тебе повезло больше! — рассмеялась она, наливая в фарфоровые чашечки горячий кофе.

Карло в ответ тоже улыбнулся: незаметно ее настроение передалось ему:

— Вы зря считаете, что мне повезло, скажу я вам по секрету. Риккардо, мой старший брат, он просто невыносим! Он сочиняет для меня музыку и заставляет совершать в ней акробатические номера.

— В этом тебе нет равных! Он просто знает, на что ты способен, вот и все.

— Он обещает написать мне какую-то невообразимо красивую оперу, которая, по его словам, принесет грандиозный

успех, но я жду этого вот уже который год, а оперы все нет и нет, и что-то подсказывает мне, что ее и вовсе никогда не будет.

— О чем же еще можно мечтать, когда вся Европа у твоих ног?

Он поморщился и ответил вопросом на вопрос.

— А о чем мечтаешь ты, милый мираж? — спросил Карло, с тайным удовольствием глядя прямо в эти бездонные глаза, с такой прямоотой смотревшие на него.

Любая другая девушка сначала бы немного подумала, потом выдала бы что-то типичное и скучное, к примеру: «Я мечтаю о неземной любви, о приключениях, о богатом муже и детях», но Роксана, не задумываясь, принялась рассказывать, как будто видела эту картину вживую. Глаза ее затуманились, уголки губ таинственно приподнялись:

— Я мечтаю о таком домике, как этот, чтобы из окон было видно море и корабли, чтобы виноград спускался прямо на террасу, по которой можно было ступать босиком, чтобы я была свободна... — она умолкла, тень грусти скользнула по ее лицу, но это длилось лишь мгновение. — Еще я мечтаю о путешествиях, хочу увидеть пирамиды в Египте, слонов в Индии, покормить с рук северного оленя... Хочу вновь возвращаться в свой домик, ухаживать за цветами в саду и выращивать заморские овощи на грядках... Но не смотри на меня так, я понимаю, что это просто сумасшедший ответ!

— Это лучшие мечты, которые мне доверяли, — Карло подошел к девушке и опустился рядом с ее креслом, его руки завладели маленькой ладошкой, и, перевернув ее, он стал нежно целовать каждый пальчик.

— Они все в краске, Карло, — прошептала она, но руки не отняла.

— Я бы хотел оказаться в твоих мечтах, — признался он, заглядывая в ее потемневшие глаза.

— Ты уже в них, — тише лесного эха отозвалась Роксана.

Солнце, склонившись над горизонтом, устроило грандиозное представление: море пылало алым и фиолетовым, паруса кораблей окрасились в красный, горы почернели.

— Знаешь, — прошептала художница, — в одной стране говорят, что если на закате долго смотреть на солнце, то среди его последних лучей можно увидеть зеленый луч, и у того, кто его увидит, исполнится любое желание.

Но не на солнце смотрел сейчас замороженно Карло, а на нее, такую волшебную, нежную, настоящую:

— Мое желание уже сбылось, — и их губы слились в продолжительном поцелуе. Так легко и просто, как будто разлученные еще в прошлой жизни, они теперь нашли друг друга и боялись потерять вновь.

Это был удивительный день, наверное, самый важный в моей жизни. Хотелось благодарить всевышнего за то, что рай стал возможен и на земле. Я любила! Никаких мыслей

о том, что ждет впереди! Хотелось жить сегодняшним днем. Когда-то я решила так и оказалась права. Все, о чем можно было только мечтать, было сейчас со мной: Карло, мои картины, написанные и еще мелькавшие в виде смутных образов в голове.

– Карло, ты так и не выбрал картину, — опомнилась я. Мне захотелось подарить ему что-нибудь.

– Я сейчас обязательно выберу, но будь готова, что завтра же Риккардо явится сюда и купит все, что у тебя есть: ему непременно захочется иметь больше, чем у меня.

Я оценила шутку и пообещала припрятать особо красивые этюды подальше, а напоказ выставить самое неудавшееся из написанного. Карло еще раз окинул взглядом работы и заметил мольберт, накрытый покрывалом, и не успела я ему помешать, как моя тайна была разоблачена. Я попалась, как мышка в мышеловку, уже не отвертеться. С минуту он внимательно рассматривал свой портрет, а потом, абсолютно счастливый, заключил меня в объятия.

– Я его возьму.

– Нет, ни за что!

– Я потрясающе красив, даже не ожидал, — шутил он.

– Я преувеличила, ведь это просто портрет!

– У тебя хорошая память.

– Вот потому и не вышло!

– Как это не вышло?! Значит, я еще красивей, чем здесь?

– Да, в следующий раз я нарисую тебя в образе Аполлона.

– Обязательно!

Договорившись о следующей встрече, мы расстались на теплой горной дорожке, слабо освещенной лунным светом.

Не в силах уснуть, я забралась с ногами в кресло, закуталась в покрывало и стала смотреть на ночное море и звезды над ним, а во всей ласковой природе вокруг звучало бесконечное люблю...

Карло Броски долго не ложился. Маленький домик с его маленькой художницей взволновали его. Сидя перед клавишином, он видел в своем воображении Роксану в разных обликах и настроениях, такой, какой она прошла перед ним в течение этих нескольких дней. То она говорила с ним о живописи и восхищалась своими картинами, то грелась под солнцем на открытой террасе, то закутанная в темную вуаль, внимала из ложи его пению, и, наконец, он чувствовал ее тепло и сладость мягких и горячих губ. Сон не приходил к нему, Карло слышал звук ее голоса и ее смех, опять он видел перед собой ее маленькие босые ножки на дощатом полу, от этого образа он никак не мог отделаться, он преследовал его неотступно, точно наваждение. Образ этот, сотканный из света и красок, как видение, вставал перед ним каждую секунду.

Теперь все его терзания, его безумие и счастье состояли в том, что он уже не сомневался в своих чувствах к ней. Зачем слова, когда его губы еще дрожали от воспоминания

о том, что она сказала ему прикосновением своих губ? Он вновь и вновь возвращался к поцелую, на который она ответила, и тонул в море блаженных воспоминаний. Чудесным казалось ему то, что такая удивительная девушка могла его полюбить. И ее дыхание прерывалось, когда она была в его объятиях, и ее губы ожили для его губ.

Риккардо, который видел уже десятый сон, разбудили звуки клавесина:

— Чертов братец! — накинув халат, он поспешил в покои Карло.

— Ты решил разбудить солнце, как при дворе испанского монарха?! — Риккардо вспомнил о том случае, когда им пришлось наблюдать затмение солнца. Когда солнце полностью скрылось и засверкала его корона, король произнес свои знаменитые впоследствии слова: «Не станет ли теперь земля могилой? Верните нам солнце, Фаринелли!»

Карло с видимым удовольствием еще громче стал стучать по клавишам, приводя в бешенство брата, который недолго думая схватил его, как медведь, и начал оттаскивать от инструмента. Оба хохотали так, что в дверь тихонько заглянул кто-то из слуг.

— Тише, тише, сумасшедший! — зашептал Риккардо, навалившись на Карло и прижимая его голову к ковру. — Переполошил весь дом, боюсь, если мы разбудим князя, нам несдобровать!

Но Карло было все нипочем, и он продолжал смеяться

и давать тумачи старшему брату, так что Риккардо сдался первым.

— Ты что такой? И где ты был все это время? Хотя по твоим счастливым глазам можно догадаться, что виной всему эта художница. Ну и как далеко ты продвинулся в своих успехах? — спросил Риккардо с привычным для него пошлым намеком.

— Тебя это не касается! — Карло не понравился ни вопрос, ни то, как брат его задал.

— Да неужели? Меня касается все! — Многозначительно добавил брат. — Или ты забыл завещание нашего отца?

Карло поднялся и вышел на балкон.

— Уйди с холода! — Когда брат не подчинился, Риккардо вышел следом и силой хотел затолкать его обратно в комнату, но тот, изменившись в лице, медленно и отчетливо произнес:

— Я не твоя вещь... не смей приказывать мне...

Риккардо был ошеломлен: первый раз в жизни он услышал такое от младшего брата:

— Карло, нас двое, ты забыл? Я всю жизнь живу тобой, пишу для тебя...

— Для себя! Чтобы удовлетворять свое тщеславие!

Риккардо низко опустил голову, могло показаться, что эти слова его больно задели, но уже через мгновение он зло процедил:

— Ты без меня никто! Запомни это! И никогда ты не бу-

дешь свободен от меня, потому что я люблю тебя! А они любят лишь твой голос!

Карло дрожал, вцепившись в перила балкона, хватая ртом холодный воздух, по щекам его побежали слезы, которых Риккардо, однако, уже не видел, стремительно повернувшись, он в бешенстве выскочил из комнаты, громко хлопнув дверью.

Никогда еще он не видел Карло таким, никогда тот не говорил ему обидных слов и никогда не хотел свободы от него. А виной всему была та девушка. Но ведь это не в первый раз: сколько их перебивало в постели Карло! И аристократок, и простолюдинок, разборчивостью он никогда не отличался, что же в этот раз? Любовь? Но любовь совершенно не вписывалась в планы Риккардо, где были одни театры, бесконечные выступления, гонорары и его неоконченная грандиозная опера, которая принесет им обоим известность и покроет неумирающей славой.

И вдруг Риккардо вспомнил, как много лет назад, еще при жизни отца, сам влюбился без памяти. Это была красивая молоденькая девушка, из простых. Они встречались тайно, скрываясь ото всех, отец был категорически против их связи, дворянина и простолюдинки, и Карло, тогда еще совсем маленький, был единственным поверенным в амурных делах своего брата. Спустя какое-то время та девушка умерла при родах...

Поморщившись от внезапно нахлынувших болезненных

воспоминаний, Риккардо опять побрел в спальню брата. Карло лежал в кровати.

— Малыш Карло, ну прости меня, — он дотронулся до плеча брата, — ты обижен... Решил наказать меня своим презрением? Ну хорошо, молчи! Я прошу только, выслушай то, что я скажу: ты влюблен, да, допускаю, первый раз в жизни ты влюбился, быть может, даже по-настоящему... но, поверь мне, это тоже пройдет! Рано или поздно пройдет. Зная тебя, могу предположить, что рано, сразу, как только ты получишь от нее все. Я угадал? Разумеется! Она не такая, как все и прочее... Ты потеряешь интерес, когда получишь желаемое, и сам будешь смеяться над своими сегодняшними мучениями, и тебе станет стыдно за те слова, которыми ты так щедро меня наградил. И потом, Карло, я бы не советовал тебе относиться серьезно к этому, пусть она станет очередным увлечением. Брат, ты ведь знаешь, что ничего не выйдет, тебе никогда не позволят жениться, зачем напрасно кружить голову этой бедной девушке? Карло, ну что, разве их мало вокруг? Завтра же после спектакля выберем любую, и без всяких обязательств перед ней, ну же, стань прежним! — чувствуя, что все эти доводы впустую, Риккардо добавил, зная доброту и благородство брата, — Карло, если ты любишь ее, то оставь ее пока не поздно, пока она не влюбилась в тебя по-настоящему, подумай о ней.

Карло повернул к брату свое бледное лицо и ответил с обреченным спокойствием:

– Хорошо, Риккардо. Ты прав.

Вопреки всем людским переживаниям, слезам и обидам, наступило ласковое утро, застав каждого за своим занятием: на улицах торговцы раскладывали фрукты, на площади звенели трубы оркестра, в церквях служили мессу, служанка накрыла завтраком круглый стол на террасе, измученный бессонницей Риккардо скрипел пером по бумаге, склонившись над нотами, а Карло спокойно спал в своей постели...

Роксана сладко потянулась. Как хорошо было выйти на воздух, вдыхать ароматы моря, зелени, цветов и пить горячий шоколад. Сегодня она собиралась отправиться на этюды на берег моря и провести там целый день, наслаждаясь южной природой и захватывающими видами. Перекусив белым хлебом и сыром, художница с удивлением обнаружила, что этот скромный завтрак принес ей неопишуемую радость. Вкус к жизни пробуждали самые простые вещи, такие как сбор этюдника, красок и кисточек. Перекинув через плечо объемную тряпичную торбу, прихватив под мышку папку с бумагой и холсты, девушка отправилась в свое маленькое путешествие.

Пройдя по длинному берегу, она обнаружила живописный пляж, каменистый, но теплый, и, скинув башмаки, нагнув на затылок широкополую белую шляпу, приступила к работе. Сегодня ее выбор пал на акварель. Краски она разводила прямо морской водой, думая, как замечательно будет год спустя где-нибудь в другой, может, северной стране

смотреть на эти морские виды и вдыхать морской запах, чувствовать соль на кончиках пальцев, проведя ими по картине.

С собой у художницы была заботливо собранная хозяйской корзина с фруктами, хлебом и прочими простыми кушаньями, которые казались сегодня вкуснее самых изысканных яств. За работой время незаметно подошло к полудню, а потом солнце стало мягче, можно было покинуть нарочно приготовленное укрытие под большим кустом, где она пролежала, мечтая о Карло, все изнуряющие часы полуденного зноя. А теперь море манило освежиться, и она не раздумывая, подняв до коленей юбку, вошла в воду и затеяла игру с волнами. Они бегали за ней, а Роксана от них, но успех редко был на стороне девушки: в конечном итоге они догоняли и окатывали ее солеными брызгами.

За этим занятием и застал Роксану Карло. Она заметила его не сразу, а увидев, весело прокричала:

— Карло, ты шпионишь за мной?! И откуда ты узнал, где я? — сняв свою большую шляпу, она приветственно помаяхала ему.

— Это было нетрудно, — он сбежал вниз со скалы и заключил девушку в объятия. — Каждый встречный мог показать мне дорогу, тебя тут все знают. Но меня вело к тебе мое сердце, так что, видишь, я здесь.

Роксана положила голову ему на грудь, прижавшись, что есть сил, и, закрыв глаза, прошептала:

— Так хорошо. Как не может быть.

– Почему?

– Потому что мы все еще на земле, а здесь невозможен рай.

– Невозможен, — повторил он.

Карло отстранился и, взяв ее лицо ладонями, стал молча рассматривать его. В его взгляде была... печаль? Или Роксане это только показалось? Ей так хотелось, чтобы он сейчас целовал ее, но он впал в какую-то задумчивость и был странно отрешен сегодня. Девушка высвободилась из его рук и опустилась на песок. Он сел рядом, обняв сзади и уткнувшись лицом в ее распущенные волосы, впитавшие морскую соль.

– Карло, что-то случилось? Скажи мне!

– Я хотел поговорить с тобой, но это оказалось не так просто, как я себе представлял, — девушка сжала его пальцы, другой рукой он накрыл ее руку и еще сильнее прижался, как будто прячась от чего-то.

Какое-то время от него невозможно было добиться ни слова, а потом он начал сам, тихо и горько:

– Роксана, я с ума схожу от любви к тебе. Я никогда так не любил! И никогда не думал о том, что будет завтра... За меня все решал мой брат — куда поехать, где остановиться, что петь и в каком театре. У меня были женщины, они приходили и уходили, не оставляя во мне ничего, кроме опустошения. И вот я встретил тебя, такую... (он умолк, подбирая нужные слова) ... настоящую, мою, и я не знаю, что мне

делать.

— Ты можешь просто поцеловать меня, — улыbnулась она, что он немедленно и сделал, но настроение его все также было мрачно.

— Я хочу быть с тобой, но это невозможно, — и, глядя в ее удивленные глаза, продолжил: — я ненавижу себя за то, что посмел полюбить тебя.

Эти слова больно задели Роксану, а его решительный вид пугал. Краешком сознания девушка понимала, что сказка, в которую она успела поверить, оказалась просто сказкой. Карло продолжал говорить какие-то ужасные слова, но она не желала их слушать и понимать.

— Карло, почему ты такой сегодня? Что заставило тебя перемениться? Быть может, это из-за меня?

Рой мыслей пронесся у художницы в голове, причиняя невыносимую душевную боль, все верно — мечта должна оставаться мечтой. Глупо было надеяться на любовь, бессонной ночью представляя, что пришел конец одиночеству. Но, видит бог, как невыносимо было ей принять это теперь!

— Из-за тебя... Ты — невинное дитя, ангел, а я...

— Кто ты, Карло? — вскричала Роксана, и слезы потекли по ее щекам. Она заранее знала, что он скажет в ответ, и какие оправдания придумает, чтобы встать и уйти навсегда.

И он произнес:

— Я — никто. Я просто инструмент, на котором удобно играть Риккардо, и который хочет слышать публика. Я да-

же не мужчина, — добавил он, опустив голову, отворачивая свое красивое лицо.

Они сидели на берегу и смотрели на море. Равнодушная ко всему стихия продолжала свою жизнь и работу: волны набегали на камни и, переворачивая их, убегали обратно. Шум и рокот прибоя были сейчас единственным звуком во всей вселенной, и когда это молчание стало невыносимо, девушка сказала:

— Твое благородство и честность по отношению ко мне доказывают, что ты прекрасный человек, твой голос делает тебя великим певцом, и разве твои поцелуи не были поцелуями мужчины? Карло, человек есть то, что он думает о себе, а не то, что о нем говорят другие.

Роксана прижала его к себе, гладила красивое нежное лицо, зарывалась губами в его черные кудри, она так хотела, чтобы он вернулся к тому, каким был еще день назад.

Карло старался улыбнуться, но не смог:

— Может быть, но... мой милый мираж, лучше будет, если ты останешься для меня лишь видением.

— Кому будет лучше, Карло? Можешь говорить все, что угодно, но я знаю, что мне от этого лучше не станет, и тебе тоже, разве что Риккардо.

— Всем будет лучше, — горько ответил он. — Я не могу, прости! Если бы ты была просто одной из них... если бы я не любил тебя, но погубить тебя я не смею.

— А если я скажу, что люблю тебя? — губы не слушались,

но эти слова она смогла произнести, дрожа всем телом, почему-то чувствуя пронизывающий холод.

Карло посмотрел ей в глаза странным и долгим взглядом, похоже, что услышать это он не был готов и, услышав, не знал, что теперь ему делать.

— Карло, я люблю тебя, — повторила девушка.

Он мотал головой, крепко зажмурившись, он не хотел слышать таких признаний, однако ее было не унять, слишком дорог стал этот человек, слишком близок, несмотря на то, что между ними была лишь пара встреч:

— Карло, я чувствую себя наивной девчонкой, наверное, было глупо мечтать о тебе, но я мечтала, я посмела надеяться, что с тобой мне удастся восполнить то, чего я была лишена всю жизнь. — Роксана не могла сдерживать слезы, которые текли потоком, и дыхание перехватывало до боли в груди. — Мне не нужно было многого... лишь только видеть тебя, разговаривать с тобой! О, Карло, что я говорю, это уже так много... Скажи, со мной что-то не так? Если бы я была одной из тех, как ты сказал, все было бы иначе?

Он взглянул на нее и криво улыбнулся:

— Наверное, да.

— Я понимаю, — девушке пришлось закрыть лицо руками, потому что его обожгла краска стыда. — То, что я считала своим достоинством, оказалось недостатком.

С последними словами будто разрушилась та незримая преграда между ними, что появилась невесть откуда, быть мо-

жет, не без участия Риккардо. Карло крепко прижал ее к себе и, касаясь губами теплой мокрой щеки, прошептал:

– Нет! Нет! Ты — самое чудесное создание! Прекрасная, добрая девушка, похожая на цветок! Ты — единственная, и ты — чудо любви, которое мне посчастливилось испытать... Прости, прости меня за все и, прошу, прогони меня сейчас, потому что сам я уйти не смогу!

Роксана ощущала, как под ее щекой бьется его сердце, и это чувство было таким острым, что стон заполнил ее целиком:

– Я не хочу, чтобы ты уходил, никогда! А если ты все же уйдешь, знай, что я не переживу этого, Карло! Ты нужен мне! — воскликнула девушка.

Он отстранился и посмотрел как раньше — нежно и с любовью, но в его взгляде появилось восторженное удивление, как будто в его глазах она стала другой. Не говоря ни слова, он наклонился, и их губы встретились. Роксане показалось, что в этом поцелуе было что-то чарующе сверхъестественное, как если бы существо, которое она видела перед собой, было не Карло, а придуманное ею видение. Стоит ли говорить, как горячи были его ласки, как сладко пытал он любимую, прикасаясь губами к ее тонким щиколоткам, побелевшим от морской соли...

– Ты — мое наваждение, я понимаю, что не должен этого делать, но не могу... Ты, твои глаза, волосы, руки, твои маленькие ножки свели меня с ума! Ты сидела на террасе босая,

и я уже не мог забыть эту картину, я захотел тебя бесконечно целовать, такая гладкая кожа... нежная... беззащитная, — и он медленно стал покрывать поцелуями каждую пядь доступной ему обнаженной кожи. Под его поцелуями слезы на ее щеках высохли, Роксана устало опустила свою голову ему на плечо, и лишь тихонько шептала:

– Карло, я тебя люблю, я так тебя люблю... Обещай мне, что ты не покинешь меня, умоляю!

И он обещал ей все, чего она желала и о чем просила. Над морем разливался закат, меж гор клубился туман и над землей опускались сумерки.

– Ты дрожишь, — он прижал ее дрожащие руки к губам.

– Нет, мне не холодно, Карло.

Но, несмотря на протесты, он встал и заставил подняться Роксану. Видимо, от пережитых волнений и сильных незнакомых эмоций девушка почувствовала головокружение и, чтобы не упасть, прижалась щекой к его плечу. Он вновь поцеловал ее и сказал:

– Сара, пойдем домой, уже поздно и ты замерзла.

Она послушно кивнула и стала неподвижно наблюдать, как он пошел к большому кусту и снял с его ветвей белую шляпу, потом надел ее ей на голову, как собирал разбросанные по пляжу кисточки и холсты. Все это время Роксана находилась, как в гипнозе: не в силах пошевелиться или говорить, она просто смотрела на то, как Карло прикасается к ее кистям, этюднику, и само это зрелище доставляло

ей необъяснимое наслаждение. Он по-хозяйски распоряжался ее предметами, которые раньше были только ее и ничьи-ми больше. Заметив ее взгляд, он нежно улыбнулся в ответ. Сделав над собой усилие, Роксана ступила по пляжу, и эти несколько шагов она проделала все в том же состоянии полусна-полуяви.

— Роксана! — засмеялся Карло: — Рисунки! Или ты хочешь оставить их здесь?

Действительно, на камнях лежали этюды, которые художница успела сделать еще до обеда. И его веселый смех разбудил ее, но Роксана не успела предупредить, как руки Карло уже были в свежей краске: «Глупый, они еще пачкаются!». А он испугался, что невольно мог испортить этюд. Девушка сложила картины, Карло повесил себе на плечо ее этюдник и сумку, и, оглушенные любовью, они побрели по длинной полоске берега домой. Потом вспомнили, что точно так же, как этюды, они забыли про лошадь, которая все время стояла привязанная к тощему деревцу у дороги, и рассмеялись внезапно свалившейся на них обоих забывчивости.

У самого домика, когда Роксана выудила откуда-то из-за зарослей ломоноса железный ключ и отворила дверь, Карло в нерешительности замер. Девушка, будто прочитав его мысли, тихонько подтолкнула его внутрь. И уже там, стоя в полной темноте так близко, она сказала срывающимся голосом: — Ну, вот, мы и дома, — ей казалось, что они действительно вернулись сюда, чтобы закончить не этот день, а отрезок

своих таких разных жизней, слив их в одну.

— Ты не прогонишь меня? — прошептал он, уронив этюдник на пол.

— Нет, нет, — шептала она в ответ, прижимаясь к нему. — Я не хочу, чтобы ты уходил, никогда!

Карло без усилий поднял ее, и Роксана позволила нести себя на руках, спрятав лицо у него на плече. Он остановился в маленькой спальне, освещенной лишь светом луны, и с нежностью прижался щекой к ее волосам.

— Ты такая маленькая, — сказал он, — легкая и теплая, как котенок.

Затем он вздохнул и осторожно положил ее на кровать. Роксана была настолько переполнена любовью, что, казалось, ничего не понимала. В первый раз в жизни она почувствовала, как к ее телу прижимается целиком и полностью кто-то другой. И сделать что-нибудь было невозможно, как только отдаться этому чувству, теплему, незнакомому и живому. И сейчас она по-новому ощущала Карло, его шелковую кожу. Он был для нее единственным под солнцем, жизнь подарила ей только одно ощущение — Карло в ее объятиях и то, как он прижимал ее к себе. Роксана почувствовала, как он дрожит...

Она была совсем не похожа на тех девушек, что встречались в салонах или на улицах Венеции: смуглые, упитанные, грудастые и сильные. Карло восхищала невыносимая хрупкость ее тела, ее рук, которые были тоньше, чем можно себе

представить, такие же узкие щиколотки, и эта бледная кожа, сквозь которую было видно, как на шее бьется синяя жилка — просто принцесса голубых кровей! И странно было видеть ее в этом убогом жилище, окруженную красками, кисточками и холстами. Щеки Роксаны пылали, вся она восхитительно пахла ванилью и красками.

Карло с немалым усилием заставил себя оторваться от ее гладкой кожи, чтобы заглянуть ей в глаза, но она, казалось, ничего не видела.

— Я люблю тебя, — прошептал он, сжимая ладонями ее лицо.

Роксана ответила тихим стоном и встретила его поцелуем страстно, откликаясь на малейшее движение его жадных губ. Она была прекрасна, прекраснее, чем сама земля, породившая ее как чудо. Безумный восторг, наполнявший его, был дан ею. И только она могла дать ему такое чистое, находящееся вне рассудка счастье, которому он мог отдаться, свободный от сковывающих его цепей. Это была бессонная ночь, наполненная до краев тем, что намного выше страсти — любовью. Потом Карло любовался ею спящей, наслаждался шелком волос, рассыпанных по подушке, вдыхал ее запах, поражаясь дивной красоте, тончайшей лепке этого драгоценного сосуда.

— Ангел мой, моя голубка, моя Коломбина...

Когда ночь была на исходе, и далеко на восходе разгорелось солнце, Роксана вздохнула и открыла глаза, с улыбкой

пробормотав:

– Карло, ты здесь... или это просто сон?

Он был рядом и смотрел на нее. Лицо его было печальным и немного суровым, в нем появилось новое выражение, которого она никогда раньше не замечала. Наконец его глаза вернулись из бесконечности и обратились на ее лицо. Он посмотрел на ее чистый лоб, персиковые щеки, на которых появился румянец, на ее маленький рот с распухшими от его поцелуев губами. Потом поднял руку и провел пальцами по ее длинной атласной шее.

Роксана сказала:

– Карло, почему ты молчишь?

В его глазах вновь показалась тень печали, но губы тронула нежная, любящая улыбка, и его рука крепко сжала ее пальцы.

– Я не смогу жениться на тебе, и ты никогда не станешь моей женой, а я твоим мужем.

Роксана рассмеялась:

– Саго, но я не хочу замуж! В том смысле, чтобы идти в церковь или туда, где какие-то люди объявляют, что вы муж и жена... Может, я скажу глупость, но по какому праву они берут на себя эту роль? Священник или другой человек... это всего лишь люди, а брак — это божья воля, так кто может говорить от имени Господа? И потом, на свете столько разных религий, я уверена, что в католической церкви не могут венчать христиан или иудеев... Ты понимаешь меня? — Рок-

сана переживала, что ее слова могут невольно обидеть любимого.

— Не знаю, может быть, ты права, — Карло не мог и представить, что творилось у нее в голове. — Ангел мой, ты не похожа ни на одну женщину из тех, кого я когда-либо знал! — сказал он с восхищением. — Ты маленький мудрый философ!

— И слово «никогда» я не знаю, и тебе не советую.

Роксана загадочно улыбнулась, нежно провела кончиками пальцев по его щеке и предложила:

— Хочешь, мы станем супругами? Сейчас... — и, вскочив, убежала в мастерскую, откуда вернулась с холщовой ниткой, выдернутой из канвы картины. Точно такую же нитку носила на запястье она сама:

— Синьор Карло Броски, берешь ли ты меня в жены? — Спросила она, завязывая ниточку на руке Карло.

— Беру! — Он не переставал удивляться и влюбляться в нее с каждой минутой все больше.

— Ну вот, теперь мы муж и жена. Разве после того, что случилось, мы не супруги перед богом?

Карло уложил ее и сам повернулся так, чтобы смотреть на девушку сверху. Очарованный, он долго любовался ею, как бы вбирая в себя ее красоту. Ее тело ошеломляло его, он не мог оторвать от нее глаз, и сама мысль о нем вызывала волнение, а что он чувствовал, когда прижимал ее к себе, невозможно описать. Она была художница, Роксана, де-

вушка, принадлежащая ему абсолютно, и только он один мог держать ее так, что весь ужас и страх одиночества отступали. Его преданность маленькой художнице была непостижима, казалось, она шла откуда-то извне и состояла из благодарности, любви и глубокого, успокаивающего чувства безопасности.

«Как она красива», — думал он, глядя через призму огромной, безграничной любви. Мир вокруг изменился так, будто в каждом лепестке каждого цветка звучала красивейшая музыка. Он ощущал окружающее смутно и неразборчиво с момента их первого поцелуя, оставившего в нем ненасытное стремление к ней. А ее присутствие рядом и ее нежные руки на его плечах наполняли болью и сознанием того, что и она стремится к нему. Карло не нашел в себе силы сдержать этот порыв и растворился в сладком, пронизывающем тепле ее тела, чувствуя невыразимое блаженство и зная, что она с ним каждой своей частицей.

Печаль пришла утром, когда он увидел ее спящую рядом с собой. Это было большее откровение, нежели то, что он испытал ночью. Еще ни разу Карло не просыпался в одной постели с женщиной, тем более любимой женщиной. И снова его стала терзать мысль о том, что они должны будут расстаться. Он прижимался к ней и страдал при мысли, что его жизнь, наполненная одиночеством, вновь станет такой, как прежде. Но она тоже любила его...

Влюбленные нежились на террасе под лучами солнца,

кормили друг друга виноградом и апельсинами. Мир замкнулся на этом домике в горах, остального не существовало, но вечно так продолжаться, увы, не могло. Роксана, сидя на коленях у Карло, обняла его покрепче и прошептала:

– Риккардо, наверное, в ярости.

– Это его проблемы! — помрачнел Карло.

– Карло, он, должно быть, волнуется, ты не думаешь?

– Нет, не думаю. Я слышать о нем не хочу!

– Но так нельзя! Саго, он твой родной брат, он любит тебя, и что бы ты ни говорил, он переживает о том, где ты.

– Он знает, где я.

– Карло Броски, ты страшно избалован! И не смотри на меня с таким возмущением. Ты — капризный, своенравный и жестокий мальчик!

– Ты хочешь, чтобы я уехал?

– Я хочу, чтобы ты объяснился со своим братом, вот и все.

– В таком случае я скажу ему, что ты будешь жить со мной и как можно скорее перевезешь вещи в наш дом. Я распоряжусь, хорошо?

Карло хотелось все и сразу, Роксана же никак не ожидала такой скорой перемены в своей жизни.

– Карло, ты уверен, что это настолько необходимо? Здесь, на природе, я погружена в работу. А что мне делать в городе?

Конечно, не обошлось без обвинений, что она не хочет с ним быть, что не любит и прочие глупости, которые обычно говорят друг другу обиженные влюбленные. Наконец Рокса-

на сдалась и обещала подумать после того, как он все расскажет брату, хотя и представляла, насколько это могло быть затруднительно...

Риккардо был в прекрасном расположении духа: его малыш Карло пропадал у художницы, а это значило, что вскоре он успокоится, день-другой — и страсть утихнет, ему станет скучно, и тогда он вернется сюда, к своей музыке, к его музыке. Так бывало не раз, так должно быть и теперь.

Карло появился перед братом с таким выражением на лице, какого Риккардо совсем не ожидал увидеть.

– Ты где пропадал? У художницы?

– Да. Я хочу с тобой поговорить, Риккардо.

– Э-э-э... нет, малыш, никаких разговоров, я сейчас ужасно занят предпоследним актом моей грандиозной оперы, не мешай мне.

Карло выхватил из рук брата партитуру и швырнул в сторону. Листы разлетелись по комнате, медленно опускаясь на пол.

– Господи, опять твои выходки! Сколько можно? — завопил Риккардо и кинулся собирать их.

– Ты выслушаешь меня сейчас или я вообще никогда больше не стану с тобой разговаривать.

– Что?! Ты заболел, братец? Я смотрю, тебе совсем не на пользу общение с этой особой, — последнее слово он произнес особенно зло.

– Я люблю ее и хочу, чтобы она была со мной, всегда. Она

будет жить с нами, хочешь ты этого или нет. Если ты против, я уеду к ней.

Этого Риккардо, по правде говоря, не ожидал и не думал, что этот момент когда-нибудь настанет, тем более сейчас, когда впереди столько контрактов и работы. Нет, нет, не может быть, это просто увлечение, просто первая любовь, все должно быть как прежде!

Но Карло был непреклонен. Ужасная ссора продолжалась так долго, как никогда раньше, и первым сдался старший брат:

– Ну что ж, пусть так. Предположим, она будет здесь жить, места полно, не жалко. Но мне жалко времени, которое ты собираешься тратить на нее. Согласись, что ты серьезно не занимаешься вот уже который день, а это совсем нехорошо, это более чем нехорошо! Если она постоянно будет здесь, то когда же тебе думать о работе?

– Тебя это заботить не должно.

– Ах, опять старые песни! Запомни, меня заботит все, что касается тебя и, прежде всего, твоего голоса — он обхватил лицо брата ладонями и, пристально глядя в глаза, мягко попросил:

– Обещай мне, что все будет как прежде, что она не станет мешать.

– Она никогда не стала бы мешать.

Карнавал

Возможно, с моей стороны было безумием поддаваться на уговоры Карло, но вот я оказалась в Венеции. Мне уже приходилось жить в роскоши, но с какой радостью я поменяла бы все это великолепие на свой уютный домик с деревянным настилом террасы! Здесь у меня была просторная светлая студия с арочными окнами, выходящими на Большой канал, балкон, где можно было писать при свете солнца или просто отдыхать в мягком кресле. В спальне стояла огромная кровать, застеленная шелковыми простынями и заваленная грудой атласных подушек. Везде зеркала, ковры, серебро и хрусталь. Но этот антураж был лишь приятным дополнением к возможности каждый день видеть Карло. Он не солгал брату, обещав вернуться к занятиям. Маэстро Порпора приходил сюда, в специально устроенный на верхнем этаже музыкальный класс, где они занимались с раннего утра до обеда, а потом еще и еще. У меня была масса свободного времени, и я принялась за живопись.

С того времени как граф Альбертино устроил мне выставку, посыпались заказы от влиятельных господ. Мне надо было расписать будуар синьоры Кавалетто, домашнюю часовню, сделать пару-тройку портретов на заказ. При этом я успевала писать маслом на большом холсте портрет моего Карло. В общем, ушла в работу с головой, так что Риккардо мог

быть спокоен.

Незаметно прошла осень. Близился сезон карнавала, которого я ждала, как чуда, весьма смутно представляя, что это за праздник. Устраивались вечеринки, салоны, как их здесь называли. Мы посещали их довольно часто, не особо понимая зачем, но нужно было чтить традиции света. Приглашения копились огромными пачками, и Риккардо занимался их разбором, куда идти, когда идти, обычно решал он сам. Понятно, что великого Фаринелли хотели заполучить все, но в салонах он никогда не пел, считая это недостойным его таланта, хотя со всеми окружающими держался очень уважительно. Притом он отличался твердыми понятиями о приличиях, что было большой редкостью в театральном мире: антрепренеров не обманывал, с партнерами был мил и любезен, а немалые гонорары по ветру не пускал, вел размеренный образ жизни и больше всего заботился о сохранении голоса, в котором за последнее время что-то изменилось. Это заметил и австрийский монарх, которому Фаринелли не мог отказать в удовольствии слышать его пение:

– Вы умели петь медленнее самых медленных и быстрее самых быстрых, однако в прошлом вы более походили на исполина, а сейчас на человека. Благодаря этой появившейся простоте вы завоюете все сердца!

Фаринелли, которого обожали всюду, в салонах сделался общим любимцем и получал от вельможных поклонников вдобавок к подаркам и денежные подношения: от принцев,

от испанских и австрийских послов, от герцога Линдского, от графини Портмор и от лорда Берлингтона. Но, похоже, никакого интереса к этому не испытывал, совершенно не интересуясь и суммой заключенных контрактов: это была привилегия Риккардо.

Карло был очень одаренным, так что жизнь сводила его с монархами и вельможами, в чьем обществе он нередко чувствовал себя как рыба в воде. Хорошее музыкальное, литературное и научное образование позволяло ему без труда поддерживать знакомство с представителями знатнейших европейских семейств, возвышаясь тем самым над статусом простого певца. И вельможи наперебой добивались встречи с Фаринелли, любой был готов совершить невозможное, лишь бы провести с ним хоть часок.

После утомительных разъездов по гостям мы обычно уединялись в моих комнатах, закрывая двери на все запоры, и предавались страсти, которая, вопреки ожиданиям Риккардо, нисколько не затухала, а со временем росла, переходя в трогательную и нежную любовь, что существует только между самыми близкими людьми. Секрет заключался в способности Карло к глубоким и горячим чувствам: тот, кого он приближал к себе, щедро купался в его любви и внимании. Так однажды в Неаполе судьба свела его с молодым поэтом Метастазиио, и родившаяся в тот день дружба постепенно переросла в глубокую привязанность, которая крепла в продолжение всей жизни. Разлученные «близнецы», как они на-

зывали друг друга, регулярно обменивались трогательными письмами. Карло всегда давал мне читать письма Пьетро, каждая строчка которых дышала подлинно глубоким чувством, чистейшей духовной привязанностью и неподдельным интересом к любым житейским мелочам или важнейшим событиям в опере.

Метастасио старался начинать или заканчивать каждое письмо по-разному, так что мы читали то «дражайший и несравненный Друг», то «мой милый Близнец», то «обожаемый Близнец», то «любезный малыш Карло», то «несравненный Близнец» или «любезный мой Близнец». Однажды Фаринелли слишком долго не отвечал, и поэт назвал его «жестоким Близнецом» и с природным драматическим чувством, так хорошо проявившимся в его операх, продолжил: «Неужто начертанные тобою слова столь драгоценны, что нельзя надеяться их получить, не умоляя о том на протяжении нескольких олимпиад? Варвар ты неблагодарный, гирканский тигр, бесчувственный аспид, злобный барс, апулийский скорпион! Уж сколько месяцев тебе и в голову нейдет уведомить меня, что ты жив!»

Несмотря на разделявшее их расстояние, друзья обменивались подарками. Карло ящиками слал Пьетро в Вену ваниль, хину и нюхательный табак, а поэт сердечно его благодарил, но затем направление его мысли вдруг менялось: «Но увы! Сколь ни не пространны сии изъявления благодарности, и они кажутся чрезмерными девственной твоей

скромности, ты краснеешь, ты теряешь терпение, наконец, ты сердишься, и это забавляет меня».

Из месяца в месяц, из года в год эти двое благодаря переписке жили бок о бок, объединенные искусством. Метастазιο в одном из писем выразил свои чувства к другу так: «Не могу изъяснить мои чувствования иначе, как сказавши, что люблю тебя настолько сильно, насколько Фаринелло того заслуживает». И в этом я была с ним абсолютно согласна!

Пришел февраль — месяц карнавалов, которые проходят почти в каждом городе Италии. Самые знаменитые — «Венето» в Венеции, «Виареджо» в Тоскане и «Ачиреале» на Сицилии. Венецианский карнавал масок был самым известным, самым оригинальным и самым старинным. Я ожидала увидеть танцы на площадях, роскошные шитые золотом и украшенные драгоценными камнями карнавальные костюмы, среди которых самыми популярными были костюмы персонажей итальянской «Комедии дель Арте». Венецианский фестиваль был волшебным временем для всех, он нарушал все законы общества и государства и позволял затеряться в шумной толпе. Дворцовая площадь была залита светом днем и ночью, а ворота открывались для всевозможных вечеринок, театральных и музыкальных представлений. Проплывая на гондолах, люди приветствовали друг друга фразой: «Доброе утро, госпожа Маска!» Личность, пол и социальный статус теряли смысл. Имела значение только великая иллюзия Его Величества Карнавала.

Мы пропадали на улицах и площадях с вечера до самого утра, впитывая в себя энергию карнавала, всех этих безудержных толп, что потоком перетекали из одного квартала в другой. И везде царили свои традиции и законы, в одном районе жители наряжались в карнавальные костюмы, изображающие дьявола: красного цвета и в руке обязательно трезубчатые вилы. Эти жуткие персонажи бродили по кварталам города, выискивая жертву, чтобы ее напугать. В других районах жители надевали костюмы белого медведя, деревянные маски героев Ток и Токка. Этими масками стучали в дверь, и хозяева в свою очередь в виде откупа давали деньги или карнавальные сладости.

Мы видели демонстрацию повозок, запряженных быками. Жители сидели на повозках и разбрасывали в толпу coriandoli (фантики от конфет) и шарики из цветного мела.

Но самое интересное и трогательное происходило на главной площади во время открытия карнавала, на старинной площади Сан-Марко, окруженной шпилями церковью и дворцовыми стенами. С колокольни собора Святого Марка бумажная голубка Коломбина начинала свой полет, открывая праздник. Нескончаемый поток арлекинов, знатных господ, дам, рыцарей и шутов заполняли площадь в ожидании, когда голубка осыплет их дождем из конфетти. Мы с Карло, закутанные в длинные, черные, подбитые алым бархатом плащи, стояли, обнявшись, в укромном местечке и ждали начала, осыпая друг друга поцелуями:

— Моя голубка, моя Коломбина... — шептал он, и наши страстные объятия уносили меня на небеса.

И вот с колокольни собора слетела привязанная к тонкой нити бумажная голубка, в полете она взорвалась и осыпала собравшуюся толпу целым дождем конфетти. Началось безудержное веселье, громкая веселая музыка, волшебство первой карнавальной ночи.

Мы катались на гондоле вместе с синьором Марино и его друзьями, которые были разодеты в пух и прах. Тут были и жутковатые «бауто», и симпатичные «коты», и простые «вольто», но страшнее всех выглядел «доктор чума», наводивший своим видом ужас и при случае нарочно пугавший меня. Дамы скрыли свои лица умопомрачительными «коломбинами» и «венецианскими дамами». Да простит меня Карнавал, никакой маски я не надела, хотя бы потому, что она мешала дарить бесконечные поцелуи моему возлюбленному. Голову мою скрывала давно позабытая вуаль, та самая, в которой меня впервые увидел Карло, и сейчас она разжигала его страсть ко мне с еще большей силой.

Театры должны были работать каждый вечер вплоть до сорокадневного поста перед Пасхой. Мы с нетерпением и огромным волнением ждали премьеры оперы Риккардо, посвященной походу Александра Македонского в Индию. Планировалось вывести на сцену искусственного слона и настоящего белоснежного коня, на котором Фаринелли должен быть восседать в роли Александра. Не знаю, было ли

случайным это совпадение, но я теперь обращалась к Карло не иначе, как Великий Александр и как никогда чувствовала себя настоящей Роксаной. Риккардо специально включил в оперу исключительную по красоте и сложности арию «Qual guerriero in campo armato», зная, в какое неистовство приходит публика, слыша ее в исполнении Фаринелли.

Карло легко читал партитуру с листа, поражая способностью воспроизводить все сочиненные братом пассажи в течение более чем двух часов. Однажды я застала его во внутреннем дворе поздним вечером, когда все уже лежали в постелях. Он исполнял божественную арию с невообразимо высокими нотами, и голос его, резонируя с каменными стенами дворца, приобретал немислимую силу, вызывая дрожь. Воистину в эти минуты в него вселялся божественный дух! Я застыла в оконном проеме, заморожено внимая этим неземным звукам, и не сразу заметила, как за моей спиной остановился Риккардо. Он всегда вызывал во мне смесь неприязни и ощущения опасности, о которых прекрасно знал и пользовался этим.

Вздрогнув от его неожиданного появления, я обернулась со словами:

— Не правда ли, это гениально?! Ты слышал... эти высокие ноты, которые достигают неба?

— Безумец! — зашипел он в ответ и, отпихнув меня от окна, закричал: — Карло, что ты делаешь на холоде? Ты потеряешь голос!

Он как всегда говорил тоном, не подлежащим обсуждению, Карло опустил голову, минуту постоял и вошел в дом. Когда он поднялся по лестнице, по выражению его лица я поняла, что начинается очередная ссора. Эта их извечная борьба, старшего и младшего, формы и содержания, обострившаяся в последнее время, что немало огорчало меня. Пытаясь защитить своего Карло, я встала между ними.

— Никогда не мешай мне, — процедил младший Броски старшему.

— Я забочусь о тебе, или ты настолько глуп, что не понимаешь этого?

— А я не нуждаюсь в твоей заботе!

— Ошибаешься, братец, без меня ты ничто! Ты — мой голос, просто хорошо настроенное выражение моих мыслей, моей музыки!

— Риккардо! — я не выдержала и готова была заплакать или расцарапать его гадкое лицо. Карло удерживал меня за плечи дрожащими руками.

— Твоя музыка — это просто жалкий набор нот, а я не машина для пения! — сказав это ошеломленному Риккардо, он скрылся в своей комнате, захлопнув дверь.

— Риккардо, я не понимаю тебя! — меня всю трясло. — Ты получаешь удовольствие от унижения младшего брата? Ты негодай! Ты... У меня нет подходящего для тебя слова, потому что все, что ты говоришь ему, оскорбительно, гадко и низко!

Он приближался ко мне медленно, с кривой улыбкой на губах. Мне показалось, что он способен ударить меня, и я невольно сделала шаг назад. Подойдя вплотную ко мне, наклонившись над моим лицом, он проговорил:

– Сударыня, вы не можете обвинять меня ни в чем. Вы не имеете на это права.

– Я не имею на это право? Возможно, и нет, но кто дал это право тебе?!

– Мой и его гений. Музыка. Священный дар, которым наградил его бог или дьявол... Он чувствует себя богом, а он не бог... То, что вызывает у тебя и всех, кто его слышит, всего лишь умиление и восторг, просто опасно. Ах, вы, конечно, не знали, не делайте такие глаза, синьора! Увлекаясь этими безумными нотами, чтобы покорить таких, как вы, он рискует остаться без голоса. Карло глуп. Он думает, что нет предела его гению, а это не так. Вы бросились защищать его от меня, так лучше бы вы защитили его от себя самого! То, что гонит его ночью на холодную улицу и желание покорить небывалые высоты музыки, это ли не дьявольская гордыня и упоение собой, своим гением?! Знаете ли вы, что вот такой же герой просто умер прямо на сцене от сердечного приступа? Что, не слышали такие истории? Вы испуганы, вы вся дрожите... Идите-ка к себе. И мой вам совет — не мешайте мне останавливать его в его безумствах.

Вывернувшись из цепкой хватки Риккардо, я убежала в мастерскую, закрыла дверь на запор и бросилась в кресло.

О, как жестоко я обманывалась! Как же я была глупа! Кусочки мозаики теперь складывались в полноценную картину: вот почему Карло так безропотно сносил от брата все. Риккардо был прав, а я считала его негодяем! А Карло? Мои щеки пылали, я закрыла лицо ладонями. Как он посмел рисковать собой, когда у него была я?! Или, выходит, я лишь дополнение к какой-то его истинной жизни? Боже, должно быть так, и было... Так зачем он заставил меня переехать сюда? Лучше бы я оставалась в своей деревне, в своем счастливом гнездышке! Я могла бы ждать его там, где мы были так счастливы.

Надо было что-то делать! Я вскочила и через несколько мгновений оказалась в его комнате.

— Карло, мне нужно у тебя кое-что узнать, ты позволишь войти? — он не отвечал, но меня было не остановить. Я опустилась с ним рядом на кровать и коснулась его, услышав в ответ лишь тихий вздох.

— Значит, Риккардо все это время был прав? И ты ведешь себя, как безумец? А я? Я что-то значу для тебя? Или для тебя имеет значение только твоя музыка, слава, всеобщее восхищение? Ты не допускаешь мысли, что мне больно видеть тебя измученным, уставшим до смерти? Неужели нельзя пожалеть себя, хотя бы для меня? Похоже, ты пытаешься доказать кому-то, возможно, Риккардо, что ты лучший!

— Я пытаюсь доказать это себе, — он повернулся и серьезно посмотрел на мое мокрое от слез лицо. — И пожалуйста,

никогда не заставляй меня выбирать между страстью к тебе и музыке, потому что они равноценны.

Как все-таки быстро наступает мир между влюбленными! Страстные поцелуи, ночь, проведенная вместе, — и все забыто. Жизнь продолжалась: завтраки, визиты ворчуна Порпоры, этюды, прогулки по каналам, театр...

Однажды на одном из выступлений Фаринелли вступил в состязание с духовым инструментом, на которое были способны лишь единицы. Дело тут было не в том, чтобы солисты оркестра аккомпанировали пению по общепринятым в *opera seria* правилам (труба для воина, рог для охотника), а в том, чтобы певец доказал, что голос его обладает не меньшей, чем у трубы, мощью, гибкостью и способностью удерживать звук, и доказывалось это импровизациями, включавшими все трудности орнаментальной техники. У слушателей во время этого состязания буквально захватывало дух. После того как каждый усилил по одной ноте, показывая тем самым мощь своих легких и стремясь одолеть другого силой и блеском, им пришлось вместе исполнить крещендо и трель в терциях. Это длилось так долго, что оба, Фаринелли и трубач, казались изможденными.

Наконец трубач, у которого кончилось дыхание, умолк, будучи уверен, что его конкурент устал не меньше, а значит, в сей битве победителя не будет. И тут Фаринелли с улыбкой, из которой явствовало, что долгое состязание было ему просто в забаву, вдруг, не переводя дыхания, с новой мощью

не только усилил и украсил трелью все ту же ноту, но еще и добавил к ней весьма скорые и сложные деления. Лишь восторженные рукоплескания положили конец этой дуэли.

Риккардо был в полном восторге и не скупился на шикарные застолья, которые он устраивал для брата после каждого триумфального выступления. Он как будто не замечал, что Карло выглядел смертельно уставшим, что сойдя со сцены, он буквально валился с ног, с него еле успевали стащить мокрую одежду. Но Риккардо было мало: впереди забрезжила Вена и Англия. Контракты были готовы, оставалось лишь подписать их. Но Фаринелли не торопился, прочитав, отдавал брату листки обратно молча, словом, занимал выгодную позицию капризного любимца публики, приводя Риккардо в ярость.

У меня было много работы, каждый день я отправлялась в церковь святой Анны, чтобы расписать своды и купол. Со мной трудились еще несколько помощников, которые занимались сборкой и разборкой лесов, подготовкой стен, уборкой. Оставалась пусть и небольшая, но самая сложная часть работы — роспись купола. Взобравшись на невероятную высоту, я чувствовала себя птичкой на тонкой дощечке, но рука моя уверенно выводила облака и звезды, лики ангелов и серафимов. В полном одиночестве и тишине, работая наверху, я как никогда ощущала близость к богу и чувствовала благодарность за все, чем он щедро наградил меня. У меня было все, о чем можно было только мечтать: любимое

занятие и мой любимый супруг, с которым — я была уверена в этом — нас соединил бог. И невольно лицо изображенного мною господа было удивительно добрым и светлым.

Однажды, когда я находилась под куполом, до меня донесся чистый, прекрасный голос, который я почувствовала каждой клеточкой кожи. Это был мой Карло! Он стоял внизу, в центре, и пел мне и всему святому, что было в этой церкви, хвалебную песнь:

Salve, Regina, mater misericordiae;
vita dulcedo et spes nostra, salve.
Ad te clamamus, exsules filii Hevae...¹

О, как это было волшебно! Его голос был просто создан для того, чтобы звучать здесь! Наверное, именно об этом сокрушался маэстро Порпора, когда говорил, что светская музыка погубит гений Фаринелли.

За чаем, который накрывали в малой гостиной, украшенной золотом и лепниной, собирались обычно все вместе. И в такие часы, казавшиеся мирными, продолжался бесконечный и неразрешимый спор о достоинствах композиторов, о борьбе Броски, Генделя и Порпоры, разменной монетой которых всегда оказывался Фаринелли.

— Признайтесь уже, что все вы просто обожаете Карло. Без

¹ * Славься Царица, Матерь милосердия, жизнь, отрада и надежда наша, славься! К Тебе взываем в изгнании, чада Евы... (ит., Pergolesi «Salve Regina»)

его голоса все ваши потуги были бы пшиком! — с улыбкой на холеном лице произнес синьор Канторини и отхлебнул чай из изящной фарфоровой чашечки.

— Карло Броски! Я научил вас петь, не забывайте об этом! — Порпора покраснелся и стал похож на злого волшебника, ему не хватало только колпака для полного сходства. — Я был вашим маэстро! Не усугубляйте заносчивостью вашу неблагодарность!

— Он решил унижить нас своим презрением, и мы, похоже, зря теряем время за пустым разговором, — Риккардо язвил как всегда. — Карло Броски решил сегодня молчать.

Все засмеялись, кроме меня.

— Он стал просто невыносим с тех пор, как у него появился союзник, — и Риккардо многозначительно посмотрел на меня.

— Но какой восхитительный союзник! Я, право, завидую! — вмешался князь и учтиво стал ухаживать за мной, подливая вина в мой бокал.

— Благодарю вас, синьор Канторини, — улыбнулась я, изобразив на лице самую светскую улыбку, — но мне кажется, что все присутствующие здесь являются союзниками музыки и гения Фаринелли, не так ли?

Во время этого разговора Карло молчал, отстраняясь от всего, и взгляд его прищуренных черных глаз был отсутствующим. Считал ли он себя выше тех, кто так яростно спорил о музыке здесь, за столом, не знаю, но о презрении, кото-

рым попрекали его, не могло быть и речи: на земле я не знала ни одного более чистого человека, чем он.

Наши отношения с Риккардо был все такими же напряженными, и время в данном случае не спасало. Мы терпели друг друга изо дня в день, и скрыть это было не под силу ни ему, ни мне. Иногда возникало желание уехать обратно, сбежать в свой домик, спрятаться в него, как в раковину, но любовь к Карло останавливала меня. Если бы мы могли быть вдвоем, только вдвоем! Но рядом неизменно возникал Риккардо, который нуждался в брате: он был без него, как Нарцисс без своего отражения, как Орфей без своей лиры. Без Фаринелли музыка Риккардо Броски не существовала, без него он был просто безмолвием. Но, что ни говори, они были еще и родными братьями.

Ссора

Пролетело время, и оперный сезон подходил к концу. Роксана видела, как устал Карло, но публика хотела еще и еще. У представлений не было ограничений во времени, и порой, начавшись в семь, опера длилась до двенадцати часов ночи. Певцов не отпускали со сцены разгоряченные зрители, сами они вступали друг с другом в бесконечные дуэли, меряясь силой, умением и красотой голосов. Это требовало немалой самоотдачи и недюжинного здоровья.

Однажды, накануне очередного выступления, Карло был сам не свой. Уже будучи в гриме, он заперся у себя в уборной, никого не принимая. Как туда смог пробраться Георг Фридрих Гендель, которого Карло просто боготворил, уму непостижимо, но тот вдруг показался из-за портьеры и, глядя на изумленного Фаринелли, с дьявольской ухмылкой подошел поближе.

— Уйдите, прошу вас, — пробормотал Карло, — я не могу сейчас уделить вам внимание, я просто в ужасном состоянии.

— Я не займу у вас много времени. Я хочу поговорить с вами наедине, без вашего брата. Помните, несколько лет назад я хотел купить вас, и только вас. Но вы совершили непростительную глупость, которая, впрочем, свойственна вам, Карло Броски! Вы были настолько глупы, что посмели отказаться от моего предложения, спрятавшись за спину своего брата

— бездарного композиторишки, способного лишь на сочинения, достойные балагана. Однако я здесь. Подумайте о вашем будущем! Я не за вас переживаю, а за тот дар, которым щедро наградил вас Господь. Доколе вы будете тратить его так бесцельно? Призываю, остановитесь! Служите музыке, служите искусству!

— А вам? Вам я еще нужен, маэстро? — слабо прошептал Карло.

— Нет! Мне не нужен никто! Кем вы себя мните? Богом? Сознаюсь, что слыша вас, я не могу писать. Вы украли у меня вдохновение, у меня опускаются руки! Я просто ненавижу вас, Фаринелли!

Карло боролся с головокружением. Опять приступ! Его нервы были напряжены до предела, но он попытался поднестись.

— Ах, какая статья, какая осанка! Красота в высшем ее проявлении! Ваш красный плащ и перья, должно быть, отправят в экстаз эту изголодавшуюся публику. У вас пот на лице, вы испортите грим. Что ж, не хотите разговаривать со мной? Вы в очередной раз упустили свой шанс, Фаринелли!

Фаринелли, борясь с приступом дурноты, добрался за кулисы, где его ждал Буцефал, тот самый белый конь, на котором он в образе Александра Македонского появлялся на сцене. Что было потом, лучше не вспоминать: оркестр уже играл бравурное соло, руки Риккардо летали над скрипками и белыми париками музыкантов. Карло смог направить ко-

ня в центр огромной сцены, минута, другая... великий Фаринелли молчал. Зал напряженно затих. И вдруг певец без чувств свалился с лошади. Риккардо метнулся к нему: брат был без сознания...

Когда это произошло, меня не было в театре, в это время я трудилась над росписью в церкви. Оставались последние штрихи — нанести позолоту, и это увлекло меня настолько, что я работала при свечах до самой темноты. Вернувшись домой, я сразу поняла, что произошло что-то страшное: у подъезда стояла пустая карета, а в окнах Карло был свет. Сердце мое зашло так, что я не могла отдышаться, и вмиг поднявшись наверх, очутилась в наших покоях. Риккардо вышел мне навстречу из спальни и прикрыл за собой дверь:

– Риккардо, почему ты здесь?!

– Тише, ничего страшного, ему стало плохо, и я привез его домой.

– Как это стало плохо?

– Потерял сознание прямо на сцене, свалился с лошади.

Это все чертов Гендель! Говорят, его видели в театре.

Оттолкнув Риккардо, я влетела в комнату и первое, что заметила, — чашку с остатками молока и маленький флакончик рядом. Я взглянула на бедного Карло. Лоб его был покрыт испариной, он бредил. В бешенстве я кинулась на Риккардо, вытолкала его за дверь и стала кричать, злясь от соб-

ственного бессилия.

– Ты снова дал ему опиум? Да ты сущий дьявол! Как ты смеешь называться ему братом? Ты губишь его день за днем! В тебе нет ни жалости, ни любви! — я колотила этого человека что было мочи, я хотела уничтожить его, просто растоптать.

– Роксана, тебе лучше успокоится и уйти. Скоро он придет в себя, а твой вид, — он протянул руку, чтобы прибрать мои волосы, за что немедленно получил пару царапин, — только расстроит его. Он сам просил опиум, чтобы уснуть.

– Ненавижу тебя, — прошептала я, закрывая дверь, отгораживая нас с Карло от этого человека.

Несколько часов прошло, пока любимый не открыл глаза и не спросил:

– Где он?

– Кто?

– Маэстро Гендель.

– Его здесь нет.

– Он приходил послушать меня.

– Карло, спектакль отменили, Риккардо сказал, что тебе стало плохо. Он загнал тебя, каждый день представление! Это невыносимо, — я прижала к губам его слабую руку.

– Нет... Риккардо тут ни при чем. Зачем он приходил?

Мне показалось, что Карло продолжает бредить.

– Господи, дорогой мой, о ком ты спрашиваешь?

– Гендель. Он приходил ко мне. Я должен петь его музыку,

понимаешь? — его глаза засверкали. — Он прав!

Что я могла ответить? Что сделать? Чем помочь? Мой Карло был сам не свой, его терзали муки, неведомые мне, простой художнице, хоть и горячо любящей этого бедного гения.

— Все будет хорошо, саго. Все будет хорошо, — твердила я ему, как заклинание, наверное, больше убеждая в этом себя.

Оставив уснувшего Карло, я вышла из спальни и в большой гостиной пыталась налить себе чаю. Руки мои дрожали, я, не зная чем их занять, схватилась за уголь и начала рисовать на маленьком куске плотной бумаги.

— Я присоединюсь, — непонятно, то ли спросил, то ли поставил меня в известность Риккардо и сел напротив, блуждая по мне черными большими глазами, так непохожими на глаза своего брата.

— Я не хочу сейчас с вами разговаривать, Риккардо.

— А я очень хочу, — он просто вывел меня из себя. — С тех пор, как вы появились в нашей (он сделал упор на этом слове) жизни, все пошло как-то не так.

— Неужели? А у вас наверняка есть план, согласно которому все должно происходить? И что там, в вашем плане?

— Знаете, синьорина Роксана, в нем не должно было быть вас.

Уголек в моих пальцах обломился.

— Что ж, — помедлив, проговорила я, — видимо, вам придется скорректировать ваш план.

– Вы слишком умны и образованны для вашего пола и возраста, — раздраженно заметил он.

– И вы считаете эти мои качества, конечно, недостатком! Я и не сомневалась! Мне жаль, синьор, что вам приходится иметь дело с пустыми глупыми куклами из светских салонов. Уверена, что их внимание более приковано к Фаринелли, который так щедро передаривает их вам, потому что у него есть такая женщина, как я! Ну так будьте рады и благодарны!

Как же он побледнел! Что поделать, я не была покорной итальянкой, или француженкой, или немкой, да какая разница... От женщины в наши дни такое просто невозможно было услышать, я во всех смыслах была исключением. И никогда никто не смог бы переделать меня, тем более Риккардо Броски, будь он хоть трижды знаменитым композитором! Ко мне можно или привыкнуть и принять меня такой, какая я есть, или свести общение на нет.

Внешне я была спокойна, но внутри у меня все кипело. Риккардо же, как истинный итальянец, дал волю своему гневу. Он схватил со стола тяжелый серебряный кубок и швырнул его в огромное зеркало, которое с грохотом разбилось на тысячу мелких осколков. Я в ужасе вскочила из-за стола, но он не дал мне уйти, схватив за руки.

– Неужели вы не понимаете, что вы мешаете? Вот уже три контракта присланы из величайших театров Европы, а он ничего не подписывает! Он ждет, пока вы закончите свои заказы здесь, в Венеции! Вы понимает, где он, а где вы со своими

рисунками и звездами на стенах будуаров?! Мы не можем двинуться с места, потому что вы висите у него на шее!

Это было неожиданностью для меня. На самом деле я не думала, что Карло находился в Венеции так долго только из-за меня...

– Хорошо, я поговорю с ним. Это можно решить. Вы можете ехать, а я последую за вами, как только закончу свою работу здесь. И не надейтесь, синьор Риккардо, что вам удастся избавиться от меня. Вы опасный человек, и Карло я вам не доверю!

– Синьорина, вы невыносимы! С виду вы совершенная овечка, а при ближайшем рассмотрении оказывается, что вы могли бы дать фору всем венецианским куртизанкам!

Это было уже оскорбление! Я со всей силы ударила его по лицу, наградив глубокой ссадиной.

– Риккардо, вы — гадкий человек, способный лишь паразитировать на своем брате! Оперу вы сочиняете для него вот уже больше десяти лет, ее никогда не будет! Вы просто не способны ее написать! Вы заставляете его исполнять вашу музыку, которую он презирает! Да-да, вы не ослышались. Разумеется, она очень мудреная, перегруженная фиоритурой и сложными пассажами. Но это не музыка! Она не проникает в сердца, она не будит чувства, она мертва!

– Замолчите синьора, иначе я...

Думаю, он мог бы ударить меня, но в этот момент в дверях появился Карло. А потом произошла эта отвратитель-

ная сцена, не оправдывающая никого из нас троих. Карло увидел, как взбешенный Риккардо держал меня, лицо его было расцарапано, пол усыпан осколками... бог знает, что он подумал... Мгновение — и он набросился на Риккардо, пытаясь меня защитить. Я видела, что Карло не в себе, он был готов убить брата, я оказалась между ними, но сил моих не хватало, чтобы справиться с двумя здоровыми мужчинами. Риккардо, отброшенный братом, как-то неловко упал, я кричала, чтобы Карло остановился. Но остановила его только кровь, которая медленно растекалась по белоснежной рубашке Риккардо.

Они оба изменились в лице. Риккардо лежал, не шевелясь, в его изумленных глазах еще не было признаков боли, он просто не понимал, что произошло. У меня началась истерика. Мы бросились к раненому, хватали его за руки, Карло пытался его поднять, повсюду была кровь. Когда вбежали слуги и князь, уже было не разобрать, что случилось, и кто из нас троих пострадал. Монтерини бросился к Карло, который, казалось, ничего не понимал, только тряс безвольное тело своего брата и повторял:

– Риккардо! Риккардо!

Я пыталась оттащить его, чтобы помочь Риккардо, но у меня ничего не получалось. Увидев князя, застывшего в растерянности, я закричала:

– Уведите его!

Князь медлил, все еще не решив, кому первому нужно по-

могать.

– Это кровь Риккардо! Прошу вас, уведите Карло, пусть с ним кто-нибудь побудет! И позовите врача!

Риккардо упал на осколок зеркала. Слава богу, я была немного знакома с докторским делом. Разорвав все, что попало под руку: салфетки, скатерть, я зажимала рану, останавливая кровотечение. Риккардо потерял сознание, но приехавший врач похвалил меня, заметив, что я все сделала правильно и что синьор теперь обязан мне жизнью.

Когда Риккардо уже был вне опасности, когда его перевязали и перенесли в кровать, тогда я дала волю своим чувствам. Все мое платье было в крови, на моих руках была кровь... До чего же я дошла, боже! Я была виновата во всем: и в этих наших ссорах, и в этой безобразной сцене! Я встала между ними, пусть невольно, но...

Успокоившись, я сменила платье, смыла с себя кровь несчастного Риккардо и написала письмо, предназначавшееся Карло: «Мой дорогой, мой любимый Карло! Прости меня. И прости Риккардо. В том, что произошло, он не виноват. Он не хотел причинить мне зло, как ты подумал. Я не могу, я не должна больше стоять между вами. Пожалуйста, пойми меня и прости. Он любит тебя, и со временем ты поймешь, что его любовь – это главное, что нужно тебе. Он живет тобой, и в этом его слабость. Так пожалей его! Я благодарна тебе за все, что у нас было. Я была счастлива с тобой... Прощай! Твоя Роксана».

Риккардо лежал в своей постели такой же белый, как простыни.

– Риккардо, — я взяла его за руку, — как ты?

– Хорошо. Доктор сказал, что ты спасла мне жизнь, — он говорил так тихо, что мне пришлось наклониться к самому его лицу.

Как же сейчас он был похож на Карло!

– Умоляю, прости меня!

– Не плачь, это просто случайность. Это я должен извиняться перед тобой, перед ним. На самом деле ты была права, во всем, только я боялся признаться себе в этом.

– Риккардо, я оставляю вас.

– Нет!

– Молчи. Я уеду, уеду так далеко, что вы больше никогда не услышите обо мне. Прошу, люби его так же сильно и... напиши, наконец, свою оперу, он так ее ждет! — улыбка тронула мои губы, но из глаз текли слезы.

– Роксана!

– Прощай. И знай, что я люблю вас обоих.

Карета увозила меня на причал, где стоял огромный корабль, потом дорога, дорога... Снег... Как много здесь снега! Я уже забыла, как он выглядит. По ночам на постоянных дворах топили камины, чтобы согреться, но ничто уже не могло согреть мою замерзшую душу...

Графиня Альбертино приняла участие в моей судьбе. Мне были предоставлены всевозможные средства для дальней

поездки в Англию. Слуги, карета, запас продуктов, теплые вещи... Каким ничтожным было все это для моей души, которой сейчас требовалась только капелька тепла. И более всего на свете меня терзали мысли о Карло.

Несомненно, он очень сильный человек и должен справиться с этим. Он должен знать, что я все так же люблю его. Это, наверное, не было предательством? А что это тогда, мой побег?

Карета мерно покачивалась, увозя меня далеко-далеко, туда, где я никогда не буду счастлива.

Я больше не увижу его. Зачем мне тогда мои глаза? Я не услышу его, зачем же мне жить? Зачем меня везут на край света, ведь и там я не смогу не думать о нем...

Накануне той нелепой ссоры мне снился мой сон. Я падала из-под купола церкви. Невозможно долго падала, а на меня смотрели лица ангелов, все они были похожи на моего Карло. Внизу стояла толпа вельмож, их белые парики дрожали в такт их громкому смеху. А я все не могла упасть...

Болезненная усталость сморила меня, и я боялась вновь увидеть тот страшный сон. И бесконечная дорога, дорога в никуда...

Доктор дал Карло успокоительное, и когда он открыл глаза, было совсем темно. Не зажигая свечи, он пробрался в комнату брата и, как в детстве, устроился на кровати подле него.

— Малыш Карло, — Риккардо обнял его, несмотря на боль в боку.

— Тебе больно?

— Уже нет. Пустяк, не переживай, через пару дней все пройдет.

Они долго лежали молча, пока Риккардо не услышал:

— Она уехала. Навсегда.

— Она слишком тебя любит, чтобы уехать навсегда.

— Я видел ее письмо... Риккардо, куда она могла уехать?!

— Не знаю. Но мы найдем ее, слышишь? Обязательно найдем! Я тебе обещаю! Мы поедем с тобой, куда захочешь, в Рим, в Неаполь, в Вену, в Дрезден. Ты хочешь к Генделю? Я отвезу тебя к нему. Ты будешь петь в Ковент-Гардене!

— Я больше никогда не буду петь...

Риккардо прижал несчастного брата к себе. Что еще он мог сделать?

— Панна, панна, откройте глаза! Она не слышит... Принесите дров.

Вокруг была какая-то суета, шум, возня... Господи, как хотелось тишины!

— Она простудилась, наверное, — голоса вокруг меня не затихали. — Дайте, я посмотрю!

Чьи-то холодные, как лед, руки коснулись моего лба.

— У нее жар.

— Вы можете помочь?

– Я дам ей хины, наутро посмотрим.

Они говорят обо мне? Как же жарко!

Я сбросила с себя меховую накидку, которую тут же вернули на место.

– Уберите это, прошу вас!

– Госпожа, вы слышите меня? Это я, Катрин.

Служанка, которую мне подарила графиня. Катрин. Я вспомнила.

– Выпейте горячего молока, вам станет легче!

– Уйдите, прошу вас! Катрин, оставьте меня! — я разрыдалась, отвернувшись к стене. Когда же они оставят меня в покое? — Оставьте же, уйдите все!

Утро. В чужом доме. Солнце светит на низкий беленый потолок. В углу паук сплел паутину. Кто-то сидит рядом в кресле. Ах, да! Служанка.

– Катрин, — позвала я, удивившись, что мой голос звучал неестественно тихо. — Где мы?

– В Польше, госпожа. Вам уже лучше?

– Лучше, спасибо.

– Я приготовлю вам завтрак, — и она убежала.

Я поднялась на постели, накинула поверх рубашки плащ, посмотрела в малюсенькое окошко. На улице было полным-полно снега. И ни души. Просто мертвая тишина. На горизонте чернели крылья ветряных мельниц. И бескрайние заснеженные поля. Я без сил опустилась на подушки. Господи, в моих ушах плеск волн, крики гондольеров, чаек... и его

голос, мучительно больно:

Lascia la spina,
Cogli la rosa;
Tu vai cercando
Il tuo dolor²

Какой провидец написал эти строчки? — близнец Метастазіо? Или маэстро Гендель... Неужели кто-то еще в этом мире чувствовал нечто подобное? Ведь всякий раз твое несчастье кажется уникальным, только твоим. Гениальные поэты и композиторы не могли быть гениальны, не пройдя сквозь муки и любовь. Вот почему музыка Риккардо была мертва, но теперь, я уверена, он напишет свою оперу, и она будет прекрасна! Он ведь тоже нашел свою боль, как и мы с Карло.

Неделю-другую я провела в дороге, затем корабль, море, соленые брызги, холод, который забирался под одежду и, кажется, под кожу. Наконец, я увидела свое новое жилье. Это был древний каменный замок, сложенный из огромных серых булыжников, кое-где покрытых мхом. Он принадлежал двоюродной тетке графини, проживающей здесь уже очень давно. Сейчас эта старушка обитала в одной из комнат и редко выходила в свет. Ужинать мне пришлось в одиночестве. Впрочем, вся моя жизнь теперь была наполнена одиноче-

² * «Оставь шипы, сорви розу, иди искать свою боль» (ит., Handel, «Rinaldo»)

ством. Как и раньше. Только я и краски. Единственное, что мне оставалось, это живопись и мои воспоминания.

Риккардо, как все опасались, заражения не подхватил, его здоровый организм быстро справился с раной, и вскоре он уже спокойно ходил, хотя еще и носил повязку.

Lascia la spina,
Cogli la rosa;
Tu vai cercando
Il tuo dolor...

Звуки клавесина доносились сверху, Карло пел, в первый раз за это время.

– Малыш Карло, тырываешь мое сердце! Прошу тебя, успокойся. Или ты не веришь моим обещаниям? Ну, да, да! Мне сложно верить, но я клянусь тебе, скоро моя опера будет готова, мы будем иметь грандиозный успех в любом театре мира!

– К черту твой успех, я никогда больше не буду петь в театре.

– О господи! — воздел руки к небу Риккардо и выскочил из зала.

Карло все дни проводил в покинутой комнате Роксаны. Она оставила все: книги, одежду, свои картины. На мольберте стоял почти оконченный большой портрет Фаринелли или

Карло Броски? — уставшее лицо, красивая прическа, кружевной воротник, перстень на пальце...

— Риккардо!

— Что, братец?

— Она оставила все свои вещи, свои картины... может быть, она вернется?

— Если она не вернется, то я сам найду ее, я тебе обещал.

— Ты только обещаешь.

— На этот раз я не «только обещаю»! Карло, прекратим этот глупый спор. Там внизу тебя ожидает Порпора.

— Я не хочу. Скажи ему, я болен.

— Сам скажи, он не уходит уже битый час.

Разговор, который состоялся между Карло и маэстро, оказался неожиданным для всех.

— Итак, Карло Броски, — начал учитель, поглубже усаживаясь в кресло, — я слышал о вашем безрассудном желании отказаться от сцены. Что ж... Вы не хотите больше дарить себя публике, не желаете славы, что я не могу не отметить и не похвалить вас, но... Вы просто не имеете права не использовать божий дар, явленный вам в виде вашего голоса. У меня есть к вам предложение.

— Я слушаю вас, маэстро, но не ждите, что мой ответ будет положительным. В любом случае, как бы вы ни старались, вернуть вам Фаринелли не удастся.

— Хорошо. Итак, все, что я вам скажу, носит характер государственной тайны, помните об этом. Испанский король

Филипп тяжело болен. У него душевный недуг. Безопасность и само существование страны под угрозой.

– Маэстро, при чем здесь мой голос?

– Карло Броски! Вы не раз хвастливо утверждали, что ваш голос имеет особенную власть над людьми и обладает особенной силой. Он действительно долгие годы служил лишь грозным оружием против слезливых дам, настало время применить его в других целях. Я уверен, а самое главное, что в этом уверена и семья монарха, что ваше пение способно исцелить больного. Едемте в Испанию! Видите, я не упомянул никакого театра, вам надо будет всего лишь петь для Филиппа. Если это пойдет ему на пользу, вы окажете большую услугу всей его стране. Вполне благородно, так, как вы любите, — не мог не съязвить седовласый гений.

– Маэстро Порпора, я не думаю, что мое пение спасет кого-то от недуга. Видите ли, я сам душевно болен.

– Глупости! Вы несете чушь! Мой мальчик, вы ведете себя как слабак! Пора уже признаться в этом!

– Маэстро, — Риккардо встал на защиту брата, — не надо кричать на него, прошу вас. Карло все понял, он подумает над вашим предложением.

– Подумайте, Карло Броски! И будьте мужчиной!

Раздраженный маэстро покинул дом так быстро, как позволяли его больные ноги.

– Карло, Карло! Давай с тобой выпьем вина, брат. Этот старикашка сбрендил, не бери в голову.

– Я поеду в Испанию.

– Что?!

– Я поеду в Испанию. Прикажи собирать наши вещи.

Разлука

– Дочка, подойди ближе, сядь вот здесь, — тетушка Маргарет подвинула к себе маленький пуф, приглашая меня устроиться рядом. Сама она восседала на старинном, похожем на трон бархатном кресле, утопая в подушках. На первый взгляд могло показаться, что ей давно перевалило за сто. Но, по ее собственному утверждению, она чувствовала себя приблизительно на двадцать.

– Вы так милы, тетушка, что позволили мне остановиться у вас, — я поправила краешек шали, прикрывавший ее плечо.

– Я очень рада такому соседству, дитя мое! Жаль, что я плохо вижу, но обещаю, что покажешь мне все свои рисунки как можно скорее. Я немного разбираюсь в искусстве. Мой покойный супруг был страстным коллекционером всего необычного и привозил из разных стран премилые вещицы. Сейчас я уже и не знаю, где они, все растеряно за столько лет.

– Тетушка, а вы всегда жили здесь, в этом замке?

– Нет, что ты! Это только вторая и не самая лучшая половина моей жизни. Я жила при дворе Тюдоров! Какая я была красавица, сколько у меня было драгоценностей, какой выезд! Не представляешь, шестерка белоснежных лошадей и позолоченная карета.

– Вы и сейчас красавица. А потом что было?

— Потом... Я влюбилась в моего мужа, Генриха. И он увез меня сюда, в этот замок. Мы стали жить за городом, в полном уединении, — грустно вздохнув, поведала старушка.

— Но ведь это так прекрасно! Почему же вы грустите? Разве блеск и мишура королевских дворцов сравнится с уютным уединенным замком, где вы вдвоем с любимым?

Я вспомнила наш маленький домик, гроздья винограда, теплое солнце и море.

— Детка, ты вот-вот заплачешь. Не хочешь рассказать старухе о своей печали? Я слышала, что причиной твоего отъезда стали братья Броски. Который из них?

— Не знаю. Причина во мне.

— Так как его звали?

— Карло.

— И ты, конечно, любила его больше жизни, — улыбнулась тетушка.

— Я и сейчас люблю его больше жизни.

— Дитя мое, так почему, бога ради, ты здесь?!

— Так получилось, и так... будет лучше для нас всех.

— Это глупо и преступно, вот что я тебе скажу. Если бы я смогла тогда удержать своего Генриха от похода на войну... Вот что непоправимо! Кроме смерти, можно исправить все.

— Вы так говорите, тетушка, потому что вы мудрая.

— Ты хочешь сказать, что я старая и потому мудрая, — она рассмеялась, показывая прекрасные жемчужные зубы. — Мудрость приходит с годами, дитя. А вы, молодые, так на-

ивны! Вы предпочитаете набивать свои шишки, чем слушать нас, стариков. Как я могу тебе помочь? Мне больно смотреть на твое грустное лицо.

– Тетушка Маргарет, вы могли бы арендовать ложу в королевском театре?

– Могла бы я? Завтра ты получишь свою ложу! Не зря же я столько отдала двору, не правда ли? — и она заговорщицки подмигнула.

Карло вдруг принял приглашение испанской королевы Елизаветы Фарнезе. Она почему-то была уверена, что пение Фаринелли поможет облегчить муки ее страдавшего неврастением супруга. По рождению Елизавета была итальянка и, вероятно, слышала Фаринелли раньше, когда приезжала в Италию навестить отца. Позаимствовала ли она свою идею у другой испанской королевы, Марии-Анны Нейбургской, по сходной причине с 1698 по 1700 год державшей при Карле Втором Маттеуччо? Была ли она уверена, что так называемая «музыкальная терапия» способствует исцелению? Как бы там ни было, Карло и его брат отправились Мадрид. Филипп Пятый, внук Людовика Четырнадцатого и первый Бурбон на испанском престоле, дошел к этому времени до крайней степени истощения и депрессии. Ничто не спасало его от приступов черной меланхолии, когда он по нескольку дней не вставал с постели, никого не желал видеть, даже не умывался. Притом он уже более двадцати лет страдал

припадками буйного помешательства, когда сам себя царапал и кусал, нападал с кулаками на королеву и утверждал, что он то ли заколдован, то ли уже умер, то ли превратился в лягушку.

Первая встреча этого «демона» с новоприбывшим «ангелом» состоялась при следующих обстоятельствах: вечером королева привела Фаринелли в смежную со спальней короля комнату и попросила спеть. Эффект превзошел все ожидания. Филипп, прежде ни в чем не находивший утешения, буквально просиял: его искаженное лицо смягчилось, он улыбнулся, позвал к себе Фаринелли и сразу предложил в награду за только что испытанное огромное наслаждение все, что тот пожелает. Певец попросил лишь об одном: пусть его величество встанет с постели, побреет бороду и снова займет подобающее ему место главы государства.

Так Карло постепенно превратился в главное лекарство монарха. Каждое утро (кроме тех дней, когда назавтра ему предстояло причащаться) король говорил Фаринелли, что вечером ждет его у себя, и сразу после обеда тот приходил провести с Филиппом Пятым долгие вечерние часы в беседе, пении, игре на клавикордах, а иногда и в молитве. На протяжении долгих недель Фаринелли каждый вечер пел королю одни и те же арии, всего четыре или пять, что лишний раз подчеркивало волшебные и сверхъестественные свойства голоса Фаринелли, так как на самом деле репертуар его был огромен, а главное, он был гениальным импровизатором

и мог по собственному вкусу орнаментировать любое произведение.

Притом во время этих ежедневных встреч король наслаждался не только искусством певца, но и обществом задушевного друга, который и сам готов был слушать и понимать. Происшедшая с королем метаморфоза произвела в нем самые глубокие изменения: у него появился вкус к жизни, он стал обнаруживать что-то вроде веселости, подписывал все подносимые ему на подпись документы. Подписывал, не читая, но, по крайней мере, делалось ясно, что король в Испании все еще имеется. Фаринелли монарх доверял слепо, всецело полагаясь на его рассудительность, великодушие и тонкое дипломатическое чутье.

Певец буквально ни на шаг не отходил от Филиппа, изо всех сил стараясь побороть его меланхолию, хотя совершенно предупредить ее приступы, конечно, не мог, как не мог предупредить и припадки безумия. Между тем рецидивы случались все чаще, иногда король поднимался с постели лишь в два часа пополудни и только, чтобы поесть или половить рыбу, а иногда даже пытался сесть верхом на вытканную на гобелене лошадь.

Карло поддерживал отличные отношения с наследниками Филиппа: Фердинандом Шестым и Барбарой де Браганца — самой любезной и любящей четой во всем королевстве.

Все вокруг говорили о неподкупности Фаринелли. Невозможно сосчитать, сколько раз пытались дать взятку чело-

веку, ежедневно проводившему время с глазу на глаз с королевской семьей! Так, Людовик Пятнадцатый неоднократно предлагал ему через своих послов весьма значительные суммы за передачу информации, а несколько влиятельных сановников уговаривали его принять должность вице-короля Перу, опять же, с весьма значительным денежным вознаграждением. Все это было пустой тратой времени, ибо певец от души презирал любые почести, а особенно сопровождающиеся денежными выгодами: когда один испанский вельможа прислал ему в надежде на услугу ларец золота, он вернул подарок так поспешно, что даже не успел узнать, о какой услуге шла речь. Фаринелли жил в Испании не по своей воле и не для своего удовольствия, но услуги, оказываемые королевской семье, приносили ему больше радости, чем блестящая театральная карьера. Риккардо день и ночь корпел над своей оперой. Теперь он уже не мог жаловаться на то, что Карло отнимает у него все время.

Королевский театр в Лондоне меня не поразил: слишком много было здесь пафоса и чопорности. Артистов публика принимала совершенно не так, как это было в итальянских театрах, где любимцев вызывали традиционно по три раза и буквально топили в цветах, овации длились как минимум по полчаса. Здесь все было иначе, а по-другому и быть не могло. Те, кого я видела здесь, не стоили и десятой доли таланта Фаринелли. Но опера оставалась для меня глотком

прошлой жизни, и не дышать этим воздухом я не могла. Благодаря тетушке Маргарет у меня была своя собственная комната, которую мне не приходилось ни с кем делить.

Никогда мне не было так одиноко, как сейчас. Гораздо труднее, когда ты потерял, чем когда ты не имел ничего. Карло занимал все мои мысли. Я старалась забытья, но знала, что ничего не выйдет, потому что я не могла не думать о нем.

Мне пришлось заказать новый гардероб: здешний климат был просто ужасен: постоянные дожди навевали еще большую тоску. Все кутались в меха, носили длинные перчатки. После жаркой Италии и ее ласкового солнца, которое грело мои босые ноги, меня мучил холод, словно забирающийся под кожу. Никаких ярких цветов, которыми пестрели наряды южных красавиц: розовые, голубые, фисташковые, алые... Лишь черный и серый, изредка коричневый и темно-синий. Все как будто носили траур. Траур носила и я, это было глухое черное платье, накидка, отороченная мехом и любимая венецианская треуголка с черной вуалью. Как ни пыталась я скрыться и затеряться в этом обществе, все равно обо мне судачили, шептались, и я все это видела и за все время не нашла себе ни одной подруги, ни одного близкого мне человека.

Привычный ритуал: в первой половине дня я писала в саду, а после обеда собиралась в город, в театр. Экипаж мне был предоставлен роскошный: шестерка породистых лошадей, запряженных в великолепную карету, кучер в расшитой

золотом ливрее и пара сопровождающих слуг сзади на козлах. Ехать было далеко и долго, поэтому выезжали еще при свете дня, потом я молча проходила в ложу, ни с кем не разговаривая и не останавливаясь. Затем начиналось действие: оркестр, дирижер, примадонны, солисты, наряды, декорации... Боже, какая скука! Но в этот раз все пошло иначе. Музыка так увлекла меня, что я, вспомнив прежний восторг, не могла оторваться от сцены. Человек, который мог так заморозить меня своей музыкой, должен был обладать не меньшим профессионализмом, чем Порпора, или Броски, или Хассе, или... Гендель! Как же я сразу не узнала его!

В высоком белом парике он сам сидел за клавирами в оркестре. Его музыка заставляла трепетать душу и сердце — вот он, гений! Несмотря на плохих артистов, несмотря на скучный оркестр, он вытягивал оперу своей музыкой! И все, что происходило на сцене, уже не казалось мне второсортным. Неожиданно спектакль кончился, я очнулась не сразу. Сколько я еще не могла встать и покинуть свое место? Не знаю. Просто в какой-то момент меня оглушила тишина в зале, но мне хотелось еще и еще, чтобы это волшебство никогда не кончалось. Я как будто вновь оказалась в любимой Венеции... Гендель довел меня до дрожи и слез!

Когда я вышла из театра и уже приблизилась к своему экипажу, дорогу мне преградила массивная фигура. От неожиданности я замерла на месте.

– Добрый вечер, синьорина.

Так ко мне уже давно никто не обращался. Я старалась в темноте разглядеть лицо незнакомца. Это был Гендель.

– Добрый вечер, маэстро.

– Синьорина Роксана, не окажете ли мне честь в разговоре с вами? Я хотел бы пригласить вас на поздний ужин.

– Маэстро, это неудобно, но я не могу отказать столь уважаемому мной человеку.

Он взял меня под руку и увел в свою карету. Всю дорогу мы не обменялись ни словом. Рядом с ним я чувствовала себя еще более несчастной, ведь этот человек был связан с моим Карло, с моей прошлой жизнью, о которой я не уставала тосковать. А вот зачем ему я? По-видимому, ответ мне скоро предстояло узнать.

Расположившись в теплой гостиной с камином, мы сидели в мягких креслах, слуга незаметно накрыл на стол.

– Выпьем, синьорина, за все, что нас связывает!

Я молча приняла бокал с вином и, чтобы скрыть внезапно набежавшие слезы, опустила глаза.

– Маэстро, не буду отрицать, что рада вас видеть. Ваша опера, которую я сегодня имела честь слышать в Коvent-Гардене, поразительна! Вы поистине гений, вы тронули мое сердце...

– Признаюсь, и я был взволнован, увидев вашу одинокую и такую трагическую фигуру, закутанную в траурные одежды. Я все знаю.

Он смутил меня окончательно. Чем я могла ответить ему?

Лишь вздохом, который невольно вырвался из моей груди.

– Вам могло показаться, что я монстр, что я злодей, не раз я жестоко обращался с Фаринелли. Но я бесконечно люблю его талант. Вы хотите спросить меня о нем, я вижу по вашим глазам, но почему-то не решаетесь это сделать. Неужели гордыня, что проникла в сердце вашего друга, просочилась и в ваше? Так вот, он жив и здоров, как и его брат Риккардо. Живут они в Испании при дворе короля Филиппа. Он сумасшедший, и Фаринелли лечит его своим божественным голосом. На сцене он больше не поет, только для короля, по четыре арии каждый день.

Боль сжала мое сердце, рана закровоточила вновь.

– Именно вы явились причиной того, что гениальный, лучший певец мира оставил сцену.

– Маэстро, вы хотите своим презрением окончательно уничтожить меня? Поверьте, я уже уничтожена. Ваши обвинения, к чему? Почему вы вините меня? Не кажется ли вам это несправедливым?

– Дорогая синьорина, только любовь женщины может растоптать мужчину, и ничто больше! Вы знаете, мой театр обречен, я весь в долгах, они, как крысы, рыщут в моих покоях, роются в моем кабинете... Им всем нужны деньги! Даже если я продам все свои ноты, я не выберусь из этой ямы. Что мне еще продать? Своих героев, свои роли, свою музыку? Но я более не способен писать... Без него это не имеет смысла!

— Господин Гендель, я сочувствую вам.

— Мне не нужно ваше сочувствие! — вскричал он. — Верните миру его гений! Верните мне его голос!

— Вы обращаетесь не по адресу, маэстро, позвольте мне уйти.

— Синьорина, хотите, я стану умолять вас? Моя жизнь кончена, мне незачем писать мою музыку, — он устало опустил в кресло и стянул парик. Теперь он был похож не на мрачного гения, а на несчастного одинокого старика.

— Мне очень жаль, — сказала я, подойдя близко к нему. — Маэстро, вы просите невозможного. Но... я напишу ему. При условии, что вы отправитесь к нему сами, лично. Только в ваших силах вернуть его на сцену. Вы отвернулись от него, вы виноваты не меньше, чем я, а быть может, и больше. Я передам вам письмо через поверенного. Простите! — и, не оглядываясь, я сбежала вниз по лестнице.

Эта ночь была бессонной. Я сидела за столом при свечах в своей комнате, передо мной лежал чистый лист бумаги. Что написать? Как обратиться к человеку, которого... Боже, я чувствую себя предательницей, почему? Рой мыслей в моей голове... Слава богу, он жив и здоров! Но он поселился затворником в чужой стране, отказался от всего, что так радовало его. У него ничего не осталось. И кто был этому виной? Только ли я? Мне хотелось оправдаться перед самой собой. И Риккардо, который мучил меня каждый день, и сам Гендель, отказавший Карло, — все совпало. А может быть,

и сам Карло уже презирал меня за кровь родного брата, в которой были и мои, и его руки.

Старушка Маргарет показала мне, как можно любить каждое мгновение своей жизни и как надо ценить того, кого любишь... Прочь сомнения, я напишу ему!

«Дорогой мой, любимый Карло!

Я пишу тебе издалека в надежде, что ты прислушаешься к моим словам. Наверное, нет смысла вновь просить прощения. Зная тебя, твою великодушие и твою любовь ко мне, уверена, что ты не считаешь меня предателем, и — видит Бог! — это не так. Я все так же люблю тебя, всем сердцем, всей своей жизнью. Нет слов, чтобы передать все то, что я пережила и переживаю в разлуке с тобой. Уехав на край земли, я поселилась в мрачном замке в надежде похоронить себя заживо. Потому что без тебя нет смысла в этой жизни. Я продолжаю рисовать, но никогда уже моя кисть не сможет взять ярко-голубого, алого или изумрудного цвета: здесь только дождь и туман. Все пропитано моей скорбью, даже природа. Как бы я хотела увидеть сейчас нежное солнце Италии, которое согревало нас на нашей террасе, цветы, которые гроздьями спускались отовсюду, море, тебя...

Карло, маэстро Гендель рассказал мне о тебе и Риккардо. Ты очень огорчил меня тем, что бросил театр. Я думала, что в моем отсутствии ничто не будет больше сдерживать твой полет к вершинам музыкального Олимпа, что Риккардо, наконец, сочинит для тебя свою оперу. Мне очень жаль, что

этого не случилось. Могу ли я просить тебя о чем-то? Наверное, нет, но я вынуждена умолять тебя о милости к одному гениальному человеку. Добрее тебя я никого не встречала, ты всегда помогал и помогаешь тому, кому нужна помощь. Так прошу, помоги господину Генделю! Он должен встретиться с тобой и отдать это письмо. Прошу, выслушай его и помоги! Маэстро Гендель на грани краха, он в жалком состоянии, он болен, он стар, но все так же заносчив и невыносим, увы, это в его характере. Но он любит тебя, и ты ему нужен. Так протяни ему свою руку, которую он оттолкнул. Прости его!

Роксана»

Зной палил немилосердно. Все изнывали от жары и белого солнца. Король чувствовал себя лучше и пока особо не беспокоил своего придворного певца. Риккардо, растянувшись в сене на конюшне, скрипел пером, дописывая свою оперу. Маэстро Гендель, утирая пот со лба локонами парика, еле добрался до королевских покоев и с минуты на минуту должен был увидеться с Фаринелли, который его совсем не ждал и, похоже, не желал даже разговаривать. Только королева со всем своим влиянием могла уговорить его согласиться на эту встречу.

Их оставили вдвоем в одной комнате, врагов и друзей, соединенных музыкой навечно. Долгое время они не находили слов, наконец, первым нарушил молчание Карло:

– Маэстро, зачем вы здесь? Вам не кажется, что все свое презрение и ненависть ко мне вы уже излили в той, прошлой жизни? Я надеялся найти успокоение здесь, скрывшись от всех вас, рвущих меня, словно стервятники, заживо. Вы столько раз унижали меня, что я и сам поверил в то, что я всего лишь нарядная птица или машина для пения. Оставьте меня в покое! Или вам кажется недостаточным то страдание, которым меня наделила жизнь?

– Мой мальчик, не за этим я приехал. Настал мой черед испить чашу страданий. Можешь говорить мне сейчас все, что хочешь: я давно уничтожен, как композитор. Я понимаю тебя... как музыканта, но не как человека. По мне, ты слаб, ты опускаешь руки в самые ответственные моменты, ты, словно трус, прячешься то за спину брата, то в покоях монарха. Как музыкант могу сказать, что ты — бог, тебе нет равных, ты гений, пред которым дрожит моя муза, трепещет мое вдохновение. Я мог бы создавать божественную музыку для тебя, но десять лет назад ты плюнул в лицо Генделю, выбрав своего брата. Я приехал умолять тебя, видишь, до чего ты меня довел? Ты — мое спасение. Я разорен, я на грани краха. Ты нужен мне! Я руковожу королевским театром, я мужественный человек, но мне не под силу тягаться с театром конкурентов. Они ведут бесчестную войну. Слышите? Вы нужны мне, Фаринелли! Вы должны ехать со мной в Лондон! Мои артисты способны примкнуть к труппе чужого театра, продаться. В борьбе двух театров дозволено всё, и ар-

тисты это хорошо знают. Хотя король и поддерживает свой театр, он почти разорён. Подумайте, мой мальчик, способны ли вы на еще один благородный поступок ради спасения жизней!

— О чьих жизнях вы сейчас говорите, маэстро? — не глядя на него, спросил Карло.

— Вашей, моей, и, конечно, ее.

Карло побледнел и схватился за спинку кресла.

— Ну-ну! Только не надо ваших нервов, избавьте меня от этого, — Гендель брезгливо поморщился, к нему вновь возвращался его прежний заносчивый вид. — Вот, возьмите, — он протянул письмо. — За вашим решением относительно моего предложения я зайду завтра.

Вместе

Риккардо узнал, что в испанское королевство явился Гендель, одним из последних. Здесь, при дворе монарха, он утратил свое преимущество старшего брата и вынужден был довольствоваться ролью бывшего композитора нынешнего придворного певца и дипломата при дворе его испанского величества Филиппа — Карло Броски. До конца не смилив свой гордый характер, он, затаив обиду и ревность, демонстративно скрывался, как нищий бродяга, на дворе, в хозяйственных постройках, чаще всего на конюшне. Подобно отшельнику, зарывшись в сено, положив под голову седло, он сочинял свою музыку. Давным-давно, когда умер отец, завещавший братьям Броски всегда быть вместе, он клятвенно обещал тяжело заболевшему Карло написать для него грандиозную оперу. Сейчас Риккардо казалось, что эта опера сможет все исправить, и, уверовав в это, он с еще большим усердием принялся за работу.

— Риккардо Броски! — загудел под каменным сводом зычный голос Генделя. — Риккардо Броски, покажитесь! В этом сене самое место такому сочинителю, как вы, но все же я хотел бы видеть ваше апулийское лицо! Вылезайте, черт вас дери!

Риккардо застыл в недоумении, услышав зов Генделя, этого непримиримого и гениального врага семейства Броски.

С пера чернила закапали прямо на партитуру, покрывая кляксами ноты.

— Маэстро, — он театрально приподнялся со своего импровизированного ложа, — какими судьбами вас занесло в нашу дикую страну? Что вам понадобилось такого, что вы преодолели тысячи миль из своей благословенной Британии и появились в этом сарае?

— Ах, какие речи! Я, право, уже успел соскучиться по ним, — пробираясь между многочисленными препятствиями в виде хозяйственных инструментов и привязанных лошадей, Гендель наконец достиг укрытия Риккардо. — Теперь ваши инструменты — вилы и лопаты?! Занимательно!

Этот обмен любезностями мог длиться до бесконечности, но вскоре оба утомились.

— Я догадываюсь, маэстро, что вам здесь понадобилось, — произнес Риккардо уже без всякого намека на сарказм.

— Верно, синьор Броски, вы могли уже давно догадаться, что мне нужно. И я, мягко говоря, удивлен, что вы употребляете по отношению к нему «что», а не «кто».

Риккардо вспыхнул.

— Ну-ну, не стоит горячиться! Что за дрянной характер у братьев Броски! Меня тошнит от вашего воспитания! Но знайте, что без него я отсюда не уеду, — бросил Гендель, поворачиваясь на каблуках и скрываясь за воротами.

— Чертов старикашка! — заорал взбешенный Риккардо, только сейчас заметив, что чернила залили ему целый лист.

Прославленного Генделя милостиво приняли в королевской семье. Он, в свою очередь, был мил и любезен и даже согласился отужинать вместе с монархом и домочадцами. Маэстро отвели поистине королевские покои во дворце и окружили вниманием и заботой. Будучи умным и расчетливым человеком, он занял выжидательную позицию и никого не беспокоил ни разговорами, ни своим присутствием, хотя все догадывались о его конечной цели — увезти с собой в Англию Фаринелли.

Ближе к ночи Риккардо зашел в комнату брата. Обычно в этот поздний час тот возвращался от больного Филиппа и некоторое время проводил среди картин Роксаны, спрятавшись там, словно монах в келье. Но сегодня Карло сидел в своей комнате, уронив голову на стол и закрывшись руками. И эта его поза заставила больно сжаться сердце Риккардо, он упал рядом на колени и прижал брата к себе. Карло снова впал в свое оцепенение, не видя и не слыша никого вокруг.

— Карло! Карло! Ты разрываешь мое сердце! Ну почему ты такой?! Ты все время недоволен, ты винишь меня во всем! Согласен, это справедливо, но ты хочешь, чтобы я сдох? От боли, от жалости, от горя, от того, что ты не разговариваешь со мной, от того, что ты отрекся от меня?! — он трепал кудри своего брата, хватал его за руки, но все было напрасно. — Я страдаю, не веришь? Я добровольно унизил себя до приживала, ради тебя, для того, чтобы быть с тобой.

Или всего этого недостаточно?

– Нет, — прошептал Карло, пряча глаза и вырываясь из рук брата.

Риккардо заметил на столе исписанный листок бумаги:

– Что это? Письмо? От кого?

Взгляд Карло испугал его, в расширенных зрачках младшего брата бились боль и страдание. Нет... этого просто не может быть!

– От нее? Откуда оно у тебя? Где она?

– Не знаю, может быть, в Англии. Письмо привез Гендель.

– Гендель?! И он разговаривал с тобой? Хотя, что я спрашиваю...

Карло вновь отвернулся. От него больше невозможно было добиться ни слова. Риккардо заговорил тоном, каким обращаются к больному ребенку:

– Хочешь, я останусь с тобой? Я могу держать тебя за руку, как раньше, помнишь, как ты держал меня, когда я... тогда... поранился.

Не поворачиваясь, Карло покачал головой.

– Хорошо, я уйду.

Как только закрылась дверь, Карло поднял голову, вновь взял в руки листок. Провел по нему пальцами, повторяя движение ее пера. Она любит, она страдает. Но почему она так далеко?! Она сбежала, оставив его одного! Чего она испугалась? О господи, сколько вопросов, на которые он хотел и не мог найти ответа! И это добровольное заточение в чу-

жом и холодном замке ее, такой хрупкой, прозрачной, любящей солнце и море... Невыносимо больно было думать об этом!

Наедине с такими печальными мыслями Карло просидел до утра, не ложась и не зажигая свечей.

Риккардо пытался избавиться от своего горя музыкой и вином. В состоянии, близком к помешательству, застал его мрачный Гендель.

– Я разговаривал сегодня с вашим братом.

– Вы украли у меня моего брата! Вы украли у меня брата, маэстро! Ваша музыка воздвигла между нами непреодолимую преграду.

Гендель не слышал или не хотел слышать, он подошел к клавишину, ближе к Риккардо, и уставился в ноты:

– Кто это написал? Играйте. Играйте же! Никаких излишеств? Не может быть. Это на вас не похоже! Превосходно! Но нужно поменять гармонию. Усиьте мольбу. Понимаете? Подвиньтесь, подвиньтесь, — Гендель отодвинул ошарашенного Риккардо и уселся рядом с ним. — Ваш брат — чудовище. Чудовище! Играйте. Играйте же! Здесь совсем слабо. Более резко. Надо взять аккорд и рискнуть на хроматизм ре-бемоль. Неплохо. Отлично! Кем он себя считает? Богом? Он уничтожил вас и хочет сделать то же самое со мной. Принесите мне остальные ноты. Чернила, перо и вина! Чего вы ждёте?

Ошеломленный Риккардо вначале застыл столбом, а по-

том метнулся за требуемым. А гениальный маэстро уже занялся корректировкой его партитуры. Час, другой, третий они сидели вместе за одним инструментом, создавая поистине гениальное творение. Два известных композитора Италии и Германии соединили свой талант во имя единственного достойного этого дара исполнителя — Фаринелли! И он, как птица Феникс, должен был восстать из пепла ради божественного присутствия на земле — музыки.

Карло не мог не слышать того, что творилось этой ночью, звуки музыки пронизывали весь дом насквозь, они летели сквозь комнаты, струились через открытые окна на улицу, будили дворню, беспокоили лошадей на конюшне, и только безумец Филипп спал сладким сном в своей постели.

Так рождалась «Альцина» — опера немецкого композитора на итальянском языке. Гендель взял за основу либретто Риккардо Броски «L'isola di Alcina». Основная сюжетная линия, в свою очередь, была заимствована Риккардо из героической поэмы XVI века «Неистовый Роланд» пера Людовико Ариосто. По сравнению с оригиналом опера была несколько изменена Генделем для лучшего восприятия. Она должна была стать поистине фееричной и захватывающей. Все, начиная от сюжета и заканчивая сильными чувствами, наполняло это произведение несказанным волшебством и красотой. Она была сказочной, милой, чувственной, словом, такой, какую хотел слышать и видеть зритель.

Посреди океана скрыт остров волшебницы Альцины. Лю-

бого путника, попавшего сюда, она превращает в камни, деревья, животных и цветы. И только рыцарю Руджеро удается избежать этой участи. Великая волшебница влюбляется в него. Покинутая невеста Руджеро Брадаманта бросается на его поиски. Черета любовных наваждений, ревность, обиды, клятвы и прощения – причудливые повороты сюжета воплотились в звуках восхитительной, идеальной музыки. Одна бессонная ночь – и утром партитура была в руках Карло.

– Она такая красивая...

– Правда? Ты действительно так думаешь?

– Это самое лучшее твоё творение! Именно этого я и ждал.

– Мы сможем вместе работать над ней. Поставить «Альцину» в Лондоне! — У Риккардо дрожали руки. Он весь дрожал. Он так ждал этого дня!

– Карло! Что ты решил?

– Скажи маэстро, что я готов выступить в его театре.

Прошло время, отведенное на сборы, на прощание с любезной семьей монарха, на последние почести и подарки. Впереди был длинный путь – тысячи миль по воде и по суше, через разные страны и города, но над предстоящими испытаниями реяла путеводной звездой надежда. У каждого своя, затаившаяся сейчас где-то в глубинах души: на успех, на славу, на признание, на встречу.

Король подарил своему любимцу двадцать великолепных испанских лошадей, и путешественникам не было никакой

необходимости ждать по несколько дней смены экипажей. У них было все: и свои лошади, и две кареты, и золото, и вино. Как ни странно, за время пути не произошло ни одной размолвки между двумя соперниками, Броски и Генделем, напротив, уютно расположившись вместе, плечом к плечу на одной скамье, бывшие враги попивали великолепные вина и вели бесконечные разговоры о музыке и театрах. Риккардо был счастлив, а можно ли было назвать счастливым Карло? Глядя на его бледное усталое лицо, впалые щеки и отсутствующий вид, можно было счесть его больным, но он безропотно сносил все испытания этой бесконечной дороги.

— Посмотрите, маэстро, — Риккардо шутливо подтолкнул локтем сидевшего рядом Генделя, — видели вы когда-нибудь человека, столь недовольного, как мой брат? Карло, тебя ждет грандиозная слава, ты покоришь чопорный Лондон, ты докажешь, что нет ничего лучше настоящего итальянского пения!

— Вкупе с немецкой музыкой, вы хотели сказать, друг мой! — благодушно добавил маэстро, принимая еще один кубок с вином из рук Риккардо.

Карло только повыше натянул меховой воротник, спрятав в нем лицо.

— Друг мой, Бахус! — продолжил маэстро этот шутливый диалог, не лишенный определенного смысла, — вы как всегда ошибаетесь! Я удивлен, как вы за столько лет не смогли распознать, что же нужно нашему гению. Видите, он всем

сердцем презирает ваш успех, вашу славу, эту толпу поклонников, падающую у его ног, словно орды туземцев, поработанных Александром Великим! Он прав. Все это – сиюминутное удовлетворение тщеславия, но вечность, на которую дерзнул замахнуться ваш брат, она покорится непросто, и потребует гораздо больших потерь. Потому он такой.

– Маэстро, не смещайте меня! — расхохотался Риккардо, потом, прищурившись, потянул Генделя за воротник и прошептал ему прямо в ухо, — он такой потому, что он до смерти влюбился в эту художницу, Роксану. Видите ли, трагедия, первая любовь и все такое.

– Что ж, друг мой, это похвально, похвально. Артист не может передать всей глубины чувств на сцене, пока сам не пройдет через жизненные испытания. Нам стоит только надеяться на то, что его голос приобретет благодаря этому новые оттенки и интонации.

Они продолжали говорить о Карло, как об инструменте, смеясь над его душевными переживаниями. Но эта болтовня совершенно не задевала его. Чтобы не слышать и даже не видеть эту веселую парочку, сидящую напротив, Карло закрыл глаза.

– Смотрите, маэстро, Фаринелли еле выносит наше с вами общество! Так не будем больше тревожить его, лучше подумаем, где мы остановимся на обед, я ужасно проголодался! Карло, тебе не холодно? — Риккардо заботливо поправил шубу, укрывая ноги брата. — Как ты себя чувствуешь?

Ты не устал? Мы можем остановиться в ближайшем городе.
— Все хорошо, — у Карло вновь разболелась голова.

Что будет там, куда они едут, преисполненные таких смелых надежд? А что если все провалится, и опера не будет иметь успех? Если так случится, он никогда не простит себе этот провал. А что если он не увидит ее там, не найдет? Зачем тогда все это, ведь в сущности ничто не важно, кроме желания снова обнять ее, быть с ней.

Я расписывала маленькую готическую церковь, в окошках которой были вставлены цветные витражи. Леса поднимались, как жердочки, до самого верха. Рабочие, затащив наверх банки с краской, куда-то ушли и оставили меня наедине с Богом и со своими мыслями. Гендель отправился в Испанию, но сможет ли он убедить Карло приехать сюда? Что если его обида будет сильнее тех слабых доводов, что я привела ему в письме? Мазок, другой — и на своде появился лик Мадонны, печальный и преисполненный любви.

Не знаю, как могло произойти то, что случилось потом: доска, на которой я стояла, слетела с опоры. Мгновение, еще не понимая, что происходит, я смотрела вниз, на каменный пол церкви, и в моей голове пронесся тот страшный сон — я падала! Никакого ужаса, как во сне, не было, все произошло очень быстро и, по-видимому, тихо, потому что никто не услышал, никто не прибежал, и я лежала одна, не имея сил подняться. Сколько прошло времени, не знаю, наконец, ме-

ня обнаружили помощники, церковь наполнилась криками, суетой. Меня ощупали, решили, что поднимать опасно, и я была бессильна сказать им, что у меня всего лишь кружится голова. Они умоляли меня не двигаться, вытирали кровь, и мне было непонятно, откуда ее столько, ведь я не испытывала никакой боли.

— Карло! Карло! — Риккардо схватил брата за плечо и тряс что есть мочи. — Что ты?! Дурной сон? Посмотри на меня!

Карло уснул под стук копыт и покачивание кареты, под бесконечную болтовню новоявленных друзей, сидящих напротив. Ему снилась дорога, снег, бегущие лошади, потом он увидел ее. Роксана стояла на макушке скалы, у подножия которой плескались морские волны. Она была босиком, в своем свободном светлом платье. Высоко подняв белую шляпу, она махала ему и улыбалась. Вдруг прозвучал какой-то резкий звук, как удар грома или хлыста, что-то страшное, неотвратимое пронеслось над девушкой, и с ее исчезновением мир опустел...

Риккардо заглядывал в расширенные от ужаса глаза брата: — Тебе приснился кошмар, всего лишь страшный сон, я с тобой!

Карло отвернулся. За окошком был снег, лес и ни души вокруг. Его невероятно встревожило это видение, и всю оставшуюся дорогу он не находил себе места.

Меня бережно привезли домой, окружили мягкими подушками и молитвами. Долго ждали врача, так как ехать в нашу глушь никто не хотел. Наконец один знакомый тетушки Маргарет, такой же древний, как она, согласился не просто посмотреть больную, но даже остаться на ночь, дабы проследить, не наступит ли ухудшение. Упав с высоты на каменные плиты, я разбила голову, поэтому было так много крови, и доктор подозревал многочисленные переломы, но «заглянуть внутрь» он не мог, поэтому и помочь мне тоже был не в силах. Но я осталась жива, и тетушка назвала это чудом, объясняя все заступничеством девы Марии, лик которой я писала. Вдвоем с доктором они просидели возле меня полночи, пока сон не сморил их. Уходя, тетушка наклонилась ко мне и спросила:

– Детка, ты так напугала меня! Когда принесли твое бездыханное тело, я вспомнила все молитвы, которые знала и не знала! Ты не вздумаешь умирать этой ночью?

– Что вы, тетушка, я еще дождусь своего Карло! — тихо прошептала я ей. И таким ответом добрая старушка была полностью удовлетворена.

Несколько недель я не выходила из дома, с трудом поднималась с постели. Потом боль, сопровождавшая каждое движение, прошла, ссадины затянулись, на память об этой неприятности остался только небольшой шрам на виске. Вскоре я смогла вновь взяться за кисти: передо мной стоя-

ла благородная задача – реализовать желание тетушки увешать свою гостиную букетами цветов. Для бесконечных натюрмортов нужна была натура, за которой я отправлялась в сад. Туманное утро сглаживало краски, все было покрыто холодным налетом росы. Цветы, растущие на ухоженных клумбах, искрились от влаги и клонили отяжелевшие головки к самой земле. Я собирала в букеты левкой, лаванду, розы, подносила к лицу и вдыхала их тонкий аромат.

Сад простирался вокруг замка на несколько миль. Конца и края не было многочисленным дорожкам и беседкам, клумбам и розариям, белым и черным статуям и вазонам, но так называемые регулярные парки, на мой взгляд, были мертвы. Ах, как бы мне хотелось очутиться сейчас в диких виноградниках, миндалевых и апельсиновых рощах Италии!

Свернув за угол сосновой аллеи, я увидела человека, который шел мне навстречу по дорожке. Его фигура была до боли знакома, но я еще не могла разобрать, кто это. Каково же было мое изумление, когда я узнала в этом человеке... Риккардо! Он махал мне рукой издали и кричал:

– Синьорина Роксана!

Охалка цветов выпала из моих рук. Это было похоже на чудо: только что, мечтая об Италии, я видела человека с загаром и черными кудрями. Риккардо улыбался своей широкой белозубой улыбкой, такой знакомой и родной. Минута – и я оказалась в его объятиях! Похоже, что он, так же как и я, был искренне рад нашей встрече.

– Риккардо! Ты здесь?!

– По правде говоря, я еле нашел тебя! Здесь никто о тебе ничего не знает, никто не мог указать мне дорогу. Мы с маэстро Генделем использовали его связи, пока не добрались до троюродной тетки принца Уэльского, которая, в свою очередь, направила меня к своей десятиуродной племяннице, и так без конца! Но вот я здесь, — хвастливо приосанился он, — не будь я Риккардо Броски, если бы я не нашел художницу в Британском государстве! Мне рассказали какую-то невероятно жуткую историю о том, что ты разбилась насмерть, но я не поверил!

Я не могла прийти в себя: Риккардо был здесь, такой же, как раньше, за исключением того уже позабытого неприятного чувства, которое он вызывал во мне в прошлой жизни. Сейчас на всей земле не было роднее человека, и я не уставала смотреть на его такое знакомое и долгожданное лицо.

– Риккардо, — я боялась произнести то, что больше всего тревожило меня, не было сил задать самый важный вопрос. Но он все понял по выражению моего лица и заулыбался еще шире.

– Мы приехали в Лондон, чтобы поставить в королевском театре мою оперу!

– Так ты закончил ее?!

– Я же обещал! Ты не поверишь, маэстро Гендель выступает моим соавтором! Это будет грандиозно! — он схватил меня и закружил.

– Риккардо! Я вижу, ты счастлив? Прошу, поставь меня.

– Я счастлив, а буду еще счастливее, когда настанет этот великий день и мой дорогой братец выйдет на сцену Коvent-Гардена! — он не выпускал меня из своих горячих объятий. — Ну что же ты не спросишь о Карло? Он здоров, но я не могу сказать, что он в порядке. С тех пор, как... — он выпустил меня и поменялся в лице, — как ты покинула нас... его... он стал другим. Ты знаешь, он отказался от сцены и запер нас при дворе сумасшедшего испанского короля. Я за это время ни разу не видел, чтобы он улыбнулся. Почему ты не пожалела его, пропала из нашей жизни?

– Риккардо, не ты ли хотел этого? Каждый день я слышала, что я помеха, а потом та ужасная ссора... Я до сих пор не могу себе простить. Расскажи мне о нем.

Мы дошли до ближайшей скамейки, затерянной среди зарослей сирени, и он начал свой рассказ о приезде Генделя, о дороге, о работе над «Альциной».

– Карло замкнулся. Мы с ним почти не общаемся. Слава богу, его приступы больше не повторялись, или он научился их скрывать от меня, по крайней мере, ни разу не просил опиума. Он окружил себя твоими рисунками, не расстается с ними, вот и сейчас мы везли твои вещи из Испании в Лондон, и картины, и мольберты, в общем, все. Он страдает, я вижу. И поэтому я здесь! Я готов был перерыть всю землю вдоль и поперек, чтобы вернуть прежнего Карло. Ты приедешь на премьеру?

– Да, — помедлив, я спросила его: — Я могу его увидеть?

– Думаю, сейчас не стоит. Я боюсь, справится ли он со всем в этом случае. С утра до ночи Карло занят оперой, учит партитуру. За долгое время он впервые согласился петь, и я боюсь, что такие переживания будут для него излишни.

Внезапно Риккардо засобирался:

– Мне пора, так далеко ехать в город! Там в театре еще много дел.

– Риккардо, и ты ничего не скажешь ему?

Он колебался, но недолго:

– Я скажу ему, что видел тебя, и что ты придешь на «Альцину». Думаю, с него хватит!

Битый час Карло ходил за братом, выпытывая подробности его встречи с Роксаной.

– Почему ты мне не сказал?!

– Зная тебя, братец, зная тебя, я решил ехать один. Ни к чему тебе сейчас думать об этом, у тебя для этого впереди вся жизнь. Я видел ее, как тебя сейчас, и уверяю, она любит тебя, как и прежде.

– Любит меня... — эхом отозвался Карло. — Почему ты не привез ее?!

– Карло, вот ты уже смотришь на меня своими безумными глазами, а представь, что было бы, если б я привез ее? Она придет на премьеру. Твое дело — отдаться музыке, думать о нотах и своем голосе! И все, давай закончим этот разговор.

– Она ничего не просила мне передать?

– Господи, какой ты смешной! Я видел ее глаза, когда она боялась спросить о тебе, она, как птичка, вся трепетала, ловила каждое мое слово. Что она могла передать через меня? Дождись, скоро у вас будет возможность все сказать другу другу без свидетелей. И я тебе обещаю, что больше никогда не встану между вами, клянусь здоровьем Генделя!

Прошло время, и все было готово. Театр жил ожиданием премьеры. Гендель позаботился о том, чтобы звучание оркестра было исключительным. За сценой на длинных вешалках уже были приготовлены умопомрачительные костюмы для всех персонажей спектакля. Декорации расположили одну за другой в правильном порядке. На самом верху рабочие проверяли крепления. Воздух театра звенел от напряжения, казалось, от него можно было зажечь свечу, слишком много было поставлено на кон всеми участниками этого священнодействия. Гендель должен был во что бы то ни стало обеспечить театру аншлаг на весь сезон. Риккардо посвятил этому всю жизнь с момента, когда он начал писать эту оперу с семнадцати лет. Музыканты ждали своих гонораров, весь Лондон — Фаринелли, а сам он — свою даму под темной вуалью, как тогда, в Венеции, в театре Сан-Самуэль... На здании Ковент-Гардена уже висела афиша «синьор Карло Броски Фаринелли в опере Броски-Генделя «Альцина».

Роксана приехала без опозданий, заняла свое место в ложе, отодвинув кресло как можно глубже, а позже, когда ор-

кестр был на месте, к ней присоединился маэстро Гендель.

Они оба были так взволнованы, что, видимо, нуждались сегодня друг в друге.

За кулисами Риккардо пристально разглядывал брата, дрожащими руками поправляя на нем кружево воротника.

– Карло, как ты себя чувствуешь? Как твой голос?

– Мой голос со мной, не волнуйся.

– Ты справишься? — в сотый раз спрашивал Риккардо, не отпуская брата.

– Да.

– Тогда я пошел.

– Риккардо! Подожди. Ты видел ее? Она приехала?

– Карло, она с маэстро. Бога ради, думай о роли!

– Не волнуйся. Иди.

Еще раз обернувшись на брата уже в дверях, Риккардо покачал головой и помчался в зал к оркестру. В партере было не пройти, это было просто море людей!

– Великолепно, шепнул Гендель, — такого у нас давно не было. Если сейчас явится принц Уэльский, можно считать, мы победили!

И он пришел, важный, в красном камзоле с золотым шитьем, в парике, локонами спускавшемся ниже плеч, окруженный свитой, похожими на клумбы придворными дамами. Вид их лиц выражал лишь одно: «Ну, покажите нам что-нибудь». «Право, если бы я видела такие выражения на лицах всех зрителей, — подумала Роксана, — то никогда бы

больше не стала выходить на сцену». Она очень переживала за Карло, но в глубине души понимала, что напрасно, ведь он уже покорил не одну страну и не одного капризного монарха.

Оркестр заиграл тихо-тихо, в театре наступила гробовая тишина, открыли занавес, и зрители ахнули: так великолепны были декорации. Но все ждали появления самого главного, ради кого затеяна была эта премьера, — Фаринелли. Когда он вышел на сцену и обвел своими черными глазами весь зал, пронесся общий вздох: его так долго желали увидеть здесь, под туманным небом, эту заморскую райскую птицу, и он за пару мгновений загипнотизировал толпу, они внимали каждому его звуку, ловили каждый его жест, не в силах отвернуться или отвлечься.

Да, Роксана наконец увидела своего божественного Фаринелли, чей голос заполнил собой все пространство огромного королевского театра. На глазах Генделя выступили слезы. Она сама мало что видела, и лицо ее тоже было мокрым. Взглянув на маэстро, художница была поражена, впервые он не скрывал своих чувств, его словно душил воротник: дрожащей рукой он стал развязывать галстук, потом сорвал парик, весь подался вперед, опершись на перила, полулежа, он внимал голосу Фаринелли, который пел его музыку. Как долго они оба ждали этого слияния! Риккардо был в ударе: его руки, как чайки над морем, носились над оркестром, а глаза неотрывно смотрели на брата, предвосхищая каждую ноту, ловя каждое его движение.

Карло не испытывал волнения, на этот раз он был спокоен и уверен в своем голосе, который жил как бы отдельно от него, и все, что происходило вокруг, служило лишь фоном его мыслям. Долгие дни репетиций сделали свое дело, и теперь совершенно не приходилось думать о том, что делать и как встать, все происходило само собой. Карло чувствовал присутствие Роксаны в зале, но не видел ее, вот Гендель, почти в припадке, облокотившийся на перила. Риккардо говорил, что они должны быть рядом в одной ложе. Почему ее нет?

Нет, я не в силах была больше прятаться за спиной у маэстро, а вуаль мешала мне дышать. Гендель схватил меня за руку и держался за нее, как утопающий за соломинку. Видя его состояние, я испытала нечто вроде сладкой мести. Как же долго он высмеивал слезливых дам, падающих в обморок, а теперь и сам готов отправиться туда же!

Карло был красив, на этот раз без перьев и прочих излишеств, как любил говорить Гендель. Волосы его были причесаны по-новому: длинные локоны были собраны сзади атласной черной лентой. Ничто в его новом облике не мешало видеть в нем человека, и это был верный шаг маэстро, придумавшего образы всех персонажей «Альцины».

Наконец глаза наши встретились. Он увидел меня и мои слезы. Как ни старалась я сдержаться, душа моя томилась, а сердце сжималось от боли. На меня нахлынули воспомина-

ния о нашей первой встрече, о Венеции, о том, как мы проводили время на карнавале, о нашем маленьком раю на берегу ласкового моря. Мне стало больно дышать, Гендель сжимал мою руку и шептал:

– Боже, боже... только ради этого стоило родиться на свет!

Мы потеряли счет времени. Лишь гром оваций и поднимающиеся со своих мест зрители, усыпавшие цветами всю сцену, возвестили, что все закончилось. Что это был успех! Встал даже принц, и на лице его было совершенно иное выражение: он был изумлен, удивлен, поражен. Все кричали, началось просто безумие! Из партера люди карабкались на сцену, их не успевали стаскивать оттуда. Артистов не отпускали больше часа. Такого еще не было никогда, ни в одном театре. Голоса всех зрителей соединились в один крик «Фаринелли — бог!» Занавес закрыли, но никто не собирался расходиться, зал и все ложи были полны.

Видя все это, маэстро поднялся на свои слабые ноги и, не выпуская моей руки, стал пробираться по коридорам, лавируя между людьми, как корабль среди лодчонок на узкой реке.

– Синьорина, надо выбираться отсюда, иначе мы рискуем остаться тут до окончания жизни. Боже, какой успех! Какой успех! Мой театр спасен! Я спасен! — бормотал он и выглядел совершенно обезумевшим.

Во всем театре было не протолкнуться, народ заполнил все входы и выходы, знатные дамы наводнили парадную

лестницу в надежде, что по ней пройдет Фаринелли. Стоял такой гул голосов, что невозможно было услышать ни одного слова, произнесенного рядом. Нам удалось добраться до таких закоулков театра, что шум остался далеко позади. Несколько закрытых дверей, одна за другой, и навстречу нам вышел Риккардо.

– Наконец-то!

– Я думал, они разорвут меня на части, — жаловался Гендель, — это просто безумие, что там творится! Мы можем поздравить друг друга!

Риккардо освободил меня от маэстро, который все еще цепко держал мою руку:

– Маэстро, отпустите синьорину, что вы вцепились в нее, как тигр?! Роксана, теперь он ваш! Идите же к нему. Он чуть жив. Но я счастлив! Пойдемте маэстро, нам надо срочно отметить величайший день в нашей жизни! Вина!!!

Риккардо, подхватив под локоть Генделя, подобно ужу вывернулся в соседнюю комнату, непостижимым образом в его руке появилась открытая бутылка вина, и он отпил прямо из горлышка, а маэстро, как безвольный, ступал следом, натываясь на все углы. Я осталась одна перед дверью, за которой меня ждал мой Карло. Я вошла и сразу оказалась в его объятиях.

– Карло! Мой Карло! — так много хотелось ему сказать, но подходящих слов найти я не могла и только прятала мокрое лицо от его губ.

– Голубка моя, что же ты плачешь? — он восхищенно вглядывался в мое лицо. — Ты здесь, со мной!

– С тобой, навсегда с тобой!

Мы встретились, чтобы больше никогда не расставаться. И все прежние переживания растворились в нашем счастье. Ничто не имело значения, кроме возможности вот так обнять его и слышать, как бьется его сердце. Карло рассматривал мое лицо так, как будто никогда не видел его прежде, пальцами проводя по моим щекам, губам, шее.

– Что это? — он коснулся маленького шрама, который остался на моем виске после падения.

– Пустяки, — прошептала я, зарываясь в его волосы и вдыхая его запах, — я упала, когда расписывала потолок.

Он со всей силы прижал меня к себе и стал целовать этот шрам с такой нежностью, что у меня закружилась голова.

– Бедная моя, голубка, значит, ты все-таки упала? Когда это произошло?

– Недели три назад.

– Как же это... кто с тобой был?

– Тетушка Маргарет. Она и ее доктор, которому почти сто лет, они ухаживали за мной, как за собственной внучкой. Это было так давно, что я уже ничего не помню! — и я не лукавила, время сделало волшебный скачок, и все что было, осталось в прошлом, сейчас было только настоящее и мой Карло.

– Я каждый день мечтала вот так прикоснуться к тебе...

Иногда мне становилось страшно, когда в темноте, уже лежа в кровати, я пыталась представить тебя, вспомнить, как ты смеешься, как говоришь со мной, но у меня ничего не получалось... мне было страшно забыть тебя!

— Теперь я тебя никогда не отпущу, — он дарил мне бесконечное число поцелуев, я таяла в его руках, стгорая от нежности и любви.

Наверное, прошло какое-то время, пока мы поняли, что в комнате есть еще кто-то, что это Риккардо и рядом с ним Гендель. Ощущение было такое, будто они находятся за пеленой тумана.

— Посмотрите на них, маэстро! Вот где настоящая драма, любовь! Вот где настоящие чувства! Они не понимают человеческую речь, потому что у них свой язык! Надо все же вернуть их на землю! Карло! Дорогой мой брат! Если ты сейчас не выйдешь к ним, они разнесут театр!

— Они сорвут двери и ворвутся сюда, тогда нам несдобровать! — между двумя кубками произнес маэстро Гендель.

Они уже всюю праздновали сегодняшний триумф. Это было очень смешно — два изрядно подвыпивших композитора. А потом вдруг отворилась дверь, и вошел принц Уэльский в окружении своей свиты, что было неслыханной честью. Важно остановившись перед Карло, он произнес, медленно цедя слова:

— Синьор Фаринелли, Британия и я благодарны вам за спасение нашего театра. Мы никогда не забудем того, что вы для

нас сделали.

Карло смерил его глазами с головы до пят и так, как только он умел говорить с сильными мира сего, с величайшим достоинством ответил:

– Ваше высочество, я служу музыке, а она не принадлежит ни одному театру мира и не создана для войны!

Ох, как это не понравилось принцу, но он сдержался, надменно вздернув подбородок.

– Синьор Фаринелли, я имею честь пригласить вас на ужин, устроенный во дворце в честь сегодняшней премьеры.

Это было традицией при любом дворе — подавать певцов как изысканные блюда своим гостям, но и здесь принца ждало разочарование.

– Извините меня, Ваше высочество, но я не приму вашего приглашения, остаток сегодняшней ночи я намерен провести в компании своих близких друзей.

И это пришлось проглотить его высочеству. Судя по выражению его некрасивого лица, не часто он слышал подобную дерзость.

– Что ж, благодарю вас еще раз.

Карло учтиво склонился в низком поклоне. Принц и его окружение степенно удалились. Риккардо ухмылялся, уже не прячась за спину Генделя, а тот, сделав большие глаза, не разгибаясь, последовал за принцем.

– Бедняга Гендель! Карло, если ты бросишь тень на его ре-

путацию, он этого не переживет! — расхохотался Риккардо.

— Я думаю, сегодня он должен получить свое, — улыбнулся в ответ Карло, — а ты почему не последовал за ними? Ужин в королевском дворце обещает быть великолепным.

Риккардо запустил пятерню в свои густые кудри и сделал задумчивое лицо, как бы размышляя, стоит ли ему остаться или все же бежать вслед за маэстро и принцем.

— Дорогой мой брат, ты сумасшедший! Но я обожаю тебя! Отказать принцу Уэльскому, на такое способен только ты. Когда ты сообщил ему, что не поедешь, ты как будто возвестил ему о конце света! Такой скандал! — в руке у Риккардо вновь появилась бутылка и серебряные кубки, которые он тут же наполнил до краев.

— Давайте выпьем за наш успех! Это было великолепно, Карло! Лондон сражен наповал! За тебя, мой дорогой брат!

— За вас обоих! — добавила я.

Риккардо потихоньку выбрался посмотреть, что творилось за дверью. Похоже, спокойно уйти из театра не было никакой возможности. И я предложила сбежать.

— Тут есть еще выход? — шепотом спросила я, пока Риккардо вышел.

— Должен быть, — Карло все понял без слов, надел на меня свой теплый плащ, и мы стали подряд открывать все двери.

— Похоже, здесь! — за одной из них показался полутемный коридор, освещенный лишь светом луны, по узкой боковой лестнице мы попали на первый этаж со стороны черно-

го хода. Здесь никого не было, кроме рабочих, но им до нас не было никакого дела. Мы крались, как мыши, какими-то коридорами, не встречая на пути препятствий. Мне было смешно и страшно. Особенно тогда, когда коридор кончался, и надо было вновь открывать следующую дверь.

— Карло! — позвала я его, указывая на большую закрытую дверь, ведущую на балкон. — Ей, наверное, давно никто не пользовался, надо попытаться открыть.

Рама подалась, но не сразу, потом на нас дохнуло холодным воздухом: на улице было темно и сыро.

— Подожди, тут очень холодно, — я сняла свою вуаль и укутала его шею, — вот так. Осталось только перелезть на балкон — и мы на свободе!

Еще пару минут мы бежали к карете, а потом, задыхаясь, забрались внутрь, щелкнул кнут, и шестерка лошадей понеслась по мостовой.

После горячего поцелуя мы рассмеялись своему удачному побегу.

— Я украла тебя, как Альцина!

— Я рад этому! И куда ты меня везешь? В свой заколдованный лес?

— В заколдованный замок, где нас никто не найдет! Только тетушка Маргарет. Я хочу познакомить тебя с ней. Ты согласен на такую компанию?

— С тобою согласен на все, — как он был красив, когда улыбался! Я засмотрелась на его лицо.

– Я так счастлива! — я взяла его руки, чтобы согреть, и меня окатило волной нежности, потому что на его запястье была цветная ниточка, та самая, которую я повязала ему.

– Ты все еще носишь ее?

Он стянул с меня перчатку:

– А ты?

Моя тоже была на месте.

– Моя Коломбина, — он стал ласкать мою руку так, как будто она была отдельным от меня живым существом.

– Карло, мои губы умирают от ревности, они тоже хотят, чтобы их любили, — получив порцию поцелуев, я не унималась, дразня его, — и глаза, и уши, и щеки...

– Я тебя люблю, — и он не уставал доказывать это. Хорошо, что дорога за город была такой длинной.

– Роксана, — похоже, Карло собрался мне сообщить что-то замечательное. — Я купил для нас дом.

– Дом? Ты шутишь?

– В Италии, недалеко от Венеции. Перед отъездом в Испанию я его присмотрел, а потом его достраивали, но теперь там все готово. Может быть, он не совсем такой, как ты представляла, может немного побольше. Но из окон видно море, вокруг апельсиновые рощи и виноградники. И ты сможешь писать, там есть большая студия с огромными окнами! И сад, и даже огород для твоих заморских овощей.

Вот это был сюрприз! Я не находила слов. Милый мой Карло, неужели все это было возможно? Столько счастья!

– Я не могу поверить. Так просто не может быть!

– Почему? Если этот дом тебе не понравится, мы найдем другой, ведь ты не против, ты не передумала?

– Карло, это моя мечта, это наша мечта, и она сбылась! И ты здесь, рядом, и скоро я увижу море и солнце! Господи, как мне поверить в это?

Уже за полночь мы добрались до замка. Зная, что тетушка ложится поздно, а когда я уезжаю в город, она всегда дожидается меня, я решила сразу пройти к ней. При свечах она казалась старушкой феей в своем кружевном атласном наряде и буклях, усыпанных цветами.

– Тетушка Маргарет! Вот мой Карло.

Она с искрящимися глазами и улыбкой протянула ему руку:

– Подойди ко мне, мой дорогой. Боже, какой красавчик!

— Она шутливо стукнула его веером по руке. — Ей-богу, я думала, что мой покойный супруг был самым красивым мужчиной на земле, но вижу, что ошибалась.

Она неторопливо рассматривала Карло, как картину, приводя его в страшное смущение.

– Какая кожа, какие руки, а волосы — это же просто воплощение красоты! Божественно! Карло Броски, — произнесла она, пробуя на вкус его имя, словно дегустируя вино.

– Синьора, я хочу выразить вам свою благодарность за то, что хранили мое сокровище.

– Не за что, мой мальчик! Мне не составило никакого тру-

да, но мне право жаль, что ты увезешь ее отсюда. Я так привязалась к моей Роксане, к моей любимой внучке! Я опять останусь одна в этом старом замке. Идите ко мне, дайте я вас обниму.

Мы, как котята, примостились у ног старушки, которая восседала в своем старинном кресле, словно на троне. Горел камин, трещали дрова, за окном растекалась глубокая ночь. Где-то в саду кричали ночные птицы. Было так уютно и спокойно!

— Дети мои, вы, должно быть, проголодались? Хотя, подобно всем влюбленным, вы не чувствуете иного голода, кроме как друг по другу. Роксана, пойдй, прикажи накрыть стол.

— Тетушка, я схожу, но уже так поздно, все спать легли, я сама все сделаю, вы позволите?

— Вот, во всем такая, — добрыми глазами проводила Роксану старушка, — не может побеспокоить слуг, все и всюду сама! Добрая девушка с горячим сердцем. Которое она отдала тебе, красивый мальчик, — немного погодя добавила тетушка. — Бедняжка, она так страдала! Я была ей слабым утешением здесь. На ее рисунках только море и горы. Знаешь, я никогда не была в Италии. Расскажи мне про свою страну, мальчик, если я не сильно утомила тебя своей болтовней.

И Карло стал рассказывать ей о Венеции, о карнавале, о дворцах, стоящих прямо над водой, о гондольерах и их песнях, о великих соборах и апельсиновых деревьях. А я при-

несла массу разной еды из кухни и накрыла маленький стол, за которым мы с тетушкой обычно играли в карты. Подвинув его поближе к креслу Маргарет, мы, расположившись на ковре, прямо руками брали фрукты, сыр, кусочки ветчины и запивали все это красным вином.

— Знаете, тетушка, мы пришлем вам настоящего итальянского вина и какие-нибудь морские диковинки... У осьминогов такие щупальца!

— Нет, нет, ни за что! Какая гадость! — старушка сморщила нос.

— А может, вы приедете сами? Ну, пожалуйста, — мне так жаль было терять дружбу с этой милой женщиной, хотя я понимала, что это невозможно, ведь тетушка была так стара!

— Может, и приеду, дитя мое, кто знает? Брошу все и кончу свою жизнь не в затерянном замке, а на берегу моря, в окружении моих любимых деток. Карло, я вас уже полюбила! И то, как вы называете меня синьорой!

— Тетушка Маргарет, это большая честь для меня, — Карло поцеловал ей руку, растрогав окончательно.

— Тетушка, мой Карло сегодня так пел, жаль вы не слышали, принц Уэльский аплодировал стоя, а потом пришел поблагодарить его.

— Синьора, если хотите, я могу что-нибудь спеть для вас.

— Хочу ли я? Конечно хочу!

И Карло, которого на этот раз не пришлось уговаривать, перенес подсвечник ближе к клавесину. Он исполнил

несколько арий в огромной гостиной, освещенной лишь светом свечей и луны. Это было просто волшебно! Его голос струился мягко и нежно. Пальцы старушки, сжимавшие мою руку, заметно дрожали. Я взглянула на ее лицо, по которому бежали слезы, оно было исполнено невыразимого света и печали.

Мне так стало жаль ее!

– Тетушка, — я обняла ее колени, зарывшись в грудь оборок, — тетушка!

Она не слышала меня, не видела ничего вокруг, пока звучала музыка. Карло обернулся и посмотрел на нас с улыбкой. Маргарет, протянула к нему обе руки:

– Мальчик мой, подойди ко мне! — она обняла его так крепко, как позволяли немощные руки. — Мальчик мой, ты подарил мне такое блаженство! Теперь я могу умереть счастливой!

– Синьора, я не заслуживаю вашей похвалы, но не скрою, мне очень приятно.

– Тетушка Маргарет, что вы говорите? Вы так молоды и полны сил! И вы обещали приехать в Италию!

– Дитя мое, вот я расстроила тебя, но для меня смерть уже не страшна, я жду ее, как подругу, веря, что за гробом будет другая жизнь, не менее прекрасная, чем эта. А теперь, Карло Броски, я попрошу вас еще об одной услуге.

– Все что угодно, сударыня!

– Хоть я Роксане и не родня, но люблю ее, как свою внуч-

ку. Я вижу, вы достойный человек, обещайте мне беречь ее.

— Тетушка, я клянусь вам, я буду любить и беречь вашу внучку!

— Ну вот и славно, давно я так замечательно не проводила время, а теперь оставьте меня с моими воспоминаниями. У вас, молодых, еще все впереди, и незачем вам оглядываться на старух, идите!

Я расцеловала тетушку в обе щеки и пожелала спокойной ночи, потом взяла за руку Карло и повела в свои покои.

— Не бойся, тут везде каменные ступени и кованые лестницы, держись за меня.

— Это похоже на заколдованный замок, — Карло останавливался, чтобы рассмотреть призрачные лики святых на потолках, головы диких зверей, добытых на охоте покойным Генрихом, пыльные гобелены, прикрывавшие таинственные железные двери.

— А тетушка Маргарет — заколдованная девушка, которой двадцать лет, — прошептала я, — мне так жаль ее.

— Моя голубка, ты снова плачешь?

— Нет, просто так много всего приключилось, я очень счастлива. Пойдем!

Моя комнатка была под самой крышей. Приехав в замок, я сама выбрала ее. Это может показаться чудом, но мне эта комната снилась уже давно. И герани на окнах, и ковер на полу, и мягкие занавески. Когда мы вошли, на стене белел лунный зайчик.

– Вот тут я живу. Тебе нравится?

– Мне везде нравится, где есть ты.

– Мой Карло, — я обняла его, радостно принимая его поцелуй. — Как давно я ждала тебя! Как ты жил все это время? О чем думал? Вспоминал ли меня и наш маленький домик в деревне? Обними меня крепко, вот так, чтобы я слышала, как бьется твое сердце, иначе я не поверю, что это не сон.

– Я не знаю, что тебе рассказать, мне кажется, что я не жил. Я не помню ни одного дня, в котором не было тебя.

– Значит, ты правда любишь меня?

– Да, правда.

– И ты отвезешь меня к морю?

– Я отвезу тебя домой, к морю, очень скоро.

Дома

Окончился театральный сезон, на Лондон опускалось марево летнего солнца. Каждый день приближал нас к отъезду. Я стала проводить больше времени с тетушкой Маргарет, чувствуя, что больше никогда не увижу ее. Гендель, получивший все, о чем мечтал, был на взлете своего вдохновения и писал прекрасную музыку, которая должна была лечь в основу новой оперы. Главную партию он без сомнения опять отвел Фаринелли. Риккардо выглядел немного уставшим и потерянным. Отчего появилось это новое выражение в его облике, было непонятно, ведь дела шли более чем хорошо. Он хлопотал о будущем переезде в Италию: закупал все необходимое, нанимал прислугу, проверял состояние экипажей.

Я решила ничего не брать с собой из написанного здесь, все свои работы подарила тетушке на память. Маргарет тяжело переживала нашу предстоящую разлуку, ее мучила бессонница, она жаловалась на головные боли, и я, чем могла, утешала ее. Карло пел для нее каждый день, как когда-то для Филиппа, в надежде, что его голос поможет скрасить эти тяжелые часы перед расставанием.

В итоге Фаринелли провел в Лондоне несколько месяцев. Труппу финансировал сам принц Уэльский. Кроме сочинений Порпоры, Броски и Генделя, Фаринелли исполнял во-

кальные произведения Бонончини, Алессандро Скарлатти и Хассе. Театр осыпал его золотым дождем, он один получал столько, сколько вся труппа вместе взятая. После «Артаксеркса» Хассе лондонская публика устроила Фаринелли триумфальную овацию, как случилось почти всюду в Европе, где ему приходилось бывать. До отъезда в Италию он принял приглашение королевского двора, где принц принимал его в покоях королевы и слушал со столь явным удовольствием, что привел в недоумение придворных, знавших как о его неизменной сдержанности, так и о равнодушии к опере. Фаринелли получил от него в подарок огромную сумму денег и усыпанный бриллиантами портрет королевы — это было неслыханной щедростью!

В Италии, недалеко от Венеции, меня и моего любимого Карло ждал небольшой палаццо в сельском стиле. Этот земельный участок он купил еще до отъезда в Испанию, а затем из Мадрида следил за строительством и благоустройством резиденции, в которой намеревался поселиться до конца жизни.

Карло делил время между занятиями музыкой и мной, причем, смею заметить, предпочитал последнее. Каждое утро он молился, глядя из окна на церковь Богоматери ди Сан-Лука; при этом у нас было разрешение иметь в доме алтарь, так что его личный капеллан мог служить там мессу. Иногда мы любили ходить на богомолье к находящимся неподалеку святым местам, особенно к любимому Кар-

ло Святому Лорето. Он наносил положенные официальные визиты герцогу Пармскому, местному архиепископу, и еще нескольким вельможам, а у себя принимал, кроме просивших о встрече музыкантов, лишь немногих друзей, среди которых главное место в его сердце занял отец Мартини, бывший виднейшим в Болонье преподавателем и историком музыки и ставшим его духовником и ближайшим другом.

Мы с Карло открыли школу для детей, где я обучала их рисованию, а молодые музыканты, которые во множестве бывали в нашем доме, — музыке. Многие из талантливых ребятшек удостаивались чести получить урок и от самого Фаринелли, но вряд ли они догадывались о том, сколь великий человек занимается с ними: он так и остался милым, скромным, чутким и добрым.

Риккардо сделал свой выбор еще на пути в Италию, к нашему большому огорчению и, не скрою, слезам. Он уехал внезапно, решив, что дальше нам не по пути, что ему пора устраивать собственную судьбу. Это расставание мы переживали очень тяжело, пряча друг от друга свои горькие чувства. На прощание Риккардо оставил перстень, точную копию того, что носил Карло. Теперь эти два кольца, некогда соединявшие братьев Броски, были символом нашего любовного союза.

Уехал он тайно. Проснувшись утром, мы не обнаружили Риккардо в гостинице, только письмо, адресованное его младшему брату: «Дорогой мой брат, я счастлив видеть тебя

счастливым, и я уезжаю в поисках счастья и новой музыки, которую, как я надеюсь, когда-нибудь споет для меня Фаринелли». Не знаю почему, но это расставание стало для меня большим ударом, может быть потому, что Карло терял своего брата, и боль его потери передалась и мне, кто знает. Спустя некоторое время мы получили письмо, в котором Риккардо сообщал о том, что в Испании он завел дом и семью.

Гендель какое-то время процветал в своем театре, но затем принц Уэльский настроил против него Хассе и вновь раздул пламя конкуренции ради своей забавы. Но узнав о новой борьбе меж театрами, о травле Генделя, Карло отправился в Лондон ему на помощь. К войску Генделя примкнуло еще несколько итальянских певцов, и в итоге всем вместе им удалось выиграть эту борьбу и спасти честь великого композитора. Он побывал у нас в Италии, и я упростила его позировать для парадного портрета. Когда картина была завершена, Карло и маэстро не могли решить, кому она достанется: каждый приводил свои веские доводы и хотел заполучить этот портрет. Только мое вмешательство смогло разрешить этот спор: картина уехала вместе с Генделем в Лондон и заняла почетное место в кабинете композитора, а я написала точную копию, которую Карло повесил на самом видном месте в музыкальной гостиной, над клавесином, на котором чаще всего играл.

Прошел год, когда до нас дошло известие о том, что тетушка Маргарет умерла в своем замке. Слабым утешением

были мысли о том, что она успела получить не одно наше письмо и не одну посылку с итальянскими винами и подарками. Я горевала о ней, как о родной бабушке, которой у меня никогда не было. Карло все эти дни был рядом, чтобы поддержать меня. А потом мы были удивлены, когда приехал человек, представившийся поверенным тетушки, и привез для меня ее завещание: Маргарет оставляла свой заколдованный замок и сад мне и Карло. Возможно, когда-нибудь нам удастся совершить еще одно грандиозное путешествие в Англию, с которой было связано так много в нашей судьбе. Наша новая жизнь была наполнена солнечным теплом, любовью и свободой творчества. Бог щедро одарил нас счастьем. У нас было все, что нужно: любимый дом, море, безлюдные пляжи, цветы, холсты и краски, музыка, школа и близкие друзья.

La liberta

Иллюзия счастья

На белых камнях просторного патио лежали пятна солнечного света, изумрудные листья лиан изнывали от полуденного зноя и фиолетовые гроздья винограда стали прозрачными от пронизывающих их насквозь горячих лучей, словно в забытьи бабочки вяло качали крыльями, посасывая нектар из сердцевинок благоухающих цветов. Во всем была разлита звенящая тишина. На горизонте блестело лазурное море, окутанное туманом и, словно в раму, обрамленное пиками заснеженных гор. Морской воздух сюда не поднимался, и большой дом был разогрет, как будто в жаровне. И в нем, и в окружающих его многочисленных постройках все изнывали от жары – сиеста.

Самое прекрасное время для того, чтобы остаться наедине с собой и наслаждаться этой компанией в течение почти трех часов, когда тебя точно никто не будет беспокоить. Уютно потянувшись в плетеном кресле-качалке, я каждой клеточкой ощущала блаженство: море, солнечное тепло, запах цветов, чего еще желать, разве что...

– Сага, ты единственный человек на свете, питающийся солнцем, но я решил принести тебе вот это, – Карло протя-

гивал мне высокий ледяной бокал.

– Лимонад! О, вот об этом я только что и мечтала! – Карло заранее угадывал все мои желания. – Он такой холодный, в самый раз.

– Тебе больше ничего не нужно?

– Вы так любезны, синьор, что я не могу отказать себе в еще одном маленьком желании, – и кончиком пальца я показала ему на свои губы. – Один поцелуй Карло Броски – и я буду совершенно счастлива.

– И почему я ни в чем не могу тебе отказать? – Его поцелуй был мягким и нежным, таким, что сладко зануло сердце.

– Карло, я тебя так люблю, – прошептала я, не в силах выпустить его из своих объятий.

Он положил голову мне на колени и обнял мои босые ноги.

– Скажи, ты счастлив со мной? – Наверное, я бы умерла, если бы это было не так. С наслаждением я ласкала его волосы, запуская в них пальцы. – Мне все время хочется для тебя что-нибудь сделать, но я не знаю что, и это мучает меня. Ты так добр ко мне, ты заботлив и внимателен. А я?

Карло посмотрел на меня своими прекрасными глазами и засмеялся:

– Само твое присутствие делает меня счастливым. Мне больше ничего не надо, как только знать, что ты будешь сидеть здесь, несмотря на пекло, в своей белой шляпе и пить лимонад.

– Как мало тебе надо, – ответила я, улыбаясь в ответ. – Карло, скажи честно, ты здесь не скучаешь? Я вижу, что у тебя много дел, но все же...

– Ты хочешь сказать, не скучаю ли я по театру? – Он задумался, отчего лицо его вмиг стало серьезным, и в глазах промелькнула грусть. – Ты все чувствуешь, не правда ли, сага? Я не хочу, чтобы ты печалилась по пустякам.

– Но Карло, твоя печаль отзывается в моем сердце еще больнее. Я чувствую, что-то не так. И это что-то, это твоя любовь к опере, твоя жизнь – это земное воплощение музыки, которой просто перекрыли доступ воздуха, но она не может вот так взять и умереть! Если бы у меня отняли мою живопись, возможность писать, я не знаю, что было бы тогда со мной! Почему ты не хочешь даже думать о возвращении в театр?

Карло порывисто встал, всем своим видом давая понять, что разговор закончен.

– Карло, прошу тебя, давай поговорим об этом!

– Сага, не сейчас! Я обещал Доменико послушать его, извини, мне надо идти, – он поцеловал меня в щеку, как целуют любимого, но капризного ребенка, и скрылся в доме.

Мы с Карло уже успели обжить этот большой дом, вначале показавшийся мне огромным и пустынным дворцом. В первый день нашего приезда я бродила по анфиладам комнат, множеству лестниц, балконов и террас, не понимая, как можно жить в таком огромном и свободном пространстве.

Однако дом был построен очень удобно: он выходил фасадом на море, и всегда был наполнен солнечным светом. В комнатах, обращенных на противоположную сторону, было прохладно в полуденный зной. Самый светлый и просторный зал мы без всяких споров отвели под главную гостиную, где стоял любимый «Рафаэль» Карло – музыкальный инструмент, изумительно расписанный каким-то старым мастером. Позже над клавесином появился портрет маэстро Генделя, написанный мной как копия первого портрета, подаренного композитору, и тут же увезенного им в Англию.

Когда я впервые добралась до самого верхнего этажа, сердце мое сладко сжалось, это действительно была моя мечта, и не в силах больше сдерживать волнение, я бросилась любимому на шею: «Карло, это именно то, что я хотела! Понимаешь? Вообще все! Можно я заберу себе эту мансарду?». В его глазах я видела отражение своего счастья: «Голубка моя, это твой дом, делай, что захочешь!».

И я недолго думая расположилась в этой уютной мансарде с большим балконом и видом на море. В одной комнате я устроила спальню, в другой студию, и еще маленькую гостиную, как говорится, будуар. Со мной в Италию приехали мои холсты, кисти, краски, мольберты, а еще всякие мелочи, которые хранили память о жизни в Венеции: кукла, сделанная руками маленькой Роберты, старая вуаль, в которой я веселилась на карнавале, и, конечно, частичка Англии, память о милой тетушке Маргарет, подарившей мне на память свой

веер и шкатулку, где она в девичестве хранила свои драгоценности и тайны.

Среди колец, браслетов и серег в ней лежала записка от ее Генриха, полная страстных слов любви. Я любила перечитывать ее, держа в руках помятый, тонкий, как пергамент, листок бумаги, с размытыми от слез Маргарет буквами, написанными витиеватым почерком. Карло, застав меня за этим занятием, обычно смеялся и дразнил меня ревностью к этому уже давно не существующему сэру Генриху.

На счастье, дом быстро заполнился всем необходимым: мебелью, коврами, посудой, портьерами и прочим. Слуги были расторопные, сдержанные и вежливые. Большим хозяйством заправлял синьор Лучиано – какой-то давний знакомый друга Карло отца Мартини, который его и прислал. А тот, в свою очередь, снял груз забот о доме с наших плеч, и все, о чем нам нужно было подумать, ограничивалось выбором цвета обивки диванов и формы канделябров.

Почти все свое свободное время я проводила на улице, стараясь охватить вниманием каждый уголок этой живописной природы. Верхом на своем любимом Ragazzo я обследовала все окрестности и пляжи.

Быть может, именно наши, такие разные, занятия и увлечения позволили нам с Карло сохранить обостренное чувство любви друг к другу. Целыми днями он занимался музыкой, учил детей, общался с многочисленными гостями, наносил визиты, отвечал на письма, читал. Мы встречались,

случайно столкнувшись где-нибудь в закоулках дома, и эти неожиданные для нас обоих встречи были наполнены нежностью, сравнимой по силе ощущений лишь с первым свиданием.

Это была именно та свобода, о которой я мечтала всю жизнь: посвятить свое время тому, к чему лежит душа, а моя душа была расположена к любви и творчеству. Мне катастрофически не хватало времени, чтобы выплеснуть на холсты ту уйму впечатлений, что подарила мне ласковая Италия: настроение лета, счастья, покоя и восторга.

Небольшой ноткой горечи в этом букете был мой Карло, которого мне очень не хватало, на что я жаловалась ежесекундно, правда лишь себе в своих мыслях и чувствах. Даже находясь под одной крышей, мы редко оставались наедине, и мне все так же, как и раньше, страстно хотелось видеть любимого и быть с ним рядом, но, увы, боясь помешать или оторвать Карло от дел, я лишь наблюдала за ним издалека, мышкой притаившись где-нибудь в углу на софе, впитывая его присутствие в комнате всем своим существом.

Вниманием Карло одновременно пыталась завладеть масса людей: и музыканты, гостившие у нас, и представители знати, специально приезжавшие с визитами, и родители, приводившие своих детей заниматься музыкой, и любимые друзья, которым доставалось все его свободное время, а я питалась крохами с этого общего стола, но какими упоительными они были!

Сегодня было полнолуние, а это значило, что я не усну ни при каких обстоятельствах: виной тому моя давняя привычка маяться под бледным светом луны, страдая от бессонницы. В такие ночи, обеспечив себя всем необходимым: теплой шалью и чашкой чая, я располагалась на своем балконе в плетеном кресле.

После умопомрачительного заката, когда солнце тонуло прямо в море, окрашивая его воды в алый цвет, наступала ночь, поющая звоном цикад, благоухающая сладостным ароматом роз. Все успокаивалось и в большом доме: смолкали разговоры, прекращалась суэта, разъезжались одни и ложились спать другие, только слуги тихо убирали со стола и гасили свечи.

И вот луна во всей своей красе появилась на кобальтовом небе, рисуя искрящуюся дорожку на дрожащей воде. Море лежало прямо передо мной, словно расстеленный бархатный ковер, усыпанный звездами. Как жаль, что ни один художник мира не достиг еще полного совершенства в своем мастерстве, чтобы изобразить эту картину, и мне тоже приходилось лишь наблюдать, замирая от восторга.

Мне вдруг представилось, что я всемогуща, как богиня Селена, и что стоит лишь, крепко зажмурив глаза, захотеть, – и все желания тут же лягут на раскрытые ладони. Чего же я теперь желала? У меня было все или нет?

Закрыв глаза, я прислушалась к себе: Италия с ее морем и солнцем, большой дом, наполненный друзьями, школа, жи-

вопись и музыка вокруг меня, все это несомненные плюсы. Я продолжала размышлять, закутавшись потеплее и поджав под себя ноги.

Если есть положительные моменты, то они непременно сопровождаются теми, что имеют знак минус, и как ни странно, сюда попадает мой Карло, что еще... ах, да, путешествия. Слоны, львы, северные олени до сих пор оставались лишь мечтой. А еще Риккардо и старинный английский замок с коваными дверьми, скрытыми за гобеленами и хранящими свои тайны.

Как много оказалось в этом списке! Значило ли это, что я несчастна? Боже, какая сладкая грусть разливалась сегодня в моей душе, словно звуки скрипки в ночном воздухе. Луна тревожила каждую клеточку моего существа, проникая глубоко под кожу своим синевато-бледным светом.

– Сага, снова? – любимый заглядывал в мои глаза, зная, что за пытка для меня эти ночи полнолуния. Его руки по-хозяйски распорядились мной – через секунду я сидела у него на коленях, вся объятая его любовью и нежностью. – Ты даже не пробовала уснуть?

– Зачем? Я знаю, что бесполезно. Но я смирилась с этим, и, знаешь, сразу стало легче. Возможно, эти ночи полнолуния специально даны мне для чего-то важного, а для чего, я еще не разгадала.

Карло легко, чуть касаясь, провел губами по моей шее, вызвав волну дрожи и головокружение.

– Возможно, для этого? – голосом, опустившимся до шепота, спросил он, не прекращая ласкать меня.

Что тут можно было ответить?

– Карло, скажи мне, ты счастлив?

– Ты спрашиваешь меня об этом каждый раз.

– И каждый раз ты не отвечаешь мне!

– Это не так, ты прекрасно знаешь, что я счастлив с тобой.

– Почему ты такой? Ты улыбаешься и смеешься надо мной, почему ты не хочешь поговорить со мной серьезно?

Он попытался снова сбить меня с толку своими поцелуями, но это уже не помогло унять желание выяснить все до конца. Отстранившись, я удерживала его руки, которые все делали для того, чтобы я замолчала.

– Карло, ответь мне лишь на один вопрос!

Его глаза, до этого с усмешкой смотревшие на мое лицо, наполнились тревогой, но все же на этот раз он не сделал попытки сбежать, как это бывало раньше.

– Скажи мне, – медленно начала я свой допрос, – скажи, скоро начнется сезон...

Он перебил меня:

– Не скоро, осень еще только началась.

– Осенью, 28 октября откроется сезон, а там и карнавал.

Тебе еще пишут из театров?

Этот прямой вопрос вызвал в нем такое замешательство, будто плохого ученика пытали у классной доски, Карло отвел глаза в сторону, но наши лица были так близко, и я пы-

тались угадать его самые сокровенные мысли.

– Карло, посмотри на меня! – потребовала я и заставила его посмотреть мне в глаза. – И ответь мне, наконец! Тебе еще присылают приглашения?!

– Да.

Вот так просто. Оказывается, все, о чем думала я, интуитивно чувствуя подвох во всей нашей теперешней жизни, было правдой. Я вскочила, разволновавшись, стала мерить шагами террасу.

– И ты так просто об этом говоришь?!

Карло продолжал сидеть в моем кресле, напустив на себя невозмутимый вид. На этот раз он уже не отвечал. Мне же хотелось многое ему сказать, но подходящих моим мыслям слов не было.

– Откуда писали?

– Из Вены. Из Неаполя. Из Мадрида, – ровным голосом перечислял он. У меня дрожали руки, а потом и всю меня охватил странный озноб, от которого не спасала шерстяная шаль. – Из Ковент-Гардена.

При последних словах голос его дрогнул, вызвав у меня ностальгию и слезы. Ковент-Гарден, театр Королевы, Гендель, публика, устроившая неслыханные овации... Неужели такое можно было забыть, вычеркнув раз и навсегда из своего сознания, из своих чувств, своего сердца?! Фаринелли добровольно отказывался от своей прошлой жизни, но во имя чего?

Как же я хотела понять это! Взглянув на его красивое лицо, такое бледное под светом луны, я испытывала странную смесь раздражения и любви. Опустившись рядом с ним на колени, я смотрела на этого непостижимого человека.

– Ты принял решение? Ты уже выбрал?

– Да... Я больше никогда не стану выступать в театре, – медленно и холодно произнес он.

Этого ответа я ожидала всякий раз, когда задавала подобные вопросы, но каждый раз не была к нему готова. Слезы застилали мне глаза, и сквозь эту пелену печали Карло казался нереальным призраком.

– Сара, умоляю тебя, не плачь, твои слезы разрывают мне сердце.

Но я не могла и не хотела остановить поток слез, которые завлакивали мои глаза и текли по щекам.

– Во имя Бога, Карло, почему? – прошептала я то, что не давало мне чувствовать себя счастливой в этом сказочном раю, таком призрачном раю. Все вставало на свои места, складывалось мозаикой: наш мирок был лишь миражом, лишь искусной подделкой рая.

Он молчал. Он не пытался успокаивать меня. Он как будто окаменел. Я снова видела того Фаринелли, который терзался неведомыми мне муками. Сколько времени наши души вели безмолвный разговор, пять или десять минут, я не знала, но Карло прервал молчание:

– Роксана, я не хочу. Я туда не вернусь, – и, помолчав,

будто это было самое болезненное объяснение, он добавил: – Я слишком много отдал ему. Я достаточно отдал ему, и мне больше нечего ему дать.

– Ты знаешь, что это не так. И кто, скажи мне, кто определяет эту меру? – Я поднялась, отпустив его безвольные неподвижные руки. Он не пошевелился. – Ее может определить лишь тот, кто отмерил. Не ты и не я. Я не могу писать настоящие картины, я уже давно не пишу ничего стоящего, потому что у меня нет вдохновения, которое ты дарил мне своей игрой в театре, своим голосом и этой беспокойной кочевой жизнью. У меня была масса впечатлений, пусть они были и радостные, и горькие порою. И все это переплавлялось в моей душе в художественные образы, которые мои руки были в силах перенести на бумагу. Теперь же я пуста, как пуста моя жизнь в этом доме. Как пуста твоя жизнь, как ни стараешься ты заполнить ее массой вещей, – я, наконец, выговорила, и теперь хотела остаться одна. Уже в дверях что-то заставило меня обернуться и посмотреть на него, все так же неподвижно сидящего в кресле: – И еще, Карло, мы с тобой не можем дать друг другу того, что давало нам искусство, цена которого тоже безмерна!

Возможно, я причинила ему боль, но такую же ответную боль чувствовала и сама. Укрывшись с головой одеялом, я пряталась от всепроникающей луны, от нервного дрожания каждой моей клеточки, от горя, которое заполняло мою грудь и не давало дышать.

Имела ли я право на те слова, что так долго копила в себе и сегодня дала им волю? Он жил для меня, можно было быть благодарной уже за это. Но это было бы неправильно! Это противоречило всему его существу. Фаринелли был рожден для искусства, для вечности, о которой он пытался забыть. Но сделать это было уже невозможно! Как бы он ни старался сейчас вычеркнуть свое имя из истории – оно уже было вписано в нее. Все не так, все неправильно, пульсировали в моей голове болезненные мысли. Но я была рада, что смогла высказаться.

Среди звенящей пением цикад ночной тишины послышался шум резко одернутой занавеси на двери моей спальни. Обернувшись на звук, я увидела Карло. Объятая нахлынувшей нежностью к нему и жалостью к нам обоим, я протянула руки:

– Иди ко мне.

Мгновение – и я в его власти, полностью погребенная под его тяжестью, грубыми ласками, словно он пытался отомстить мне за все то, что я сейчас наговорила, и одновременно желал моей любви, как лекарства. Он искал во мне успокоения, как некогда искал его в опиуме, чтобы забыться и спрятаться от жизни с ее неразрешимыми проблемами.

Карло долго не мог прийти в себя после того откровения, что помогла ему пережить эта хрупкая и молодая, но такая мудрая женщина. Ради чего он жил все это время? Ради люб-

ви к ней, только лишь? Как она смогла разгадать эту пустоту, поселившуюся в его душе с того самого момента, когда они приехали сюда? Что же выдало ее, так тщательно скрываемую ото всех? Воистину, Роксана читала его мысли, она жила его жизнью, полностью разделив с ним судьбу и боль, и переживания, и мечты. Как же она была близка в эту минуту и как непостижимо далека ежесекундно! Как страстно хотелось доказать ей, что нет ничего важнее на свете любви к ней. Такой прекрасной, настоящей, искренней. Что могло соперничать с ее присутствием в жизни, неужели... искусство, которое она боготворила? Нет. Когда-то он называл страсть к ней и к музыке равноценными, но теперь это было не так! Он жертвовал музыкой ради любви к ней, почему же она не приняла этой жертвы?

Роксана была самой жизнью, от которой хотелось пить и пить, чувствуя, что живешь сам.

– Карло... – ее измученный голос, просящий о помиловании, остановил это безумное желание полностью поглотить эту женщину вместе с ее думами. Словно придя в себя, он остановился и сквозь пелену горячей страсти пытался рассмотреть выражение ее глаз, переживая, что напугал ее своей грубостью. Роксана смотрела кротко и тихо, и в ее глазах не было ни боли, и даже тени той обиды, с которой она произносила свою обличительную речь. Она источала любовь и нежность, светилась перламутром на шелке постели, она была неземной красотой, воплощенной и подаренной ему

как награда за все пережитые страдания. Карло прижался щекой к ее горячей щеке и замер, впитывая ее тепло, вдыхая ее аромат и слушая стук ее сердца.

Карло улыбался.

– Я люблю тебя, – восхищенно прошептала я, любуясь его красотой.

Боже мой, как же надо было постараться, чтобы произвести на свет такое чудо! Я обожала его длинные волосы, которые черными локонами спускались на плечи, глаза, казавшиеся бездонными, атласную кожу, к которой хотелось бесконечно прикасаться, губы, нежные, манящие, чувственные, одним видом доводившие до дрожи. Счастливец, он, казалось, не понимал своей красоты и ее власти надо мной. А я тонула в ней, испытывая неодолимую потребность прикосновений к этому чуду.

– Саго, моя жизнь, – я не могла насмотреться на него, до конца не осознавая, что он рядом. Все это было слишком прекрасно.

Полнолуние, забравшее сон, наградило меня новой ролью – немого стражника того прекрасного ангела, что сейчас тихо спал в моих объятиях. Словно ребенок, он был таким беззащитным сейчас. И эти невероятно длинные черные ресницы, теплая кожа щеки, тихое дыхание пробуждали во мне почти материнскую нежность.

Лицо спящего было таким спокойным, темные ресницы оттеняли худые щеки, черная масса волос вилась вокруг прекрасного лба, губы слегка улыбались, а грудь поднималась так незаметно, что захотелось проверить, жив ли он.

Роксана смотрела и смотрела на любимого, но сон не шел к ней, и, осторожно выбравшись из-под одеяла, она укутала им обнаженные плечи Карло. Он вздохнул, устраиваясь поудобнее, но через мгновение опять погрузился в мир сновидений. Она хотела бы знать, какие сны он видит, быть может, во сне случается чудо и освобождает его от всех цепей? Узнать это было невозможно, и Роксана, отворив деревянные двери, пересекла веранду и спустилась по ступенькам на дорожку, которая вела в сад. Деревья раскачивались на ветру, на ветке, нависающей над тропинкой, сидела маленькая ночная птица, издавшая свой внезапный пронзительный крик. Роксана отпрянула, испугавшись чего-то липкого на лице — паутины. Под ногами хрустели сухие веточки. Холодный морской воздух мог считаться благословением летом, но теперь для худенькой мерзнувшей девушки он был испытанием. Но возвращаться в дом не хотелось, Роксана уселась на мшистый парапет неработающего фонтана и погрузилась в свои мысли.

Уже давно в ее жизни не было места страданию, думала она, подперев свой детский подбородок ладонью. Мысленно она вернулась в то время, когда была маленькой девочкой и засыпала вся в слезах в доме чужой старухи. Как одинока

она была тогда! Так одинока, что временами желала смерти, хотя считается, что детский ум не может помышлять о подобном. Но Роксана думала по-другому, у нее не было воспоминаний о родном доме, о любящих руках, о тех, кому она нужна. Чувство одиночества было абсолютным. В то же время оно помогло выработать в характере такую силу, что годам к четырнадцати она могла управлять своими эмоциями и подавлять печаль. После этого радость и удовлетворение ей доставляла лишь хорошо выполненная работа. Нет, жизнь ее отнюдь не была пустой, и впечатлений было предостаточно, но любви она была лишена абсолютно. Никогда не испытывала желания стать матерью или стремления к мужчине, Роксана не могла оценить характер своих чувств к Карло. Она даже по-настоящему не знала, можно ли то, что она чувствовала к нему, назвать любовью. Он просто стал центром ее жизни. Она ни на минуту не забывала о его существовании, он приходил ей на ум тысячи раз в день, и если мысленно она говорила «Карло», то неосознанно улыбалась или чувствовала сердечную боль. Как будто он жил внутри нее, сохраняя при этом свою отдельную сущность.

Когда прежде она слушала чарующие звуки скрипки, то разумом стремилась к чему-то неизвестному, теперь же, когда в полумраке гостиной она смотрела на Карло, ничего искать было не нужно, все ее устремления воплощались в нем. Он захватил ее всю. Сначала красота и какая-то беспомощность Карло обезоружили ее, все одинокие годы пронеслись

в ее сердце со всей остротой. А потом ей показалось, что она сама нужна ему, как будто он видел в ней то, что она сама в себе не осознавала. Что он нашел в ней – печальной, холодной, несовременной? Наверное, было очень много людей в его жизни, кто был к нему жесток, но было еще больше тех, кто был добр к нему и обожал его. Людям с внешностью, способностями и, главное, характером Карло всегда хватает любви. Почему же тогда он предпочел ее?

Над горизонтом разгоралась заря, Роксана посидела еще немного, глядя на мерцающие всполохи зарниц, а потом, словно очнувшись, поспешила обратно в дом.

Ревность

Наступило прохладное утро, дарившее соленый бриз с моря. Наверное, уже в последний раз за этот теплый сезон мы смогли завтракать на открытой террасе. Карло сидел напротив меня и улыбался сквозь пальцы – удивительная привычка нас обоих. Меня это забавляло, я как будто бы видела в нем, как в зеркале, свое отражение. Осеннее солнце, уже не такое жаркое, но еще слепящее, падало Карло в глаза, и он щурился, становясь похожим на хищное животное.

– Карло, твоя улыбка наводит меня на мысль, что со мной что-то не так! – я собрала рассыпавшиеся пряди волос, с которыми играл ветер.

– Я просто люблю тебя.

– Ты смущаешь меня, прекрати.

– Ты покраснела, – он рассмеялся, чем привел меня в еще большее смущение. – Роксана, сегодня принесли почту, и там есть кое-какие новости, – он достал несколько сложенных и таких разных конвертов с остатками сургучных печатей.

– Дай мне! – Я отставила чашку с кофе в сторону и с волнением принялась открывать письма.

Одно было от маэстро Николы Порпора, он писал, что, несмотря на все его негодование по поводу и без повода (узнавался вздорный старый учитель!), он будет так велико-

душен, что посетит нас, чтобы удостовериться в том, что голос его лучшего ученика не потерял своей силы, а его обладатель – своего мастерства.

– Вот отличная новость! Карло, вскоре тебе придется держать экзамен. Ты видишь – маэстро настроен крайне решительно, – любимый продолжал беззаботно улыбаться, ни чуточки не страшась приезда своего строго учителя. – Ты еще в состоянии тянуть длинные ноты и задерживать дыхание на минуту?

Карло приблизил ко мне свое красивое лицо и прошептал в ответ:

– Знаешь, после сегодняшней ночи я уже не уверен.

Это интимное признание здесь и сейчас, когда вокруг было полно посторонних и мы были как на ладони, привело меня в страшное замешательство. Вначале я застыла в кресле, а потом огляделась по сторонам в надежде, что никто ничего не услышал. Пришлось прибегнуть к спасительному вееру – этой милой вещице, так много говорящей и так много значащей для любой женщины. Укрывшись за ним и переведя дух, я нашлась с ответом:

– Карло, в таком случае тебе стоит постараться, иначе сеньор Порпора обрушит свой гнев на меня, надеюсь, ты понимаешь, почему.

– Конечно, понимаю, я еще помню недовольство Риккардо по этому поводу, но, уверяю тебя, сага, что краснеть тебе не придется, – его самодовольный вид вызывал и во мне при-

лив гордости тем, что я была немножечко причастна к этому гению, вот так запросто сидящему со мной за одним столом.

– А что там во втором письме? – потянулась я к следующему конверту, сложенному вчетверо и заполненному знакомым почерком. – Это от Риккардо?

В моем сердце дернулись какие-то глубокие струны, я опасалась прочесть и глазами спрашивала о содержании своего любимого, но он молчал, потом, лукаво улыбнувшись, велел:

– Прочти!

Пришлось раскрыть листок: послание было коротким, не как обычно на несколько страниц, а лишь пара строк. Среди признаний в тоске по родной Италии, выражений братской любви я, не поверив своим глазам, прочла, что в семье Риккардо ожидается пополнение! Сумбурно и, по-видимому, дрожащей рукой он выводил сообщение о том, что Мария со дня на день должна была произвести на свет следующего (или следующую) Броски.

Я, признаться, совершенно не ожидала таких новостей и сейчас не знала, как отреагировать – это одновременно означало и то, что Риккардо становился счастливее, и то, что мы совершенно теряли его из нашей с Карло жизни. Теперь становилось ясно, что надежда на его скорый приезд к нам, на то, что смыслом его жизни вновь станет музыка, которую он писал для Карло, тает, словно свечка. А что Карло? Я взглянула на него, все еще держа перед собой письмо. Карло

был счастлив. Другого ожидать от него не имело смысла – наполненный только добром и любовью человек, а как же я была далека до такого совершенства!

– Саго, ты рад?

– Я просто вне себя от счастья, я не знаю, какие слова могут это выразить!

– Ты станешь дядей, и у тебя будет племянник или племянница, – выстраивала я вслух будущее, рисовала перспективу нашей жизни, того, как она может измениться.

– И ты окружишь его своей любовью и будешь купать в роскоши, я угадала? – скрываясь за веером, я безуспешно пыталась побороть возникшее чувство отчаянной ревности. А Карло словно светился изнутри, глаза его были полны радости и счастья, значит, я все правильно поняла.

– Мы должны поехать к ним! – мой Карло, обычно такой неспешный и меланхоличный, преобразился, казалось, еще секунда – и он прикажет собирать чемоданы.

– Подожди, куда торопиться? Ребенок еще не появился, сейчас им не до нас, поедem потом, когда он родится и немножко подрастет.

Он посмотрел на меня, как на сумасшедшую:

– Нет, нечего ждать! Мы поедem, как только будет готов экипаж!

По-видимому, было бесполезно пререкаться с ним, он уже принял решение, а упрямее человека, чем Карло Броски, надо было еще поискать.

– Хорошо, мы поедем, когда ты скажешь, – я поднялась из-за стола, оставив недопитым кофе и нетронутым завтрак. – Я к себе, соберу принадлежности, чтобы писать на дальнем пляже.

Испытав внезапную потребность остаться наедине с собой и своими мыслями, я быстро наполнила холщовую торбу всем необходимым, вскочила на своего Ragazzo и ударила шпорами по его бокам. Краем глаза я видела, что Карло провожал меня взглядом до тех пор, пока я не скрылась в зарослях зелени. А очутившись через пару поворотов горной дороги на берегу моря, я кое-как стреножила своего коня и бросилась на горячий песок.

«Гадкая, гадкая!» – колотила я кулаками по коленкам, стараясь побольнее ударить себя, размазывала слезы по щекам, но ничто не помогало выгнать эту глубоко внутри засевшую ревность. Почему я такая? Почему я не такая, как он?! Верно говорил Риккардо – от меня одни неприятности, так было раньше, так есть и сейчас. Почему в моей голове дурные мысли? Ничутьточки мыслей о других, а только о себе! Злая, гадкая эгоистка!

Примостившись на камне, опустив ноги по колено в воду, я вдыхала полной грудью воздух, но это не успокаивало. «Не хочу делиться ни с кем, мне самой его не хватает! Ни с кем – тем более с этим ребенком Риккардо!» И снова: «Как это гадко – так думать!» Я терзалась и мучилась, я бесилась и пыталась писать. Я просила Господа о ниспосла-

нии мне тысячной доли души Карло, ангельской души бескорыстного и любящего человека. «Только бы он не догадался ни о чем», – билась в голове одна-единственная мысль, когда я водила кистью по холсту. Я забывалась в работе, я представляла наш приезд и Карло, который, взяв на руки маленького Броски, навсегда отдаст свое сердце ему. А еще... быть может, он... – нет, об этом мне совершенно не хотелось думать и даже допускать намека на эти мысли.

Только что забрезжила слабая надежда на то, что мы уладим свою жизнь, когда Карло вернется в театр, и вот теперь... экипаж, сборы, дорога, этот ребенок...

Из-под моей руки проступало очертание горизонта, на котором сливались в единое целое небо и море, почти одного цвета, едва различимого оттенка ультрамарина. Волны, хлеставшие одна по другой, создавали ощущение движения на картине. Солнце, будто кораблик, тонуло в розоватой дымке, чуть просвечивая и придавая изображенному мотиву теплый и нежный оттенок. Но при всей этой теплой гамме картина вызывала ощущение тревоги.

Вокруг на милою никого не было, только море и я. И осадок одиночества в душе. Отчего оно сопровождает меня повсюду? Мне неуютно с собой, я недовольна собой, но я хочу быть лучше, каждый день видя перед глазами такой пример, как мой любимый. Но я слаба и трудно поддаюсь перевоспитанию. Что ж... будь что будет.

Я вернулась домой вся испачканная краской, уставшая

и раздраженная, все вокруг выводило меня из себя, и я срывалась на мальчишке, который открывал передо мною двери и одергивал в сторону портьеры.

Эмилио – так его звали – в наш дом отдали родители без всякого сожаления, в надежде, что он выучится играть и петь и больше не будет висеть у них на шее. То, что делал для всех местных жителей Карло, требует отдельного рассказа – стоит лишь сказать, что благодаря его заботам в округе не осталось ни одного бедняка. И бывшие бедные крестьянские семьи уже с гордо поднятой головой посматривали на своих некогда среднего достатка соседей из отдаленных мест. Эмилио, обожавший Карло, и, похоже, боготворивший его, перенес эти чувства на все, что того окружало, и сейчас он готов был на любую услугу, лишь бы угодить своей синьоре. В любой другой день меня бы это позабавило и умилило, но только не сейчас.

Бедный мальчишка оказался под рукой совсем некстати. Я кое-как добралась до своей студии и пыталась найти масло, чтобы стереть пятна краски. Эмилио бросился мне помогать, вообще не зная, как может выглядеть эта жидкость, и в результате грохот, битое стекло, испорченный ковер под ногами и залитый красками стол.

– Эмилио! – закричала я, еле сдерживаясь: – Оставь все, ничего не трогай, бога ради! Просто уйди.

Испуганный мальчик дрожащими руками стал подбирать осколки, с его щеки капнула слезинка, он что-то бормотал...

Слова извинения! Он боялся меня?! Этого еще не хватало! Мне пришлось опуститься на стул, потому что ноги мои почему-то стали ватными.

– Эмилио, подойди ко мне.

Он, не поднимая глаз, подошел и стоял, держа в руках остатки склянок.

– Дай мне это, – я протянула руки, и мальчик, не глядя мне в глаза, высыпал осколки мне в ладони. Как же он был напуган, такой маленький, худенький, черноволосый.

– Эмилио, прости меня, пожалуйста, я не хотела на тебя кричать, тем более ругать тебя! – приподняв лицо мальчика, я увидела недоверие в его глазах. – Прошу, не обижайся, ты не виноват, я сама неловко задела все это, ничего страшного, мы сможем вместе поехать в город и купить все новое, правда же? – но, похоже, мальчик не только не доверял мне, но и не верил, что я говорю с ним искренне.

С тяжелым вздохом я отпустила его и продолжала сидеть, обозревая погром в мастерской. Вот так и застал меня Карло. А увидев, остановился на миг, а потом рассмеялся.

Лучше бы он промолчал! Я больше не смогла сдерживать эмоций и просто разрыдалась, уткнувшись в перепачканные ладони. Только спустя его долгие уговоры и поцелуи мне удалось перевести дух и вздохнуть.

– Я понимаю, что сейчас бесполезно у тебя спрашивать, что произошло и отчего ты плачешь? – спросил Карло, крепко прижав меня к себе, на что в ответ мое тело снова содрог-

нулось в рыданиях. Он пытался успокоить меня, дав воды, и выглядел совершенно растерянным.

– Сага, умоляю тебя, объясни, что случилось? Ты пугаешь меня, скажи, что?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.